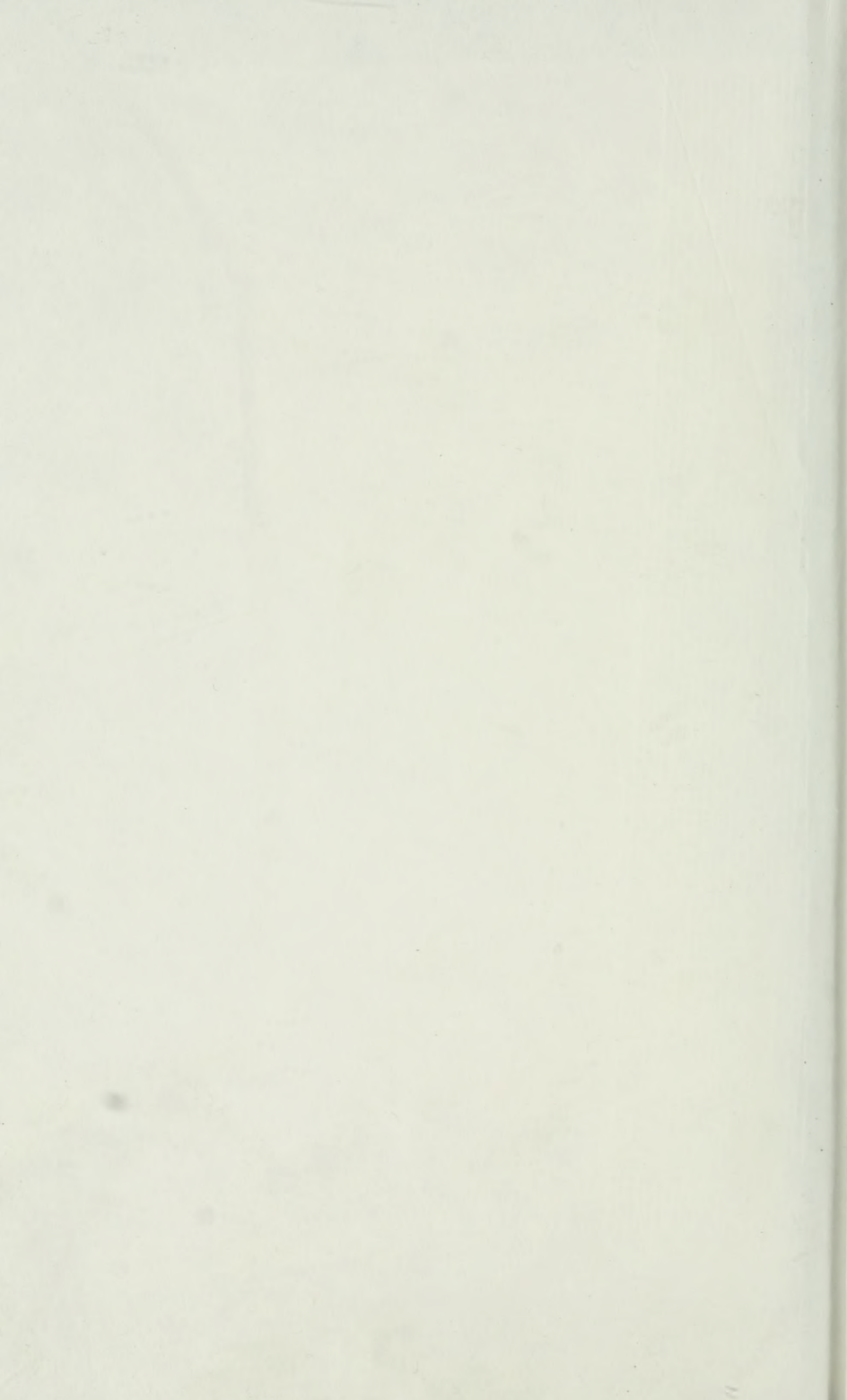
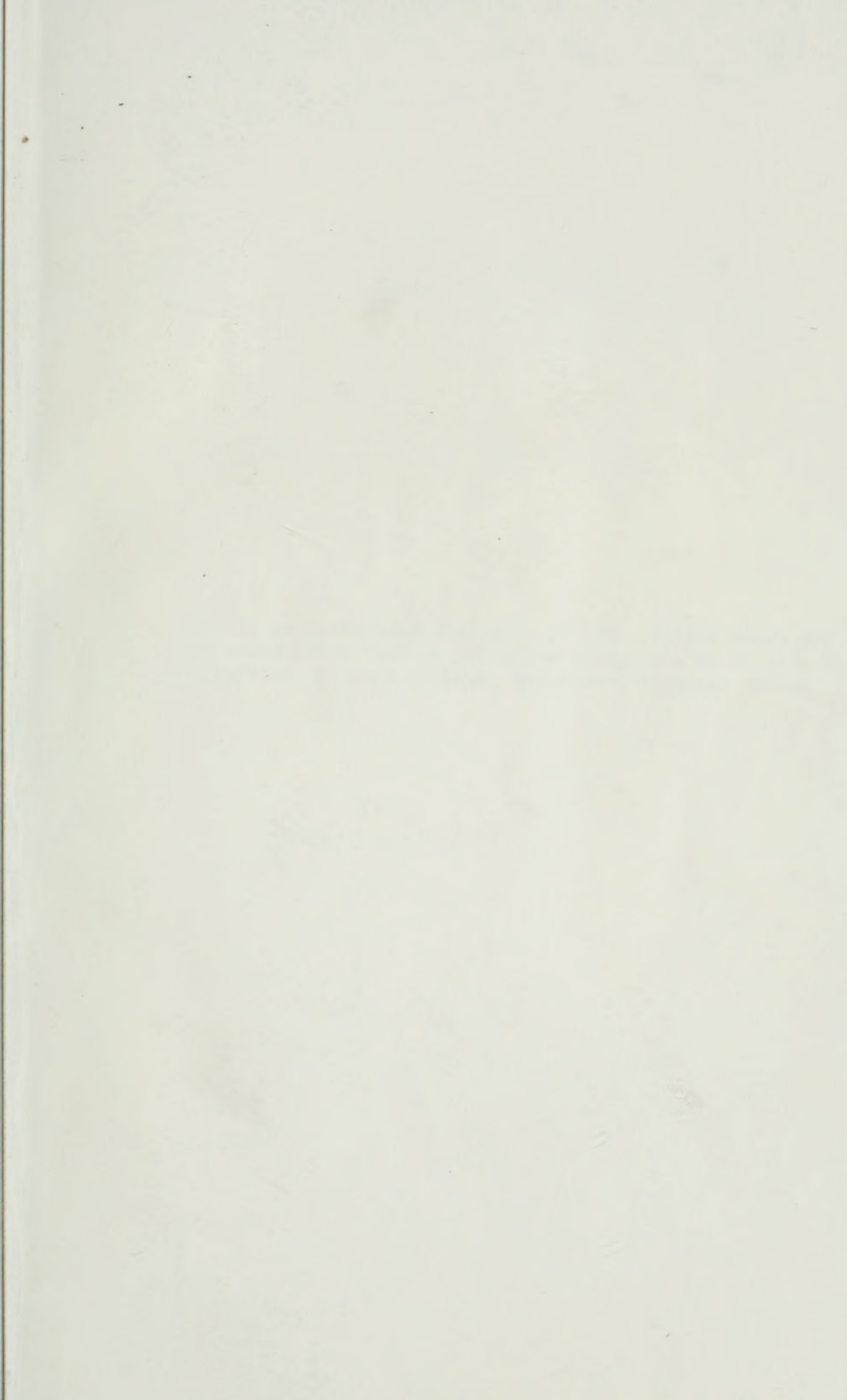

3 1761 03572 5712

8
6
3D3
373a

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1972 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

КНЯЖЕНІЕ

ДАНИЛА ГАЛИЦКАГО,

ПО РУССКИМЪ И ИНОСТРАННЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ДАШКЕВИЧА.

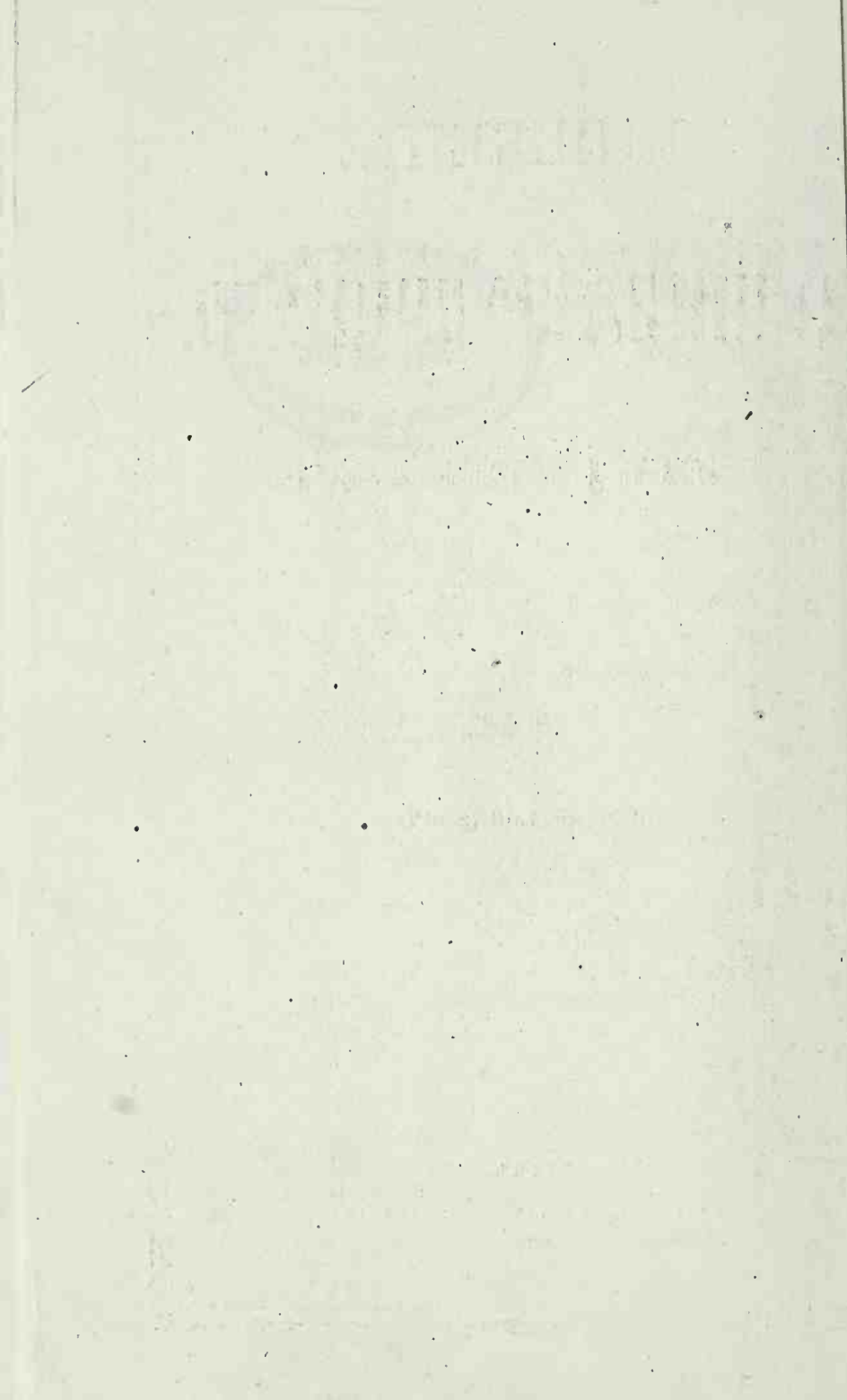
КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1873.

АН

76/10

X-778691
14183 do
0938171

КНЯЖЕНІЕ ДАНИЛА ГАЛИЦКАГО,

ПО РУССКИМЪ И ИНОСТРАННЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

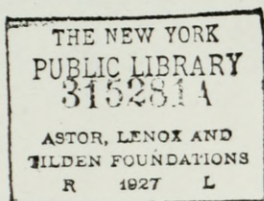
НИКОЛАЯ ДАШКЕВИЧА, .

удостоенное историко-филологическимъ факультетомъ золотой медали.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1873.

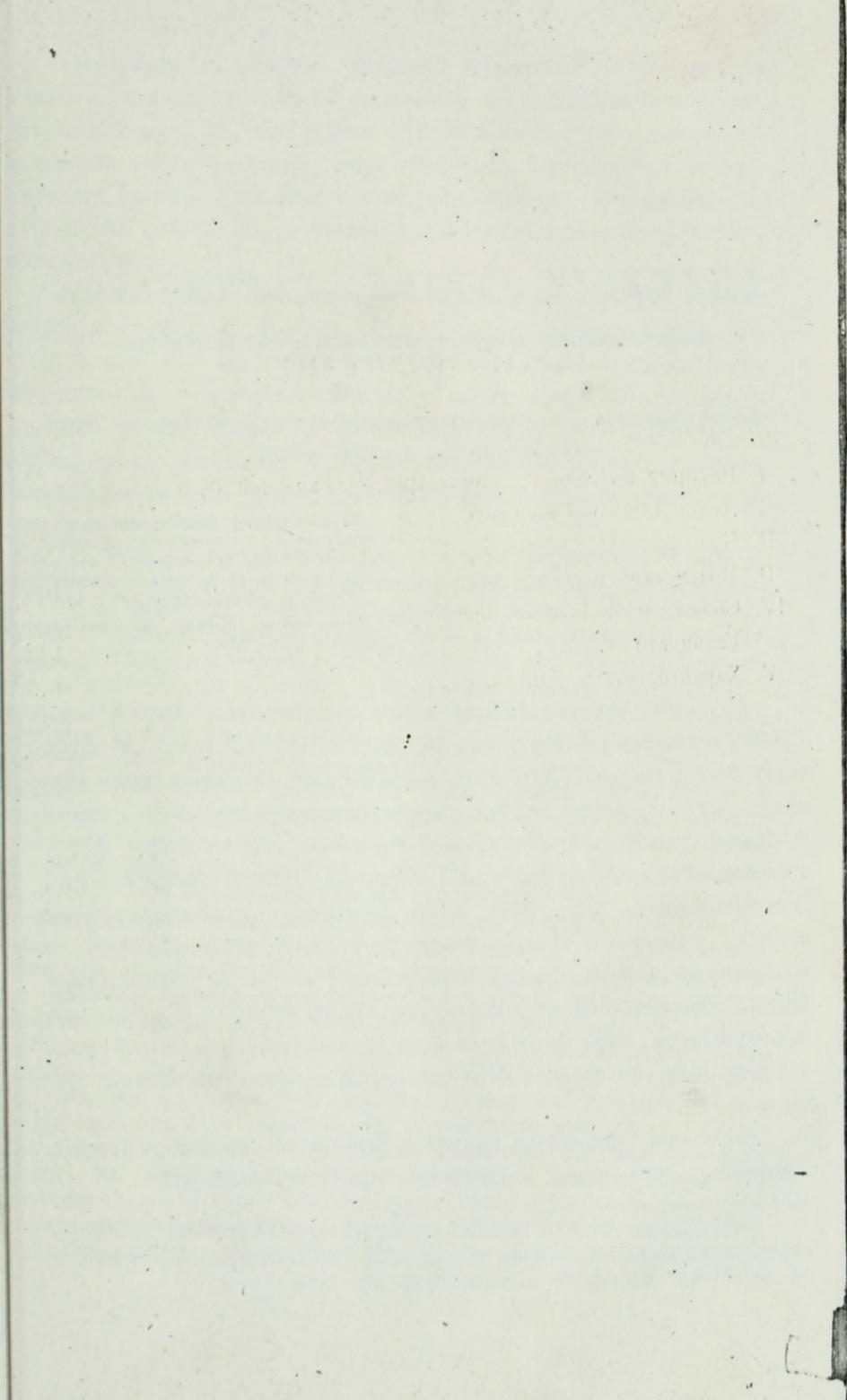
Изъ Университетскихъ Извѣстій 1873 года.

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

Учен.
1917
Авг.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Введеніе	1
I. Реформа въ политическомъ строѣ югозападной Руси въ княженіе Даніила Галицкаго	10
II. Культура югозападной Руси въ это княженіе.	78
III. Враги самостоятельнаго ея развитія.	105
IV. Общее замѣчаніе объ историческомъ значеніи княженія Даніила Галицкаго	143
V. Характеристика Даніила.	146

КНЯЖЕНІЕ ДАНИЛА ГАЛИЦКАГО,

по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ.

(Сочиненіе студента историко-филологическаго факультета Николая Дашкевича, удостоенное золотой медали).

„Начнемъ сказать бесчисленныя рати, и великия труды, и чистыя войны, и многия кричолы, и чистая постыжы, и многия интужи, измлада бо не бы има покои“.

„Дѣтѣмъ по Ипатьевскому списку“, г. 1227.

„Се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый“.

Ibid. г. 1264.

До второй четверти XIII стол., въ теченіе двухъ почти вѣковъ, Россія представляла собою федерацію всѣхъ отдѣльныхъ земель, и жизнь вездѣ шла одинаково. XIII вѣкъ ознаменовался разрывомъ этого единенія, при чемъ каждой изъ воплѣ обособившихся частей Руси достался особенный жребій. Въ югозападной Руси поворотъ на новую дорогу обозначился задолго до татарскаго нашествія, которое почти всѣ ученые принимаютъ, какъ грань двухъ различныхъ періодовъ русской исторіи, именно—съ самаго начала Даниловой дѣятельности¹⁾; въ княженіе же Данила воплѣ выработались и условія новой жизни. Такимъ образомъ, княженіе его представляетъ совершенно отдѣльную, весьма важную эпоху въ исторіи всей югозападной Руси. Прибавимъ, что эта эпоха во многихъ отношеніяхъ была одною изъ самыхъ блестящихъ.

Вотъ чѣмъ выделяется княженіе Данила изъ множества другихъ княженій и вотъ почему заслуживаетъ особеннаго вниманія.

¹⁾ Читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго изложенія, что всѣ переломы, которые мы отмѣчаемъ въ княженіе Данила, начали проявляться до татарскаго нашествія и независимо отъ него.

Обращаясь къ ученымъ трудамъ, касающимся этого времени, относясь къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ, мы должны однако сказать, что не находимъ въ нихъ обстоятельнаго и отчетливаго указанія существенно важныхъ явленій этого княженія и всесторонняго опредѣленія его значенія. Они запяты, главнымъ образомъ, изложеніемъ политическихъ событій въ болѣе или менѣе послѣдовательно-хронологическомъ порядкѣ.

Но, и съ ихъ точки зрѣнія, эти труды не могутъ быть названы вполне исчерпавшими предметъ. Это произошло вслѣдствіе того, что въ нихъ или мало, или недостаточно обращено вниманія на доступныя изслѣдователю иностранныя извѣстія. Галицко-волинская лѣтопись¹⁾, которою они пользовались по преимуществу, составляетъ драгоценнѣйшій матеріалъ, потому что: 1) находящаяся въ ней свѣдѣнія сообщены лицами современными²⁾, изъ которыхъ нѣкоторые, быть можетъ, при-

1) Такое мы принимаемъ названіе для начинающагося съ 1201 г. отдѣла лѣтописи, извѣстной обыкновенно подъ именемъ Пнатовской.

2) Въ части ея, обнимающей Даниілово время, легко безъ особеннаго углубленія замѣтить вмѣстѣ съ Н. Н. Костомаровымъ (см. его «Лекціи по русской исторіи, ч. I. Спб. 1861», стр. 50—51) распадѣніе на два отличныя и потому принадлежація разнымъ лицамъ повѣствованія. Второе начинается послѣ находящагося во всѣхъ спискахъ перерыва вслѣдъ за рассказомъ о первомъ нашествіи Бурандая (ст. 561 стр. по новому изданію подъ заглавіемъ: «Лѣтопись по Пнатовскому списку», Спб. 1871) и написано во Владимірекомъ княжествѣ, или вообще лицомъ интересующимся и преданнымъ князьямъ Владиміра Волинскаго. Оттого въ немъ сказано такъ мало о Даниіловой дѣятельности послѣ Бурандаева нашествія и объ его смерти, и такъ кратки похвалы ему, чего бы не было, еслибы продолжать писать тотъ авторъ, которому принадлежитъ все предшествующее; напротивъ, на первомъ планѣ Даниіловъ братъ Василько. Авторъ первой части такъ ревниво относится къ своему герою, что, постоянно называя Даниіла княземъ до его коронованія, со времени послѣдняго всегда титуловалъ его королемъ; авторъ же второй части отступаетъ отъ этого (см., напр., «Лѣт. по Пн. сп.», которую мы съ этого времени всегда будемъ обозначать *Пн.*, стр. 562, вар. 1 и 5 и прим. *); стр. 567, строки 9 и 31; 590, вар. 1 и прим. **); конечно, это мелочной признакъ, но его нельзя оставить безъ вниманія. Во второй части рассказъ не носитъ характера непрерывнаго повѣствованія, а приближается, особенно подъ конецъ, къ чистой лѣтописи. Нельзя не замѣтить также значительнаго различія въ языкѣ (даже термины другіе; Владимірецъ сказывается въ употребленіи названія «Санъ» вм. «Сянь» (*Пн.* 588, 591; сл. 529, 532, 533), въ пріемахъ рѣчи. Всѣмъ сказаннымъ мы не думаемъ утверж-

нимани даже весьма дѣятельное участіе въ описываемыхъ ими событіяхъ¹⁾, были близки къ Данилу, постоянно при немъ пребыва-

давъ, что только двумъ лѣтонисцамъ принадлежитъ рассказъ о занимающемъ насъ времени; мы говоримъ только, что несомѣнно составленіе его не однимъ лицомъ, и не отвергаемъ того, что первая часть, въ свою очередь, могла выдти изъ-подъ пера нѣсколькихъ лицъ, или быть сложенною однимъ лицомъ по нѣсколькимъ извѣстіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы отъ одного лѣтонисца вышелъ рассказъ, обнимающій 54 года и во всемъ своемъ теченіи отличающійся пошлостью и подробностями, вездѣ указывающими на автора-современника (въ началѣ только пропущены нѣкоторые факты, находящіеся въ другихъ лѣтонисяхъ); упоминаются даже цвѣта коней (Ип., 491, 515) и ихъ качества (ib., 498). На то, что эта часть была проредактирована однимъ лицомъ, жившимъ въ позднѣйшее время, указываютъ упоминанія при случаѣ венцевъ, имѣвшихъ мѣсто не особенно скоро послѣ того времени, о которомъ говоритъ лѣтонисецъ. Наприм., подъ 1207 г. мы встречаемъ: «...люже нымъ святу нарѣчаютъ, именемъ Альжбытъ, преднес бо имъ ей Книска: много бо послужилъ Богови по мужи своимъ и святу нарѣчаютъ» (Ип., 484); а эта Елисавета умерла въ 1231 г. (Periz. Monumenta Germaniae historica. Scriptorum t. XVIII. Hannoverae MDCCCLXVI. P. 547.³⁰; 699.⁴⁰), канонизована въ 1238 г. (ib., p. 552.³⁰; другія позванія ib., 632—633.²⁰; 691.³⁰), родилась въ 1207 г. (ib., p. 700.³⁰). Говоря подъ 1213 г. объ убійеніи Климъ Хрестинича, лѣтонисецъ прибавляетъ: «его крестъ и донынъ стоять на Сухой Дорогви» (Ип., 490). Подъ 1217 (вм. 1221 г.) читаемъ: «Богу же того не терпѣнцо, во нно время убьенъ бысть Даниломъ Романовичемъ дрсгле прегордый Филъ» (Ип., 492), а это случилось въ 1245 г. Сообщая подъ 1255 г. о сожженіи Стѣкинтова дома, лѣтонисъ замѣчаетъ: «аже и донынъ пусто стоять» (Ип., 549). Тѣмъ же, вѣроятно, редакторомъ включено въ лѣтонисъ и сказаніе о Романѣ; думать такъ заставляютъ слѣдующій его слова: «По великомъ бо князѣ Романѣ, никтоже не бѣ восвалъ на нѣ въ Рускихъ князихъ, развѣ сына его Данила... люже сказахомъ о ратихъ многихъ си же написахомъ о Романѣ: *древле бо (бѣ) писати си. нымъ же здѣ описано бысть в послѣдняя*» (Ип., 554). Предполагаемый нами редакторъ несомѣнно зналъ Данила и жить не позже его. Отдѣльными сказаніями, запесенными въ эту часть галицко-волинской лѣтонисы, принадлежать ей, этому краю и этому времени. День перехода Днѣпра русскимъ ополченіемъ въ 1224 г. обозначенъ только въ сказаніи, находящ. въ галицко-волинской лѣтонисѣ: «переходна же Днѣбрь во день во вторникъ» (Ип., 496). См. о нихъ К. Н. Бестужева-Рюмина «О составѣ р. лѣтонисей до конца XIV в.», стр. 154—155. Упомянемъ здѣсь о томъ, что, по мнѣнію Д. И. Зубрицкаго («Исторія древняго Галицко-русскаго княжества», ч. III. Львовъ 1855), стр. 99, прим. 78), событія около 1226 г. по Ип. сл. описаны Мстиславовымъ (Удалаго) духовникомъ Тимонеемъ.

¹⁾ Нѣкоторые думаютъ, что лѣтонисъ писана духовными лицами

ли¹⁾); замѣтимъ при этомъ, что отъ такой близости правда не пострадала,

(напр., такого мнѣнія держался П. В. Лашниковъ. Унив. Изв. 1872, № 5). По нашему убѣжденію, вѣрнѣе другое предположеніе, приписывающее составленіе ея свѣтскимъ лицамъ; его держится, между пр., и Н. П. Костомаровъ («Лекціи», 48); особенно убѣдительно оно развито въ статьѣ (г. Знаменскаго?): «Обзоръ р. лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ», помѣщенной въ «Прав. Собес.» 1860, № 4 (стр. 408—413). Въ пользу его говорятъ: полное погруженіе и душевное участіе писателя въ разсказываемыхъ имъ событіяхъ, подробности на каждомъ шагѣ, изобличающія человека, сдѣланнаго не въ келліи, сочувственное изображеніе военныхъ дѣйствій и вообще воинской храбрости, второстепенное положеніе церковно-историческаго элемента, немногочисленность правоучительныхъ сентенцій. Въ одномъ мѣстѣ есть прямое указаніе на свѣтскость писателя и участіе въ занесенныхъ въ лѣтописи происшествіяхъ: «онѣмъ (т.) же *позоровасиимъ насъ*, говоритъ лѣтописецъ, и сѣмъ Угрево стани своя» (Ип., 500). Можетъ быть, нѣкоторые мѣста принадлежать и духовнымъ лицамъ; такъ, однажды лѣтописецъ приписываетъ успѣхъ Даниїла св. Николаю, а спустя нѣкоторое время, когда Даниїлъ не могъ взять Звенигорода, она объясняетъ этотъ неуспѣхъ слѣд. образомъ: «города же хотаща и нѣ взята: бѣ бо святая Богородица въ немъ чюдная икона» (Ип., 517); въ такомъ случаѣ эти лица принадлежали къ бѣлому духовенству.

¹⁾ Первая большая часть галицко-волынской лѣтописи, касающейся разсматриваемаго нами времени, прямо можетъ быть названа частною лѣтописью, занимающеюся Даниїломъ. Лѣтописи слѣдили обыкновенно за князями съ того времени, когда они выступали въ качествѣ дѣятелей; разбѣраемый же нами памятникъ съ самаго начала сосредоточиваетъ повѣствованіе около судьбы малолѣтнихъ Романовичей, на немъ, главнымъ образомъ, обращать вниманіе, а потомъ дважды прямо заявляетъ, что ея предметъ—*ихъ* исторія [въ первый разъ—словами, поставленными нами въ качествѣ эпитафиа: «начнемъ сказати...»; во второй разъ повторяетъ нѣсколько фразъ изъ этой тирады: «Посемъ скажемъ многий митежъ, великии лести, бѣсцеленная рати» (Ип., 508)]. Во всемъ разсказѣ видна глубокая любовь и уваженіе къ Даниїлу. Лѣтописецъ ликуетъ при его побѣдахъ, старается не пропустить ничего замѣчательнаго, постоянно желаетъ показать, что это былъ особенный человекъ, не любитъ его враговъ, обличаетъ ихъ недостатки, главныхъ изъ нихъ—галицкихъ бояръ называетъ «безбожними», «нечестивыми», «невѣрными», а протѣкъ одного вельможи раздражается проклятіемъ въ цѣлой тирадѣ (Ип., 499). Каждый успѣхъ Даниїла онъ приписываетъ помощи Божіей и постоянно внушаетъ читателю, что Даниїлъ находился подъ Божіею охраной. Вотъ какъ, напр., говоритъ онъ объ одномъ нападеніи Венгерскаго короля: «Внедну же ему во горы Угорьскіѣ, посла на нь Богъ архангела Мяхапла отворити хляби небесныя, конемъ же потопающимъ и самѣмъ возбѣгающимъ на высокая мѣста,

чего не видимъ, наприм., у Кадлубка¹⁾; 2) эта лѣтопись состоитъ не изъ сухихъ, отрывочныхъ погодныхъ записей разнообразнѣйшихъ собы-

тiюму же одинако устремившися прияти градъ и землю... Богъ попусти на нѣ рауу Фараопову... Богъ бо попустилъ бѣшеть рауу, ангелъ бѣшеть ихъ... ушедню же ему за невѣрство бояръ Галицкихъ, Данилъ же, Божьею волею, одержа градъ свой Галичъ. (Ип., 508—509). Нѣкоторые признаки наводятъ на мысль, что эта лѣтопись не была лишена официальнойности. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ имѣлъ подъ руками договоръ Данила съ Белою IV, но не вписалъ его по его пространности (Ип., 545). И. Д. Бѣляевъ («Временникъ М. О. И. и Др. Р., V, ст. »О разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей», стр. 9) видитъ слѣды официальныхъ лѣтописей въ описаніи многихъ мятежей и ратей въ Галицкой землѣ съ 6738 (1230) по 6743 (1235) г. Авторъ указанной нами статьи въ «Прав. Собес.» обращаетъ вниманіе на постоянныя перечисленія убитыхъ, именъ пословъ, татарскихъ воеводъ, литовскихъ князей, участвовавшихъ при заключеніи мира, и проч., также видитъ, на основаніи всего этого, въ лѣтописи доказательства веденія въ югозападной Руси официальныхъ временниковъ и высказываетъ предположеніе, что галицко-волинскую лѣтопись вели княжескіе писцы, подобные Осдорцу, составившему записаніе Владиміра Васильковича, или тому писцу, который внесъ, по повелѣнію Мстислава, крामолу Берестянь въ лѣтопись. (стр. 413—414). Это обстоятельство еще болѣе утверждаетъ насъ въ мысли объ officialномъ отчасти характерѣ галицко-волинской лѣтописи Данилова времени, равно какъ и то, что лѣтописецъ этой части смотритъ на себя, какъ на хронографа, все обязаннаго записывать, и говоритъ объ этомъ съ важностию. Какъ бы то ни было, лѣтописецъ хвалитъ Данила искренно, а не ex officio только, и глубоко преданъ своему дѣлу.

1) Лѣтопись желаетъ выставить съ самой лучшей стороны своего героя, но для этого прибѣгаетъ къ одной истинѣ. Иногда только она, можно сказать—неумышленно, впадаетъ въ нѣкоторую утрировку фактовъ. Такъ, по ея словамъ, посолъ венгерскаго короля «възвонъ гласомъ великомъ и рече: »слышите словеса великаго короля Угорьскаго, да не уставляеть васъ Дѣмьянъ, глаголи: изъ (ъ) смля изымить ны Богъ, ни да уповаеть ванъ Данилъ на Господа, глаголи: не имать предати градъ себѣ королеви Угорьскому; толико ходилъ на ины страны, то кто можетъ одержати отъ руку мою и отъ силъ полковъ моихъ?» (Ип., 507). Когда Данилъ взялъ однажды Галичъ, то Галичане, говорятъ лѣтописецъ, (Ип., 517—518), «пустишася яко дѣти ко отцю, яко пчелы къ матцѣ, яко жалящии воды ко источнику». Не одно только хорошее говоритъ лѣтописецъ о Данилѣ; въ одномъ мѣстѣ читаемъ о немъ: «нѣкое слово похвално рекшу, его же Богъ не любитъ» (Ип., 511). Враги Данила награждаются иногда не совсѣмъ лестными эпитетами, но это не мѣшаетъ лѣтописи соблюдать правдивость въ разсказѣхъ объ ихъ дѣяніяхъ. Единство то на первой части лѣтописи, по всей вѣроятности, — дѣло приписываемаго нами редактора.

тій, а носить характер цѣльнаго, группирующагося около извѣстныхъ личностей разсказа, отличающагося живостію, чрезвычайною полнотою и удивительною, въ сравненіи съ другими лѣтописями, пластичностію описки, яркостію и рѣзкостію характеристикъ, въ чемъ ей отдаютъ справедливость и за что ее цѣнить всѣ ученые¹⁾. Но, при этихъ достоинствахъ, она: 1) не даетъ историкѣ прямыхъ хронологическихъ указаній²⁾; 2) при всей своей обстоятельности, она все-таки не мо-

1) Сводъ мѣстѣй о ней, довольно полный, желающіе могутъ найти въ предисловіи А. С. Петрушевича къ галицко-вол. лѣтописи, помѣщенномъ въ его изданіи послѣдней («Волынско-Галицкая лѣтопись. Издать и объяснить А. С. Петрушевичъ. Вып. I. Львовъ, 1871.»). Въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ выражаетъ вотъ какой взглядъ на свое дѣло: «хронографу же нужа есть писати все и вся бывшія, овогда же писати въ переднія, овогда же во(з)ступати въ заднія: чѣтый мудрый разумѣть» (Ил., 544).

2) Тѣ, которыя находятся въ Ипатьевскомъ спискѣ (въ др. спискахъ вовсе нѣтъ означенія лѣтъ, нѣтъ также годовъ, когда, по словамъ Ил. сп., ничего не случилось. См. варианты Хлѣбникъ и Поход. сп. въ послѣднемъ изд. гал.-вол. лѣтоп. на всемъ ея протяженіи; сл. «О составѣ...» К. Н. Бестужева-Рюмина, стр. 79, прим. 2) не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія (многіе историки напрасно до сихъ поръ еще продолжаютъ обращаться на нихъ вниманіе) и поставлены наугадъ перенесеніемъ Ипатьеваго списка, которымъ хотѣли, чтобы и въ галицко-волынско-лѣтописи событія были также расположены по годамъ, какъ это онъ видѣлъ въ Кіевской лѣтописи, приписанной имъ къ галицко-волынско-лѣтописи (подобнаго мѣстѣ, высказаннаго прежде всѣхъ Карамзинымъ (т. III, прим. 113), держится и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: «О составѣ...», стр. 153). Составитель лѣтописнаго сборника прямо говорить: «число же лѣтомъ здѣ не писано» (Ил., 544). Какъ безсмысленно иногда разставлялъ годы перенесеніемъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Первую половину одного похода онъ кладетъ въ одномъ году, другую въ другомъ (такъ, на стр. 492 одинъ и тотъ же походъ Мстислава къ Галичу отнесенъ къ 1217 и 1219 гг.; подъ 1218 же г. говорится: тишина бысть; на стр. 512 (см. прим. ††) онъ разрываетъ и ставитъ подъ двумя годами одну битву). Собираясь говорить о бракосочетаніи Романа съ Гертрудою, онъ ставитъ опредѣленно годъ 6762 и не уничтожаетъ при этомъ слѣдующихъ словъ подлинника: «Въ таже лѣта, времени минушну, — хронографу же нужа есть писати...» (известное мѣсто), а переноситъ ихъ рядомъ съ своею хронологическою датою (Ил., 544). Вопреки показанію текста лѣтописи объ одномъ походѣ на Ятвяговъ, что онъ былъ до войны черниговской, онъ кладетъ его подъ 1248 (Ил., 531). Въ лѣтописномъ текстѣ смерть Владиміра Васильковича показана подъ 1289 г. (Ил., 606), а перенесеніемъ поставилъ ее подъ 1288 г.

жетъ быть названа единственнымъ, затмѣвающимъ другіе источникомъ для историка, стремящагося къ возможно подробному изученію этой эпохи, такъ какъ ею опущено или не помѣщено немало частныхъ.

Для возстановленія времени различныхъ событій этого княженія, необходимо прибѣгать къ отысканію хронологическихъ указаній въ разсказѣ самой лѣтописи ¹⁾ и къ сличенію ея съ другими русскими лѣтописями ²⁾ и нѣкоторыми иностранными ³⁾. Для пополненія пробѣловъ въ содержаніи, можетъ служить, кромѣ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ ⁴⁾, значительное количество иностранныхъ источниковъ. Обиліе ихъ для разсматриваемой нами эпохи, въ сравненіи съ незначительнымъ ихъ количествомъ для времени предшествовавшихъ, объясняется успѣхомъ сближенія Даніиловой Руси съ западомъ. Изъ иностранныхъ матеріаловъ упомянемъ прежде всего о сочиненіи Стрыйковского. Его трудъ—сводъ первоначальныхъ извѣстій, составленный въ позднѣйшее время, но тѣмъ не менѣе, при отсутствіи этихъ первоначальныхъ извѣстій ⁵⁾, онъ весьма важенъ для разъясненія отношеній Руси и Литвы. Обратимъ вниманіе при этомъ на добросовѣстность Стрыйковского въ передачѣ содержанія памятниковъ, которыми онъ пользовался, обнаруживающуюся изъ сличенія его хроники съ дошедшими до насъ литовскими лѣтописями; онъ вездѣ увѣдомляетъ о своихъ уклоненіяхъ отъ нихъ. У Длугона находимъ извѣстія, заимствованныя изъ недошедшихъ до насъ русскихъ ⁶⁾ и отчасти изъ польскихъ лѣтописей ⁷⁾. Къ

1) Само собою разумѣется на основаніи вышесказаннаго, что хронологію Ипатьеваго списка должно оставлять въ сторонѣ.

2) Мы разумѣемъ лѣтописи новгородскія и суздальскія и лѣтописные своды.

3) Имено:—польскими, помѣщенными у Пергца и у Сомерсберга, австрійскими, помѣщенными у Пергца и у Пеца, венгерскими, помѣщ. у Швандтнера.

4) Лѣтописи: Воскресенская и Никоновская, «Исторія» Татищева.

5) Изъ нихъ для Даніилова княженія у насъ имѣется одна только лѣтопись Быховца.

6) Сколько можно видѣть изъ сравненія его разсказа съ галицко-волынскою лѣтописью, для югозап. Руси у него была лѣтопись, отличная отъ дошедшей до насъ. О томъ, что онъ пользовался русскими лѣтописями, свидѣлствуютъ его собственныя слова: «sano jam capite ad perdiscendas literas Ruthenas me ipsum appuleram, quatenus Historiarum nostrae series certior redderetur» (Joannis Dingossi seu Longini canonici quondam Cracoviensis Historiae Polonicae libri XII. Lipsiae. Anno MDCCXI. Auctoris epistola dedicatoria).

7) Изъ послѣднихъ, по всей вѣроятности, взяты: находящееся

сожалѣнію, онъ далеко не такой безпристрастный человѣкъ, какъ Стрыйковский. Онъ любитъ изображать Русь и ея дѣятелей въ дурномъ видѣ ¹⁾ относится недружелюбно къ порѣ славянъ русскихъ при Даніилѣ, которая, очевидно, была ему весьма непріятна, не затрудняется представлять ихъ варварами; къ такой тенденціозности нужно прибавить склонность нерѣдко къ эффектамъ и красивымъ описаніямъ и неумѣнію иногда сладить съ громаднымъ матеріаломъ, бывшимъ въ его рукахъ: отчего происходятъ повторенія и невольныя искаженія. Менѣе пмѣютъ значенія для содержанія другія польскія лѣтописи ²⁾. Къ занимающему насъ времени относятся одно иностранное путешествіе ³⁾. Наконецъ есть не мало иноземныхъ актовъ, преимущественно папскихъ ⁴⁾.

Къ нашему прискорбію, до насъ не дошелъ отъ времени Даніила ни одинъ русскій актъ, хотя несомнѣнно, что было много такихъ документовъ. Авторъ галицко-волынской лѣтописи имѣлъ передъ собою договоръ Даніила съ венгерскимъ королемъ относительно Романа Гертруды ⁵⁾. Даніилъ письменно спосился съ папою ⁶⁾. Тогда развилась уже и дѣловая письменность ⁷⁾. Эти памятники погибли во время

подъ 1233 г. (lib. VI, columna 649) извѣстіе объ изгнаніи католиковъ изъ Кіева и извѣстіе подъ 1238 г. объ основаніи доминиканскаго монастыря въ Галичѣ (lib. VI, col. 661—662).

¹⁾ См., напр., его рассказъ о сношеніяхъ Даніила съ папой.

²⁾ См. прим. 11-е.

³⁾ Пляно-Карпини. Записокъ о путешествіяхъ къ татарамъ Антоніуса Англуса (1243; см. Hakluyt's Collection, I) и товарища Пляно-Карпини—полика Бенедикта (его рассказъ изданъ въ 1836 г. географическимъ обществомъ въ Парижѣ въ IV-мъ т. «Recueil de voyages et de mémoires»; см. Делевели «Polska wiekow średnich», 1854, t. IV, str. 426) мы, несмотря на все стараніе, не достали и потому не можемъ сказать, есть-ли что-нибудь въ нихъ о Россіи того времени. Изъ изданій мы имѣемъ сомнительнаго Яцкова описанія разоренія Кіева татарами (Кар. IV, прим. 9), а также сочиненія Рикарда (ок. 1240 г. «Mat. Kępiena», II, № 32).

⁴⁾ Въ собраніяхъ: Тургенева, Даниловича, Папперскаго, Дорбеля, Тейнера. Венгерскіе акты помѣщены въ собраніи Фейера.

⁵⁾ III., 545.

⁶⁾ Historica Russiae monumenta, deprompta ab A. J. Turgenevio. T. I. Petropoli. 1841. № LXXXVIII.

⁷⁾ «Курилови же сущо печатнику тогда въ Бакотѣ, посланъ Даниломъ княземъ и Василкомъ писати грабительство печестивыхъ боярь, утиши землю». III., 526. Можетъ быть, и Даніилъ, какъ и Левъ, выдавалъ боярамъ грамоты на владѣніе землею. Въ грамотѣ 1361 г.

войнъ и пожаровъ въ XIV в. и позже, а отчасти были умышленно истреблены ¹⁾. Исчезли, можетъ быть, и лѣтописи, трактовавшія объ югозападной Руси отлично отъ галицко-волинской: слѣды ихъ можно найти у Длугоша ²⁾ и у Татищева ³⁾.

Задача настоящаго труда—указать и объяснить, посредствомъ сравнительно-критическаго изученія источниковъ русскихъ и иностранныхъ въ возможно большемъ ихъ количествѣ, замѣчательнѣйшія явленія княженія Данила Галицкаго, которыми опредѣляется историческое значеніе этого княженія ⁴⁾.

Казиміръ говоритъ: «принесши предъ наше *обличє* слуга нашъ вѣрный Ходко Выбелскій и указать есть князи Львовы листы, и *иныхъ старыхъ князий листы*...»

¹⁾ Д. П. Зубрицкаго «Критико-историческая повесть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси» (М. 1845), стр. 80—84. «Наук. сборн., изд. литер. общ. Галицко-русской Матицы». 1865, вып. III, стр. 182.

²⁾ См. прим. 14-е.

³⁾ Татищевъ пользовался для исторіи Галича и Волыни не галицко-волинскою лѣтописью, которой ему было извѣстно только начало (именно характеристика Романа, находящаяся въ Пн. подъ 1201 г. См. М. П. Погодина «Карамзинъ по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ» (М. 1866), II, 126), а какою-то другою (сл. его «Исторіи Россійской». Кн. I, ч. I (М. 1768), стр. 59, 61—62 и кн. III (М. 1774), прим. 589, 602), писанною не на мѣстѣ. Оттого у него, при подробностяхъ, отсутствующихъ въ галицко-волинской лѣтописи, встрѣчаются перѣдко неточности въ извѣстіяхъ, понятны только при отдаленности лѣтописца отъ пунктовъ, въ которыхъ совершались описываемыя событія. Такъ, о Владимірѣ Игоревичѣ онъ говоритъ, что послѣдній самъ изгнанъ Романовичей изъ Владиміра-Вол. (кн. III, 351; сл. Пн., 481); Мстиславъ беретъ у него Галичъ и въ первый разъ съ бою (тоже у Длугоша: lib. VI, col. 605; сл. Пн. подъ 1212, 489); Татищевъ не знаетъ изгнанія Игоревичей Венграми при помощи Галичанъ (о немъ см. Пн., 1205, 483; сл. Тат., III, 364—365 и потомъ 371—372) и т. п.

⁴⁾ Эпоху Данила, ознаменованную поворотомъ въ жизни югозап. Руси, мы начинаемъ съ перваго выступленія Данила въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля, т. е. со времени перваго прибытія Мстислава въ Галичъ. Оно же случилось въ 1219 г. [Полное собраніе р. лѣтописей, т. III (Спб. 1841), 37, и I (Спб. 1846), 216, а также VII (Спб. 1856), 126; Соф. Врем. по изд. Строева (1820), ч. I, 229; въ этихъ лѣтописяхъ неправильно только говорится о плѣненіи Коломана, которое совершилось не въ этотъ разъ; этотъ рассказъ повторенъ подъ

I.

Въ концѣ XII уже столѣтія мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ персодовыхъ русскихъ людяхъ сознаніе необходимости болѣе прочнаго строя чѣмъ тотъ, который господствовалъ въ тогдашней Руси. Шведъ Игорь Святославича такъ объясняетъ причину невзгодъ русской земли: «....Убудажиря времена. Усобища княземъ на поганья погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже, и пачина князи про малое се великое».

1218 г. и въ Никоновской лѣтописи («Русская лѣтопись по Никонову списку, изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи наукъ», Ч. II, Спб. 1768, стр. 341); у Татищева (III, 417) первое занятіе Галича Мстиславомъ также отнесено въ 1218 г.; можетъ быть, эти противорѣчія можно примирить, допустивъ, что походъ Мстислава былъ предпринятъ въ концѣ 1218 (мартовскаго) и въ началѣ 1219 (мартовскаго). П. Д. Бѣлиевъ («Разсказы изъ р. исторіи», кн. 2-я, изд. 2-е, гл. 1-я, М. 1861, стр. 286) и С. М. Соловьевъ («Исторія Россіи», т. II, изд. 3-е, М. 1862, стр. 359) относятъ его ошибочно къ 1215 г. Ихъ соблазнию, вѣроятно, свидѣтельство нѣкоторыхъ лѣтописей, что еще въ 1215 г. Мстиславъ Мстиславичъ удалился изъ Новгорода въ Кіевъ (П. с. р. л., III, 32; I, 211)—просить Галича, по словамъ нѣкоторыхъ (П. с. р. л., VII, 119; Ник. III, 318; см. Татищ. III, 382—383, 401—402); въ Ник. (III, 317); о томъ же говорится еще подъ 1214 г., къ которому отнесено это событіе и въ Воскрес.]. А. С. Петрушевичъ кладетъ занятіе Галича подъ 1217 г. («Галицкій историческій сборникъ, изд. общ. Галицко-русской Матицы», вып. II, Львовъ 1856, стр. 20). Съ нами согласны: Н. М. Карамзинъ («Ист. Госуд. Россіи», изд. Эйнерлинга, кн. I, т. III, прим. 189, стр. 86), Зубрицкій («Ист. гал.-р. княж.», III, 67) и П. И. Шараневичъ («Исторія галицко-володымирской Руси», Львовъ 1863, стр. 75)]. Около этого же перваго занятія Галича Мстиславомъ, мать Данила, видя его уже взрослымъ, принимаетъ монашество (Ник., 490), хотя послѣ того не отрекалась совершенно отъ участія въ политическихъ дѣлахъ, касавшихся ея сыновей (см. Ник., 492 и 548). Умеръ Данилъ не ранѣе осени 1263 г. и не позже осени 1264 г. Мы такъ думаемъ потому, что объ его смерти говорится въ гал.-вол. лѣт. вскорѣ послѣ описанія убійства Мишкова и передъ описаніемъ кометы (Ник., 570), а эта комета была видна въ теченіе 80 дней въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ 1264 г. (см. *Annale Wratisl.* у Pertz'a, XIX, p. 528; см. *ibid.*, 601; *ibid.*, IX, p. 560. Pertz «*Scriptores rerum Austriacarum* T. I. Lipsiae. MDCCXXI», p. 464 и т. д.) Въ Густынской лѣт. смерти Данила показана подъ 1262 г. (П. с. р. л., II, Спб. 1843, стр. 343); у Сарпицкаго (*Annales, sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lituanorum libri octo. MDLXXXVII*, p. 283 «1264. Russi et Tartari fusi et profligati ꝫ Polonis ad Pietam campum

мѣвити, а сами на себя крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ приходяху съ побѣдами на землю Рускую... О! стогати Руской земли, помянувши первую годину, и прѣвыхъ князей ¹⁾».

Быть можетъ, такое сознаніе, хотя, конечно, не вполне пришедшее въ ясность, не мало помогло въ началѣ XIII в. одному изъ великихъ князей Роману Мстиславичу, отцу Данила, при созданіи имъ изъ югозап. Руси одного сильнаго княжества, успѣннаго сдѣлаться страшнымъ для сосѣдей въ самое короткое время.

Для южной Руси готовилась, повидимому, самая счастливая будущность, и недаромъ лѣтописи говорятъ о Романѣ нѣсколько разъ съ глубокимъ уваженіемъ, а въ народѣ живая память о немъ сохранилась 80 лѣтъ спустя послѣ его смерти ²⁾. Но новый порядокъ, введенный Романомъ, держался силою его личности и еще долго нуждался въ поддержкѣ его самого или лица, подобнаго ему. Романъ же, къ несчастію, скоро умеръ, оставивъ своего малолѣтняго наследника подъ опекою матери, не могшей, конечно, совладать съ громаднымъ количествомъ трудностей, которыя не замедлили явиться передъ нею. И вотъ дѣло Романа рушилось вслѣдъ за его отходомъ въ могилу, и югозападная Русь возвратилась къ прежнему состоянію раздробленія. Этого мало: иноземцы прочно утвердили въ ней свое вліяніе и стремились подчинить себѣ значительную ея часть.

Но въ то время, какъ, казалось, мысль объ ея слюченіи совершенно исчезла и перестала тревожить возможностью своего осуществленія тѣхъ, кому это было несприятно, чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Романа, выросшій его сынъ Данилъ, имѣя въ своемъ распо-

Dux autem Russorum erat Suarno. Nam Daniel Romanides paulo ante mortuus erat, licet Meehoniensis mortem eius in annum 1266 referat.—подъ 1264 г.; въ *Ann. Polon.* I, IV. (Pertz, XIX, 636—637) и у Башко (Sommerb. II, 76)—подъ 1266 г., послѣ извѣстія о разбитіи русскихъ, упоминаетъ въ *Ип.* подъ 1268; у Длугоса—подъ тѣмъ же годомъ (*lib. VII, fol. 779*). Такимъ образомъ, наше повѣствованіе будетъ касаться времени отъ 1219 г. по 1264-й.

¹⁾ У Татищева (III, 94) подъ 1155 г. приводится любопытная рѣчь о единовластіи; см. также на стр. 337—338 интересное предложеніе будто-бы Романа Мстиславича—о переустройствѣ Руси.

²⁾ *Ип.* подъ 1238, 605: по Владим. Васильков. «плакахуся глѣбнии мужи Володимирѣстни, рекуче: добро бы ны, господине, с тобою умерети, створіиему толикую свободу; якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ бынеть отъ всѣхъ обидъ».

ряженіи—и то по милости Лешка ¹⁾—одинъ Владиміръ ²⁾, вновь поднимаетъ этотъ вопросъ, возобновляетъ попытку отца и болѣе или мѣнѣе успѣваетъ въ своихъ стремленіяхъ этого рода.

Окончательное уничтоженіе двухвѣковаго почти раздробленія въ югозападной Руси и подчиненіе ея власти только двухъ сыновей Романа—первое по времени изъ обращающихъ на себя вниманіе явленій этого княженія: главнымъ образомъ, оно наполнило первую его половину и составляетъ сущность ея событій ³⁾. Это же явленіе было исходнымъ пунктомъ всего дальнѣйшаго.

Исторія утвержденія власти Романовичей въ югозападной Руси весьма интересна, наглядно показывая политическія воззрѣнія и стремленія различныхъ членовъ тогдашняго русскаго общества.

Посмотримъ же, какъ произошло это соединеніе земель. Кромѣ Владиміра Вол., Данилу досталась, помимо его стараній, только часть восточной Волини ⁴⁾, именно—по завѣщанію весьма полюбившаго его Мстислава Нѣмага, его родственика ⁵⁾. Но и тамъ Данилу пришлось добывать себѣ силою нѣкоторыя части этого отчужденнаго къ нему по завѣщанію удѣла ⁶⁾. Все остальное прибрѣтено постепенно самимъ

¹⁾ Пн., 489.

²⁾ Округъ Владиміра Вол. былъ въ то время незначителенъ. Вся западная украиня, Белзь и Червень, Берестье къ нему не принадлежали.

³⁾ Историки обыкновенно этого не замѣчаютъ.

⁴⁾ Луцкъ, Пересопница, Черторыйскъ. Пн., 501—502.

⁵⁾ Прежде Мстиславъ былъ очень расположенъ къ Даниловому отцу: «уакиа сий Роману отъ племени Володимери, прирокомъ Матюмаха, бѣ бо велику любовь имѣи ко отцю его, ему же поручивше по смерти свою волость, даи князю Даниловнъ» Пн., 497.

⁶⁾ П. Н. Шараповъ («Исторія», 81) говоритъ, что, послѣ смерти Мстислава († 1228), Понизье, въ которомъ онъ пребывалъ въ послѣдній годъ своей жизни, отошло къ Данилу. Но о Понизьи трудно сказать что-нибудь рѣшительное. Съ одной стороны, оно постоянно принадлежало къ галицкой землѣ (Пн., 501 и 525), и едва-ли-бы бояре, находившіеся при Мстиславѣ Удаломъ до самой его кончины (Пн., 502), уступили его безъ боя Данилу, а Глигонъ ничего не говоритъ о такомъ столкновеніи, подъ 1229 же годомъ даетъ поводъ думать, что Понизье управляемо было галицкими боярами (Пн., 506: «князю же Даниловнъ будуще въ Угровѣсѣ, прислана Галичанѣ, рекуще: «яко Судиславъ шель естъ во Понизье, а королевичъ в Галичи остане; а поиди борже»); съ другой стороны, странно, зачѣмъ, по словамъ Глигонца, одинъ изъ галицкихъ бояръ отираивался туда однажды съ войскомъ (см. сейчасъ приведен. мѣсто изъ Пн.).

Данииломъ, такъ что Владиміръ былъ какъ-бы основнымъ ядромъ, къ которому примыкали покорившіеся потомъ земли.

Можно различать два періода въ его дѣятельности въ этомъ отношеніи.

Первоначально онъ стремился къ подчиненію и покорить земли, которыя были его «отчиною», но въ тоже время ему не принадлежали. Такою «отчиною» прежде всего онъ могъ считать Владимірскую землю, обнимавшую большую часть западной Волыни. Остальная часть послѣдней составляла особенный удѣлъ, главными городами котораго были Белзь и Червень. Несомнѣнно, что и въ восточной части Волыни при Романѣ были особенные князья¹⁾; онъ только привелъ ихъ къ подчиненію себя²⁾. Затѣмъ Даниилъ болѣе всѣхъ остальныхъ русскихъ князей имѣлъ право на Галичъ, потому что онъ одинъ могъ назвать Галичъ своею «отчиною»; кромѣ того, его отецъ былъ въ тѣсномъ родствѣ съ сошедшею со сцены галицкою княжескою линіею³⁾; а Галичъ привыкъ переходить отъ отца къ сыну по праву наслѣдства. Въ послѣднее время своей жизни Романъ владѣлъ также Кіевомъ. Но Даниилъ или не считалъ за собою особенныхъ правъ на эту часть юго-западной Руси въ сравненіи съ другими князьями⁴⁾, или не хотѣлъ ихъ завлечь, не желая вступать въ утомительную борьбу, которая, быть можетъ—онъ такъ думалъ, и въ случаѣ удачи не принесла-бы ему большихъ выгодъ. Что Даниилъ не имѣлъ тогда видовъ на Кіевъ, это лучше всего подтверждается тѣмъ, что Владиміръ Рюриковичъ, бывшій Кіевскій княземъ, боившійся было на этотъ счетъ и восставшій потому противъ Даниила, очень скоро успокоился и съ тѣхъ поръ

¹⁾ *Herbacie Strzykowskiego* (*Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiój Rusi*, T. I. Warsz. 1846. Str. 212), что Романъ владѣлъ Луцкомъ, некрѣпо.

²⁾ По словамъ Длугоса (*lib. VI, col. 604*), Романъ «*ferre universae Russiae, partim tyranni e, partim largitione et ingenio usurpaverat dominationem et principatum, Russiaeque Duces in suum coegerat obsequium et tributum*». Въ этомъ, быть можетъ, смыслъ Романъ названъ въ галицко-вол. лѣтосл. «самодержцемъ всея Руси» (Пл., 479; сл. показаніе Стрыйковского о томъ, что Романъ называлъ себя «*monarcha wszystkiój Rusi*», I, str. 210).

³⁾ Пл., 444.

⁴⁾ Мы не вскрѣчаемъ, чтобы онъ претендовалъ на него такъ, какъ претендовать на др. земли, т. е. чтобы онъ называлъ его своею «отчиною».

находился въ постоянномъ съ нимъ союзѣ¹⁾. Овладевши даже Кіевомъ, Даниилъ готовъ былъ возвратить его Михаилу Черниговскому²⁾.

Такимъ образомъ, въ первую половину своей жизни Даниилъ стремился въ качествѣ отчича овладѣть Владимірскимъ удѣломъ, во всемъ его составѣ, и галицкою землею.

Такія стремленія онъ проявилъ сразу. Краковскій князь Лешко во время Даниилова малолѣтства отхватилъ нѣкоторые забужскія земли. Неродившись съ Мстиславомъ, Даниилъ жаловался ему на это: «отчину мою держить», говоритъ онъ, и, когда тотъ не согласился помогать ему, онъ самъ «ѣха съ братомъ и прии Берестий, и Угровескъ, и Веренцикъ, и Стольнє, Комовъ, и всю Украину³⁾». Другой походъ, съ цѣлью восстановленія прежнихъ границъ Владимірской земли, относится къ концу 1230-хъ годовъ. Даниилъ хотѣлъ идти на Мѣгитовъ, но помѣшало наводненіе, о которомъ онъ узналъ у Берестыя. Тогда онъ вспомнилъ, что у него есть враги поближе. «Данилови рекъшу: не лѣпо есть держати наше отчины крижевиномъ, Тесличемъ, рекомымъ Соломоничемъ», и *поидоста на ны в силѣ тяжкѣ*; приоста градъ мѣсяца марта, старѣйшишу ихъ Бруна яша и вои поимаша, и возвратися Володимѣрь⁴⁾.

1) Ип., 502—503; 511; 513—516.

2) Ип., 521: «Даниилъ же съ(т)ѣтъ створи со братомъ си, обща ему Кнєзь Михайлови... Михаилъ же, за страхъ Татарскій, не смѣи Кіеву».

3) Ип., 490.

4) Большинство историковъ не рѣшало вопроса о томъ, что именно изъ Данииловой отчины было занято крестоносцами. Мы находимъ объ этомъ болѣе или менѣе подробныя соображенія только у Даниловича и у А. С. Петрушевича. Первый изъ нихъ (Skarbies dyplomatów. T. I. Wilno, 1860. Str. 61 и 62 (X№ 76 и 77) полагаетъ, что лѣтописецъ говоритъ о помощи Даниила литовцамъ противъ соединеннаго на нихъ ополченія, и относитъ это къ 1237 г. Но лѣтописецъ не даетъ ни малѣйшаго права на такое заключеніе. А. С. Петрушевичъ слѣдуетъ прямому ея смыслу, но затрудняется, какихъ разумѣть рыцарей, Добрыньскыхъ-ли, «поселившихся въ порубежной Польшѣ для обереганія ея отъ нападений изычниковъ Пруссовъ», или настоящихъ Темплиаріевъ, находившихся около этого времени изъ г. Луковъ, близъ русской границы? («Гал. ист. сб.», вып. II, 108, пр. 22). Третій ученый, Н. Д. Бѣляевъ («Разск. изъ р. ист.», кн. 4-я, ч. I, М. 1872, стр. 34), думаетъ, что лѣтописецъ имѣлъ въ виду Берестье. Для опроверженія этого достаточно внимательно прочесть слова лѣтописца. Мы полагаемъ, что здѣсь дѣло идетъ о возвращеніи Данииломъ Дорогичина съ его

Изъ этого видно, что западная Волынь была покорена Даниломъ безъ особенныхъ трудовъ.

округомъ, который въ 1237 г. былъ отданъ Конрадомъ Мазовецкимъ магистру Герману (разум. Балку) и братьямъ рыцарямъ Христа, иѣкогда Добрынскимъ (*quondam Dobryniensis ordinis*). (Извлеченіе изъ грамоты Конрада находится у Даниловича: »Skarb«, № 79, str. 63; въ подлинникѣ же она помѣщена у Voigt'a II, 277). О томъ же упоминаетъ Ярошевичъ: »Obraz Litwy pod wzgledem jej cywilizacyi«, cz. I. (Вильно 1844, str. 49). Этотъ городъ былъ, дѣйствительно, городомъ «отцовъ» Данила, какъ называетъ его послѣдній (Ип., 524) и «отчиною», какъ называетъ Данилъ городъ, отнятый у крестоносцевъ. Дорогичинъ, занятый рыцарями, какъ видно изъ упомянутой нами грамоты, находился въ Подляхѣн («castrum Drohicin et totum territorium, quod ex eadem parte castri continetur a medietate finium Bug et Nur, usque ad metas Ruthenorum») (тутъ упоминается также о Пруссакхъ). Нарушевичъ («Historja paŃstwa polskiego», t. IV, Warsz. 1783, str. 86—87) говоритъ, что было два Дорогичина, одинъ въ Подляхѣн, другой въ Холмской землѣ, и что русскимъ принадлежалъ послѣдній, бывший первоначальною столицею Ятвяговъ; подляшскій же былъ основанъ ими ниже по Бугу, послѣ того какъ они были вытѣснены изъ земель, лежащихъ по верхнему его теченію; Данилъ, по его мнѣнію, былъ коронованъ въ холмскомъ (сл. t. V, Warsz. 1803, str. 397). Въ этомъ случаѣ Нарушевичъ шелъ не за фактами, а старался подогнать ихъ подъ заранѣе придуманную гипотезу, которую ему хотѣлось доказать, во что бы то ни стало. Наша достовѣрная лѣтопись не знаетъ двухъ Дорогичиновъ, а тотъ, о которомъ она перѣдко упоминаетъ, по всѣмъ соображеніямъ, находился въ Подляхѣн. Возвращаясь изъ Мазовіи послѣ тагарскаго нашествія, Данилъ идетъ къ Дорогичину, затѣмъ къ Берестю, затѣмъ въ Холмъ (Ип., 524): очевидно, въ этомъ случаѣ нужно разумѣть Дорогичинъ подляшскій. О Василькѣ говорится, что онъ, отправившись однажды изъ Владиміра, былъ въ Дорогичинѣ на третій день (Ип., 531)—разстояніе, указывающее опять на подляшскій Дорогичинъ. Въ Дорогичинѣ же Данилъ снимается на Ятвяговъ (Ип., 538 и 549), а Литва, идя воевать Ляховъ, проходитъ мимо него (Ип., 571) и т. д. Прибавимъ еще возраженіе Даниловича («Skarb«, str. 45, прим. 2), что трудно отнести къ холмскому Дорогичину слѣд. слова Кадлубка: »Horum (i. e. Pollexianorum) latrunculos quidam Ruthenorum Drohicinensis princeps fovere consueverat«. («Res gestae principum et regum Poloniae», p. II, Vars. 1824, p. 86), потому что »trudno, aby tak daleko zabiegało i szukało przytulku Pruskie łotrówstwo, czyli koczactwo jakie zowie Strykowski«. Переходимъ къ опроверженію того, что первоначальною столицею Ятвяговъ былъ холмскій Дорогичинъ, а потомъ подляшскій. Если у Длугоша (lib. IV, col. 394: »gens Jacwingorum..., cujus principalis et Metropolis arch Drohiczyn...») и у Стрыйковского (t. I, str. 183) говорится о Дорогичинѣ, какъ о столицѣ Ятвяговъ (Кадлубка Нарушевичъ не понялъ), то нужно думать, что Дорогичинъ былъ главный городъ въ отвоєванной

На Галичъ, составлявший цѣлую Данилову «полотнину»¹⁾. Данилъ долго не заявлялъ своихъ притязаній. Только послѣ удаленія

отъ нихъ землѣ; приписывать же имъ самныя его построеніе невозможно: извѣстно изъ Кадлубка (II, 88), что у нихъ не было городовъ, и это продолжалось до времени Данила (III, 553). Стрыйковскій говоритъ еще (I, 185), что нава разрѣшили Болеславу Студитову поставить въ Дорогичинѣ епископа для Ятвяговъ и прибавляетъ, что конія панской буллы есть у Длугоша, но тамъ (ib. VII, col. 771) о Дорогичинѣ нѣтъ и помину. Этотъ городъ былъ основанъ русскими поселенцами. Ярошевичъ («Образъ Литвы», I, 17) предполагаетъ, что это случилось послѣ ятвяжскаго похода Ярослава I, занесеннаго въ нашей лѣтописи подъ 1038 г. вмѣстѣ съ Берестьемъ Дорогичинъ былъ причисленъ къ Туровской системѣ (Татищевъ, «Ист. Р.», кн. II (M. 1773), стр. 170 и 179; сл. II. с. р. л., I, 112),—владѣніемъ Изяслава рода. Можетъ быть, они всегда составляли одинъ удѣлъ, что мы видимъ позже. Тогдашній русскій границы въ тѣхъ краяхъ опредѣляются приблизительно тѣмъ, что Ярославъ Ярополчичъ Берестскій былъ пойманъ во время бѣгства на Пурѣ (II. с. р. л., I, 117) (сл. Татищ. III, 247). Но Татищеву (II, 246), Изяславу Мстиславичу отъ Вячеслава остался одинъ Дорогичинъ. Но Никон. (II, 66), въ 1132 г. Дорогичинъ (въ текстѣ Ник. стоитъ «Дрочевъ», но Карамзинъ (т. II, прим. 260) утверждаетъ, что подъ нимъ нужно разумѣть Дорогичинъ; сл. Арцыбашева «Повѣствованіе о Россіи», т. I, M. 1838, кн. II, № 453) былъ отданъ Ярополкомъ Изяславу Мстиславичу вмѣстѣ съ Туровомъ, Пинскомъ и др. Въ 1142 г. Всеволодъ Кіевскій предлагалъ Берестье, Дорогичинъ, Черторийскъ, Клецкъ, братьямъ и отдать первые два города Давидовичамъ. (III, 222—223). Въ 1149 г. къ Берестью съ Дорогичиннымъ сѣлъ, по словамъ Татищева (III, 2). Владиміръ Андреевичъ (Пнатскій епископъ, дѣйствительно, упоминаетъ подъ 1153 г. о немъ, какъ о Берестскомъ князѣ. Стр. 321). Потомъ онъ утратилъ ихъ (Тат. III, 52; III, 365). Въ 1171 г. Берестье и Дорогичинъ, по словамъ Татищева (III, 177), были уступлены Васильку, но въ 1173 г. мы застаемъ въ Берестѣ меньшаго Романова брата (III, 383). Если вѣрить Татищеву (III, 2478), то упомянутый Василько Ярополчичъ Дропскій владѣлъ Дорогичиннымъ и забужскимъ Подляніемъ еще въ 1182 г., а Берестье находилось тогда подъ властію Владиміра Минскаго; они вступили въ борьбу, и Василько, не имѣя чѣмъ вознаградить поляковъ за помощь, обѣщая передать имъ, при своей смерти, Подляхію; узнавши объ этомъ, Романъ Вол. прогналъ изъ нея Василька и поляковъ и присоединилъ Подляхію къ своимъ владѣніямъ. Карамзинъ (III, прим. 87, стр. 44) находитъ нѣкоторые несообразности въ этомъ разсказѣ. Но несомнѣнно, что Дорогичинъ имѣлъ въ это время особеннаго князя и былъ центромъ отдѣльной области; это подтверждается Кадлубкомъ (см. выше), по словамъ котораго Дорогичинъ былъ завоеванъ Казиміромъ (II, р. 43 et 86). Извѣстіе Татищева о захватѣ его Романомъ заслу-

Мстислава изъ Галича онъ почувствовалъ свои руки развязанными, и съ этого времени его дѣятельность направлена преимущественно къ приобрѣтенію этой богатѣйшей и лучшей части его отчины.

живаетъ вниманія при томъ характерѣ, которымъ отличался Романъ, и при тѣхъ стремленіяхъ, которыя онъ пытался осуществить. Стрыйковскій также говоритъ (I, 211), что Романъ владѣлъ Черною Русью. Вмѣстѣ съ Берестьемъ и др. украинскими городами, былъ захваченъ Лешкомъ, вѣроятно, и Дорогичинъ и возвращенъ одновременно съ ними. Конрадъ взялъ его, вѣроятно, въ періодъ враждебныхъ отношеній къ Данилу (въ 1235 или въ 1236 г.). Итакъ, Дорогичинъ, о которомъ говоритъ Конрадова грамота 1237 г., былъ отнятъ у югозападной Руси. Зная это и не встрѣчая другихъ случаевъ захвата русскихъ земель иноплеменниками въ то время, мы имѣемъ полное право допустить, что рассматриваемый нами походъ Данила имѣлъ цѣлью возвращеніе Дорогичина, тѣмъ болѣе, что Данилъ несомнѣнно владѣлъ послѣднимъ передъ самымъ татарскимъ нашествіемъ [въ прогивномъ случаѣ онъ не шелъ бы къ нему, возвращаясь изъ Польши послѣ этого нашествія; Данила не впустили тогда въ городъ, который былъ занятъ имъ потомъ; «и обновились... и рече: се градъ мой, прежде бо прияхъ и коньемъ» (Ип, 524) слово «прежде» указываетъ на время, предшествовавшее занятію Дорогичина неизвѣстнымъ лицомъ, а лѣтописи ничего не сообщаютъ о взятіи его]. Всѣ почти данныя на сторонѣ нашего предположенія. Наша лѣтопись говоритъ о взятіи *одного* города («приста градъ мѣснца марта...», стр. 517); походъ былъ совершенъ Даниломъ въ непродолжительное время: *весною* онъ пошелъ на Ятвяговъ и, не могши идти на нихъ по случаю разлитія рѣкъ, отправился на крестоносцевъ и побѣдилъ ихъ *въ мартѣ*; это согласуется съ тѣмъ, что Дорогичинъ былъ по соседству съ Бежемъ, изъ котораго Данилъ пошелъ на Ятвяговъ. (Конрадъ даетъ крестоносцамъ округъ «inque ad metas Ruthenorum», т. е. до границъ Брестской земли); занимавшіе Дорогичинъ рыцари бы и, дѣйствительно, «Тепличы», т. е. Templarii, потому что, по словамъ Нарушевича (t. V, 1803, nota 86 do ks. II, str. 439), прежнихъ «braci Dobrzyńskich na proźbę biskupa Płockiego złączył w jeden zakon z krzyżakami w roku 1235 Grzegorz IX papież» (къ тевт. ордену причисляетъ этихъ Добрыньскихъ рыцарей въ своемъ актѣ и Конрадъ); наконецъ, Конрадъ какъ-бы опасался какихъ-то нападений и боялся, чтобы Дорогичинимъ не овладѣлъ кто-нибудь другой («My nawzajem zobowiązaliśmy się bronić rzeczonęj ziemi Drohicin od nieprzyjacielskich natarczywości. Prócz tego, rzeczoni bracia uroczyscie zobowiązali się nie lokować w ziemi Drohicickiej nikogo z możnych (neminem potentium) ku naszej szkodzie i uciskowi, ani tej ziemi ustępować, przedawać, zamieniać, darować, lub jakkolwiek przelewać na kogo, bez naszej zgody i rady». Весьма правдоподобно толкованіе Даниловича («Skarb.», 63): «Wyraz potentes może sięgać się do zakonu niemieckiego, jak mniema Voigt; może też pod nim rozumiani są książęta Ruscy, pragnący podbić Drohiczyn, któ-

Не скоро и не легко пришлось ему окончательно въ ней утвердиться. Дѣло въ томъ, что онъ тамъ натолкнулся на весьма сильный отпоръ, тогда какъ на Волыни народъ былъ всегда на его сторонѣ ²⁾).

То же мы видимъ и въ Галичѣ. Но народное сочувствіе здѣсь немного значило. Было важно, какъ отнесутся къ Даниилу галицкіе бояре.

Это потому, что они пользовались въ своей странѣ особенною силою, такъ что община не имѣла права рѣшающаго голоса.

Первоначальный складъ общественной жизни въ Червонной Руси ³⁾,

rego niemogąc obronić Konrad, darował zakonowi, aby miał od niego wsparcie przeciw Rusinom.). Затрудненіе можетъ быть только относительно времени, въ которое совершился Данииловъ походъ. Лѣтописецъ ставитъ его передъ возведеніемъ на Конрада Литвы (которое случилось въ 1236 г.) и передъ поѣздкой Даниила въ Венгрію въ 1235 г., а Дорогичинъ находился во владѣніи рыцарей еще въ 1238 г., какъ видно изъ напечатанной у Даниловича найденной тамъ надгробной надписи. Но подъ 1235 г. въ галицко-волынской лѣтописи сбито въ кучу множество разновременныхъ событій, такъ что она не можетъ стѣснять насъ въ этомъ отношеніи, и изслѣдуемый походъ Даниила мы имѣемъ право отнести къ 1238, или даже къ 1239 г. По лѣтописи можно обозначить время занятія Дорогичина новиками только приблизительно: передъ войною черниговскою онъ находился еще во владѣніи Романовичей (Ил., 531). Должно быть, покушенія крестопосцевъ этимъ не ограничились. Данииль просилъ папу, чтобы тотъ запретилъ крестопосцамъ и другимъ духовнымъ лицамъ поселяться и приобретать какиѣ-нибудь имѣнія въ русскіихъ земляхъ безъ княжескаго позволенія [см. *Historia Russiae Monumenta*, I, докум. LXIX-й (1247 г.)]. Что рыцари бывали во владѣніяхъ Даниила, можетъ быть — съ коммерческою цѣлью, это видно изъ папской буллы 1248 г., въ которой Иннокентій IV просилъ послѣднѣго, при первомъ извѣстіи о шествіи татаръ на христіанскія земли, сообщать о томъ *«dilectis filiis fratribus de domo Theotonica, in Russiae partibus commorantibus»*. (И. В. М., I, № LXXVII).

¹⁾ Ил., 535: «Приславшу же Могучѣви посоль свой къ Данилови и Василькови, будуще има во Дороговьскы: *«дай Галичь»*!... и поѣха ко Батмени, река: *«не дамъ поадоумити своей»*...

²⁾ Волынскіе бояре явились на помощь Даниилу даже въ то время, когда были на службѣ у другаго князя. Ил., 487: «Приде король в Галичь, и приведе ятровъ свою великую княгиню Романовую, и бояре *Володимерскыи* і Инъгваръ приде из Лучеса, нини кнзи». Во Владиміръ княжилъ тогда Александръ Белзскій.

³⁾ Она образовала изъ себя отдѣльную землю не позже 80-хъ годовъ XI-го стол. Первое указаніе на этотъ фактъ мы находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1086 г. (И. с. р. л., I, 88; въ Ил. сп., стр.

насколько мы имѣемъ право судить о немъ при крайней скудости извѣстій, не послѣ на себѣ никакого особеннаго отпечатка. Отношенія между общественными элементами: княземъ, дружиною и общиною, были тѣже, что и въ остальной Руси. Бояре составляли непремѣнную часть дружины, въ которой они занимали только высшее мѣсто ¹⁾; дружина же едва ли была тѣсно связана съ землею ²⁾. Она упоминается довольно часто и ревностно поддерживается князя еще при Владимірѣ, который *съ помощію ея* подавляетъ возстаніе въ Галичѣ и усаживается въ немъ, несмотря на сильную реакцію горожанъ. Изъ лѣтописнаго разсказа объ этомъ событіи видно, что народъ тогда былъ на одной сторонѣ, а князь и дружина стояли на другой ³⁾.

Иное замѣчаемъ въ Галичѣ при преемникѣ Владиміра, Ярославѣ Осмомыслѣ. При князѣ продолжаетъ пребывать постоянно его собствен-

145, подъ 1087). У Татищева (II, 136) Володаръ Ростиславичъ названъ Перемышльскимъ еще въ 1081 г. Надѣлилъ Ростиславичей Червоною Русью Всеволодъ Ярославичъ. Мы такъ думаемъ на основаніи слѣдующихъ словъ княжескаго опредѣленія на Любечскомъ съѣздѣ: «а имъ же роздаялъ Всеволодъ города, Давиду Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володаревн, Тербовѣ Васильковн». (II. с. р. л., I, 109). Намъ кажется, что такое объясненіе этого мѣста вѣрнѣе, нежели предлагаемое Д. И. Зубрицкимъ (см. II-ю ч. «Ист. др. Гал.-р. княж.», стр. 20): въ лѣтописи говорится: «роздаялъ», а не раздѣлилъ. Сл. Тат. II, 189, гдѣ Ростиславичи говорятъ Святославу: «какъ отецъ твой умеръ, то брать твой Ярополкъ преступи отцово клятвенное обѣщаніе и Стрия своего Всеволода убиеніе, насъ Владимира лишилъ, и мы уже довольны были тѣмъ, что намъ тогда дали, и брать твой клятвою утвердилъ». Приобрѣтеніе Ростиславичей было окончательно утверждено за ними на Любечскомъ съѣздѣ.

¹⁾ Они составляли старшую дружину. См. слова Василька: «...реку брату своему Володаревн и Давыдовн: дайте ми *дружину* свою *молодую*, а сама піята и веселится; и помыслихъ: на землю Лядскую наступлю на зиму...» (II. с. р. л., I, 113).

²⁾ У Татищева въ числѣ Васильковыхъ дружинниковъ упоминается одинъ иностранецъ. Знаменитый Петръ, илѣннвшій Володаря, былъ принятъ весьма радушно Ростиславичами, потому что могъ украсить собою ихъ дружину (см. сочин. Кадлубка, I, 252).

³⁾ Во время возстанія *вся* дружина поддерживала князя. «Послашася *Галичане* по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ, и вѣселоша къ собѣ въ Галичъ. Володимиръ же слышавъ съвокупн *дружину*, и прииде нанъ къ Галичу, и ста около города.... выступи на нѣ Иванъ с Галичанъ....» и т. д. Ип., 226.

ная дружина¹⁾, которую должно отличать от собиравшагося на время земскаго ополченія—*полка*²⁾—, фигурировавшаго при вѣдшихъ столкновеніяхъ³⁾, во верхній слой служилаго сословія, несмотрѣ на то, что однажды названъ *дружиною* попрежнему⁴⁾ и въ разговорѣ съ княземъ опредѣляетъ свои обязанности такъ, какъ это подобало настоящимъ дружинникамъ⁵⁾, въ сущности уже отличенъ отъ дружины въ собственномъ смыслѣ этого слова, отъ *княжихъ слугъ*⁶⁾. Онъ не чувствуетъ себя болѣе тѣсно соединеннымъ съ княземъ и представляетъ нѣчто совершенно отдѣльное. Онъ желаетъ и начинаетъ вліять на князя не такъ, какъ вообще вліяли тогда дружинники. Эта сила и авторитетъ высшаго класса галицкаго служилаго сословія по отношенію къ князю видны при Ярославѣ сразу. Извѣстно, что его отецъ захватилъ нѣсколько Изяславовыхъ городовъ. Ярославъ хотѣлъ ихъ возвратить, но бояре не позволили⁷⁾. Они не терпятъ, чтобы дѣлами управлялъ по милости князя кто-нибудь посторонній, и потому возстаютъ въ 1173 г. противъ Ярослава и такихъ его любимцевъ, названныхъ въ лѣтописи *чарговою чадью*, по всей вѣроятности—людей пезнат-

1) Въ 1157 г. Ярославъ послалъ за Берладникомъ Святополка и Кенятина *съ мною дружиною*. Ил., 385.

2) *Полкъ* разграничивается отъ *дружины* въ слѣдующихъ словахъ Ярослава Осмомысла: *а полкъ его (г. с. Ярославовъ отца) и дружина его у мене суть*. Ил., 320.

3) О Ярославѣ Осм. говорится въ лѣтописи: *Вѣ... славенъ полкъ: гдѣ бо башеть ему обида, самъ не ходишетъ полкъ своимъ...* (Ил., 441—442). Въ 1153 г. Ярославъ вышелъ противъ Изяслава *полкъ* своимъ (Ил., 321).

4) *И пачашася слати к ней Святополкъ и ина дружина* (къ Ярославовой женѣ), *вабиче ю онять...* Ил., 384.

5) Такіе дружинники должны бы и *искати себѣ чти*, а князю славы (см. *Сюво о п. Иг.*). Въ 1153 г., передъ битвой съ Изяславомъ, *Галицескии мужи* говорили Ярославу: *а хочемъ за отца твоего честь и за твою голову свои сложити* (Ил., 321).

6) Ил., 319: *Петръ же поѣха въ градъ, и и ѣха на княжь дворъ, и ту спидоша противу ему съ сѣнѣи слуги князи вси в черняхъ мятлихъ... и яже взиде на сѣни, и види Ярослава сѣднѣа на отни мѣстѣ в черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его*.

7) Тат. III, 77: *бояре его не восхотѣи, говоря: мы не хотимъ тѣмъ князю своему порока папести, но, положась на Бога, будемъ его всею нашею возможностью защищать, доколѣ Богъ изволитъ. И съ тѣмъ посла Изяслава отпустили*. Сл. Ил., 320.

ныхъ ¹⁾. Намъ кажется, что главнымъ поводомъ къ возмущенію было желаніе устранить ихъ преобладаніе; но, не рѣшаясь прямо высказаться, бояре привязались къ семейной жизни князя. Во всякомъ случаѣ вмѣшательство въ его семейныя дѣла указываетъ на значительную ихъ силу ²⁾. Впрочемъ, они не вполне восторжествовали надъ Ярославомъ. Несмотря на то, что онъ цѣловаль крестъ поступать по ихъ волѣ ³⁾, его жена принуждена была навсегда покинуть Галичъ ⁴⁾, а сынъ былъ однажды имъ изгнанъ ⁵⁾. Такую силу по отношенію къ князю проявилъ при Ярославѣ высшій классъ галицкаго служилаго сословія. Съ другой стороны, мы видимъ, что онъ присвоилъ себѣ и началъ пользоваться тѣми правами, которыми въ другихъ областяхъ пользовалась община, самъ сталъ распоряжаться за галицкую общину. Передъ своею смертію Ярославъ созываетъ весь народъ. «И ко преставленію своему в болѣзнь тяжкъ познася худъ, и созва мужа своя и всю Галицкую землю, позва же и зборы вси и монастыря, и нищія, и сироты и худыя». Онъ кается во грѣхахъ своихъ передъ всѣми: «и тако глаголаше плачася ко всѣмъ: отци, и братья, и сыновѣ! се уже отхожу свѣта сего суетнаго и иду ко Творцю своему, а сгрѣшихъ наче всихъ якоже

¹⁾ Г. Хлѣбниковъ («Общество и госузарство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи», Сиб. 1872, стр. 105) о времени до 1055 г. говоритъ: «нарочитыми людьми назывались горожане, а сельскіе-чадью»; въ примѣч. къ этому мѣсту читаемъ: въ самомъ словѣ «чадь» слышится явный слѣдъ родового быта, когда всѣ члены рода были чадами, дѣтьми родового старѣйшины. Теперь, хотя на развалинахъ родовъ образовались сотни, или боярскія имѣнія, но слово чадь не пропало; жители сотенъ назывались въ общемъ смесью чадью; такъ назывались и полукрѣпостные бояре: «мирошкина чадь» и т. д. См. для опредѣленія значенія этого слова П. с. р. л. I, 74, 97, Ип., 242, 372, 375, 384. Карамзинъ полагаетъ, что подъ эгиптъ словомъ должно разумѣть людей (III пр. 24).

²⁾ Нѣкоторые полагаютъ, что это было возстаніе всего народа. Можетъ быть боярамъ удалось поднять народъ, но несомнѣнно, что главными дѣателями были они. Такими они явятся въ лѣтописи. Святославъ и др. члены дружины говорятъ женѣ Ярослава, что они схватятъ его. Когда это совершилось, извѣщаетъ о томъ опять Святославъ и притомъ слѣд. образомъ: «поудъ стрятеть, отца ти есмь ями...» Ип., 384—385.

³⁾ Ип., 385: «князя водивше ко кресту, яко ему имѣти княгиню выправду, и тако уладившеся».

⁴⁾ Она прожила остатокъ дней и умерла на сѣверѣ. Ип., 415, 422.

⁵⁾ Ип., 428: «выгнанъ башеть отцемъ своимъ изъ Галича».

ипѣ никтоже сгрѣши; а отци и братья! простите и отдайте. Посмотримъ теперь, къ кому онъ обращается, когда зашло дѣю о столонаслѣдіи: «и се молвѣшеть *мужемъ* своимъ: ...а се приказываю мѣсто свое Олгови, сыновю своему меньшему, а Володимѣру даю Перемышль»; и съ *мужами Галицкими*, а не съ кѣмъ другимъ, *заключатъ* Ярославъ о томъ *рядъ* ¹⁾. Точно также послѣ обращался къ нимъ Романъ Мстиславичъ, желая занять Галицкій столъ ²⁾.

Это довольно опасное для князя измѣненіе въ отношеніяхъ къ нему высшаго служилаго класса совершилось постепенно и довольно незамѣтно, и потому-то княжеская власть не приняла противъ него во время мѣртъ. При Владимѣрѣ въ галицкой землѣ установилось единовластіе и правило передачи стола отъ отца къ сыну. Попытка Берладника при Ярославі получити удѣлъ въ галицкой землѣ окончилась неудачей. Другія же княжескія вѣтви не простирали своихъ притязаній на Галичъ до конца XII-го стол. Такимъ образомъ, съ 1144 г. въ Галичѣ не было той смѣны князей, какая имѣла мѣсто въ другихъ областяхъ, а правилъ одинъ князь—безъ конкурентовъ. Князь былъ одинъ, а земля была обширна ³⁾. Естественно, что болре получили въ ней самую широкую власть. Они сидѣли не только въ незначительныхъ городахъ, но и въ первостепенныхъ ⁴⁾. Они могли оставаться на однихъ мѣстахъ очень долгое время, потому что не было обстоятельствъ, которыя могли-бы ихъ заставить покидать ихъ: послѣ смерти отца они продолжали служить у заступавшаго его мѣсто сына; такъ, у Ярослава были «мужи» его отца ⁵⁾. Мы встрѣчаемъ въ лѣтописи лицъ, служившихъ князю въ теченіе 20-ти лѣтъ ⁶⁾. Управленіе областями должно

1) Ип., 442: «и урядивъ я, и привожди Володимѣра ко хресту и мужи Галицкыи на семь, яко ему не пекать подѣ братомъ Галича».

2) Ип., 444.

3) Какъ рѣдко было подобное обстоятельство въ то время (подчиненіе одному князю такой большой области), видно изъ слѣдующихъ предсмертныхъ словъ Ярослава Осмомысла: «се азъ одиною худою своею юловою ходя, удержалъ всю Галицкую землю» (Ип., 442).

4) Въ 1146 г. въ Звенигородѣ сидѣлъ «воевода Володимиръ мужъ» (Ип., 228).

5) См. ниже.

6) Тудоръ Елунчъ упоминается въ лѣтописи въ 1160 (Ип., 347) и въ 1180 год. (Ип., 417). Кенятинъ Ярославичъ въ первый разъ упоминается въ 1157 г. (Ип., 335), а въ послѣдній разъ въ 1173 (Ип., 384).

было дать имъ особенную силу. Вслѣдствіе всего этого «княжи мужи» сдѣлались крѣпкими землѣ¹⁾ и получили въ ней важное значеніе; ставши же не только «княжими», но и «Галицкими» мужами, успѣвши достигнуть въ своей землѣ могущества, они начали существовать, какъ нѣчто постоянное, помимо воли князя.

Прямыхъ подтвержденіемъ всего сказаннаго о процессѣ образованія «Галицкихъ мужей», являющихся въ кievской лѣтописи съ половины XII в., могутъ служить собственныя ихъ слова Ярославу. Они говорили ему передъ битвой съ Изяславомъ: «ты еси молодъ, а поѣди прочь и насъ позоруй, како ны будешь отецъ твой кормилъ и любилъ, а хотимъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити»; и рѣши князю своему: «ты еси у насъ князь одинъ, оже ся тобѣ нто учинитъ, то нто намъ дѣяти? а поѣди, княже, къ городу, ать мы ся бьемъ сами съ Изяславомъ, а кто насъ будетъ живъ, а прибѣгнетъ къ тобѣ, а тогда ся затворимъ в городѣ с тобою²⁾». Изъ этихъ словъ ясно: 1) что «Галицкіе мужи», о которыхъ говоритъ потомъ постоянно лѣтописецъ,—княжескіе дружинники, а не «лучшіе люди» земли: въ приведенномъ нами мѣстѣ лѣтописи они поставляютъ своею обязанностію положить свои головы за честь князя; 2) что эти дружинники въ мирное время управляли городами галицкой земли: Владимірко ихъ *кормилъ*³⁾; 3) послѣ Владимірка они служили Ярославу; 4) это были люди, оцѣвшіеся на мѣстѣ, не могшіе послѣ смерти одного князя перейти за извѣстную плату къ другому: «ты у насъ князь одинъ», говорили они Ярославу. Не допуская раздробленія галицкой земли во все послѣдующее время, противодѣйствуя отчужденію малѣйшей ея части, они, напротивъ, стремились увеличивать территорію своего княжества,

1) Съ половины XII в. лѣтописецъ все чаще и чаще называетъ ихъ «Галицкими мужами».

2) Ип., 321.

3) Что мы правильно понимаемъ это слово и что оно въ то уже время было техническимъ [такъ думаетъ и М. П. Погодинъ: «Исслѣдованія, замѣтки и лекціи о русской исторіи», т. VII (М. 1856), стр. 139, пр. 35], это доказывается употребленіемъ его въ такомъ смѣслѣ еще въ одномъ мѣстѣ лѣтописи (Ип., 514: Данилъ «прия землю Галицкую и розда города бояромъ и воеводамъ, и спаше корма у нихъ много»). В. И. Сергѣевичъ («Вѣче и князь», М. 1867, стр. 274) говоритъ о періодѣ удѣльно-вѣчеваго уклада: «Получить хорошую волость и быть сыту—это синонимы».

потому что, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширялось пространство, подлежащее ихъ управленію; вотъ почему они удержали Ярослава отъ возвращенія городовъ, занятыхъ его отцомъ. Позже польскіе паны, въ борьбѣ за Червоную Русь, Подолію и Волинь, руководились тѣми же самыми соображеніями.

Приобрѣтая въ странѣ первенствующее положеніе, дружинники пользовались имъ не какъ лучшіе члены общины, не разрывавшіе съ нею связи, а независимо отъ нея и даже въ ущербъ ей. Несмотря на то, они не встрѣчали отъ нея сильнаго сопротивленія, потому что она была рано подавлена въ Галичѣ. Усмиривши возстаніе, *Владимірко княжилъ насильно въ двухъ важнѣйшихъ городахъ своей земли*, именно — въ Галичѣ и Звенигородѣ¹⁾. Реакція противъ Ярослава, судя по всѣмъ даннымъ, также исходила изъ народной массы; мы видимъ ее не въ Галичѣ только, но и на югѣ княжества, въ Берладѣ, Кучелминѣ и Ушицѣ²⁾. Изъ словъ посольства галичанъ къ Изяславу Давыдовичу можно замѣтить, что недовольные молчали подъ давленіемъ силы, но готовы были возстать при первомъ появленіи сторонней помощи, на которую могли-бы опереться. Но они ее не дождались (Ярославъ былъ очень силенъ и страшенъ потому; кромѣ того, имѣлъ среди князей весьма много союзниковъ) и безирекословно сносилъ непріятную власть. Какъ опасно казалась эта реакція Ярославу по количеству ея сторонниковъ среди его подданныхъ, видно изъ его стараній захватить въ свои руки Берладника³⁾.

1) А вѣдь главные города были вожаками областныхъ общинъ.

2) Замѣчательно, что Ивана Ростиславича, котораго недовольные выставили противъ Ярослава, вездѣ встрѣчали съ сочувствіемъ. Къ нему пристаю СОГО берладниковъ; когда онъ подошелъ къ Кучелмину, «радъ быша ему»; Ушица не сдалась потому, что вошла Ярославова «засада», которая крѣпко была въ; «а смерди скачуть чересь заборолъ къ Иванови, и перебѣже ихъ 300» (Ил., 341); обыкновенно этого не бывало при княжескихъ междоусобицахъ. При осадѣ Ушицы обращаетъ на себя вниманіе немало повредившая ему его заботливость о народѣ: «и хотѣша Половци взяти городъ, Иванъ не да имъ взяти» (Ил., ib.). Можетъ быть, народъ любилъ Ивана именно за это и подобный ему качества.

3) Какую огромную опъ составилъ однажды для этого коалицію! Наче Ярославъ Галичскій искати Ивана Ростиславича, стричича своего: Ярославъ бо быше годъмолвилъ князь Рускѣ, и короля, и Лядскія князя, да быша ему были помочьники на Ивана, и обѣща-

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что галицкое боярство ставовилось постепенно въ особенное положеніе вслѣдствіе чисто мѣстныхъ условій. Принимаемое всѣми почти пзслѣдователями вліяніе сосѣднихъ странъ, Польши и Венгріи, отличававшихся аристократическимъ строемъ, могло имѣть второстепенное только значеніе. Владимірскій удѣлъ также граничить съ Польшею, однако мы не замѣчаемъ тамъ особенностей, свойственныхъ Галичу ¹⁾.

Въ послѣдующее время, именно отъ смерти Ярослава Осмомысла до окончательнаго утвержденія Данила въ Галичѣ, тамъ продолжали существовать мѣстные бояре, подобныхъ которымъ находимъ еще въ Новгородѣ. Князья смѣнялись, а бояре оставались одни и тѣже; ни одинъ изъ князей, занимавшихъ галицкій столъ, не могъ отодвинуть ихъ на второй планъ, затереть ихъ своими собственными боярами; если у него были свои дружинники, то они не играли въ странѣ значительной роли ²⁾.

Но этотъ періодъ довольно продолжителенъ; старые Ярославскіе бояре должны были вымереть въ началѣ его. Спрашивается, откуда пополнился этотъ классъ населенія и какъ поддерживался?

Положеніе этихъ бояръ въ странѣ было такое же, въ какомъ находились Ярославскіе бояре. Князья весьма часто терпѣли ихъ по неволѣ, встрѣчая на каждомъ шагѣ отъ нихъ стѣсненіе, готовность къ неповиновенію, личныя оскорбленія. Взгляните также на ихъ отношенія къ остальному населенію земли. Гдѣ должна была что-нибудь рѣшать сама страна, тамъ всегда выступали на сцену бояре. Изрѣдка только проглядываетъ въ лѣтписи народъ, какъ дѣятельная сила; онъ заявляетъ свой голосъ, когда налицо не было бояръ. Бояре же въ политикѣ почти всегда дѣйствовали вопреки его благосостоянію. Они были виновниками большинства смутъ въ странѣ со времени смѣрти Яро-

нася ему вен. И послана посла Кіеву къ Изяславу Давыдовичю: Ярославъ Галичскій Избигнѣва, Святославъ Олговичъ Ярославъ Иванковича, Ростиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ Изяславичъ Ярославъ Васильевича, Ярославъ Изяславичъ Ополья, Володимерь Андрѣевичъ Гаврила Васильевича, Святославъ Всеволодичъ Княгинина, король мужа своего, и отъ Лиховъ мужъ свой. (Ип., 341).

¹⁾ См., напр., мѣста Ип. см. о Романовой дружинѣ. При Данилѣ Волынскіе бояре являются съ прежнимъ характеромъ.

²⁾ Когда бояре возмущались противъ Владиміра Ярославича, его дружина бѣжала вмѣстѣ съ нимъ. Ип., 444.

слава Осмомысла, особенно со времени смерти Романа, тогда какъ до кончины Ярослава, во все почти продолжительное его княженіе, галицкая земля наслаждалась завиднымъ покоемъ. Они наводили ипоземцевъ, которые—были мгновенія—посягали даже на народную совѣсть. Этого мало: сами бояре не особенно церемонились съ народомъ. Послѣ татарскаго нашествія «Доброславъ вокняжился бѣ и Судычъ, поновѣ внуку, и грабѣше всю землю, и вышедъ во Бакоту все Поппзіе прия... Григорья же Васильевичъ собѣ горную страну Перемышльскую мыслише одержати; и бысть мѣтежъ великъ в землю и грабѣжъ отъ нихъ ¹⁾». Народъ предстасть въ жалкомъ видѣ. Вотъ какую картину рисуетъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ: «приехаша с великою гордынею, едучю Доброславу во одной сорочыцѣ, гордящу, ни на землю смотрящу, Галичаномъ же текущимъ у стремени его... ²⁾». Послѣ всего этого, намъ кажется, невозможно допустить, чтобы всѣ галицкіе бояре взятаго нами періода были «новыми», такъ сказать, людьми, постоянно выходившими изъ массы. Неужели шайка подобныхъ людей, во всякомъ случаѣ немногочисленная ³⁾, могла заправлять дѣлами значительной по объему области ⁴⁾? Какимъ образомъ масса сносила-бы самоуправство такихъ пчѣмъ, кромѣ буйства, не выдававшихся людей? Съ другой стороны, были ли бы эти личности опасны для князей? Да и какъ они въ такомъ случаѣ достигали боярства? Мы думаемъ, что званіе боярь удерживалось постоянно въ родахъ лицъ, пользовавшихся имъ при Яро-

¹⁾ Ип., 525.

²⁾ Ibid.

³⁾ Точно опредѣлить количество галицкихъ боярь нѣтъ возможности; но что оно было невелико, явствуетъ изъ всѣхъ мѣстъ лѣтописи. Это утвержденіе не упадетъ и тогда, когда мы отнесемъ съ довѣріемъ къ тому мѣсту Ипатьскаго списка, въ которомъ говорится (Ип., 484) что число убитыхъ Игоревичами боярь доходило до 500 (слова: «Щепановичъ (раз. былъ убитъ), шши величин бояре; убыено же бысть ихъ числомъ 500» находятся въ одномъ Ипатьскомъ спискѣ; см. *ibid*, вар. 5) Но, кажется, нужно согласиться съ Н. И. Костомаровымъ, что «это быть можетъ позднѣйшая вставка, потому что въ нѣкоторыхъ спискахъ оно пропущено и вообще это число слишкомъ велико для числа однихъ знатныхъ (величавыхъ) особъ по преимуществу» («Историческія монографіи и изслѣдованія». Т. I. Спб. 1863, стр. 212).

⁴⁾ Они имѣли такой вѣсъ въ странѣ, что, на чью сторону склонялись, тотъ могъ рассчитывать на вѣрный успѣхъ. Оттого-то Даниилъ однажды радовался, когда къ нему перешли галицкіе бояре. (Ип., 506).

славѣ,—что эти лица успѣли добиться такой силы въ странѣ, что ихъ вліяніе не могло уже быть подавленнымъ и исчезнуть и перешло къ ихъ дѣтямъ ¹⁾). Прямое указаніе на такую преемственность боярскаго достоинства въ однихъ фамиліяхъ находимъ въ галицко-волинской лѣтописи подѣ 1208 г., въ рѣчи боярина Владислава подѣ Перемишлемъ. Обращаясь, очевидно, къ боярамъ, а не ко гражданамъ ²⁾), онъ такъ убѣждалъ ихъ сдаться: «братъе! почто смущаетесь? не сии ли *избиши отци* ваша и *братю* вашу, а и *ѣи имѣние* ваше разграбиши, и дщери ваша даша за *рабы* ваша, а *отчистотци* вашими владѣши нѣни пришелицы? то за тѣхъ ли хочете душу свою положить ³⁾»? Эти слова показываютъ, что *отци* и братья этихъ бояръ были также боярами, что у нихъ были *отчины*, которыми завладѣли бояре, пришедшіе съ Игоревичами ⁴⁾). Въ лѣтописи можно найти и косвенныя подтвержденія высказаннаго нами мнѣнія. Что означаютъ слова бояръ: «не хотимъ кланятися понады ⁵⁾»? Обратимъ потомъ вниманіе на то, что въ качествѣ боярскихъ упоминаются цѣлыя фамиліи: Молибоговичи и Волод-рисы ⁶⁾), Арбузовичи ⁷⁾). Чѣмъ же удерживали свое вліяніе эти роды?

¹⁾ Татищевъ правильно называетъ галицкихъ бояръ постоянно «знатными». Съ избіеніемъ существовавшихъ боярскихъ родовъ нѣкоторые князья рассчитывали достигнуть полной власти въ странѣ.

²⁾ О одного объ этомъ мнѣнія съ нами держится и В. В. Пассекъ («Княжеская и докняжеская Русь» въ «Чт. въ Общ. ист.» 1870, № III, стр. 60, прим. 96). Правда, не задолго передъ тѣмъ лѣтописецъ сказалъ о обѣствѣ бояръ изъ галицкой земли (Ип., 484), но нѣкоторые могли остаться. По крайней мѣрѣ трудно допустить, чтобы Владиміръ говорилъ къ мѣстнымъ жителямъ: Игоревичи преслѣдовали только бояръ и указаніемъ на эти преслѣдованія едва-ли-бы онъ могъ ихъ разжалобить. Но и въ томъ случаѣ, еслибы мы согласились съ С. М. Соловьевымъ, что это были Перемишляне, нашъ выводъ не пострадалъ-бы; и тогда оставалось-бы несомнѣннымъ, что въ рѣчи разумѣлись бояре, на которыхъ Игоревичи воздвигли гоненіе.

³⁾ Ип., 485.

⁴⁾ У Татищева (II, 372) упоминаются ихъ «служители».

⁵⁾ Ип., 444.

⁶⁾ Ип., 509. Что это были цѣлыя фамиліи, видно изъ того, что ихъ было схвачено 28 человекъ.

⁷⁾ Ип., 513: «Травѣ же бывши, Данилъ же поиде со братомъ и со Олександромъ Пѣвнску и пришедъ *взя и подѣ Арбузовичи*, и великъ плѣнъ прии, обратися во Володимѣръ». Здѣсь Арбузовичи—не мѣстность, потому что лѣтописецъ не могъ считать нужнымъ объяснять для читателей, гдѣ находился Пѣвнскъ. Большинство бояръ

По всей вѣроятности, оно основывалось на ихъ экономическихъ преимуществахъ ¹⁾. Они владѣли землями, которыя передавали въ наследство дѣтямъ ²⁾; эти земли были заселены свободными поселенца-

въ лѣтописи пазвано не только по имени, но и по отчеству; но изслѣдователь ничего не почерпнетъ изъ этого для рѣшенія занимающаго насъ вопроса, потому что по одному отчеству, при отсутствіи указаній на фамилію *), нельзя дѣлать заключенія о родствѣ одного боярина съ другимъ, считать одного сыномъ, а другаго отцомъ. А легко можетъ родиться слѣд. вопросъ: Михалко Глѣбовичъ (Ип., 490) не сынъ-ли Глѣба Потковича (Ип., 487)? Держимиръ Володиславичъ (Ип., 496) не сынъ-ли Володслава кормилничча (уном. въ Ип., 484—489) или Володслава Витовича (Ип., 491)? Володславъ Юрьевичъ не сынъ-ли Юрія Витановича (Ип., 484), или Юрія Домашѣрича (Ип., 496), или Юрія—Перемишльскаго тысяцкаго (Ип., 499)? Василій Гавриловичъ (Ип., 510), если только это не волыньскій бояринъ (уном. въ Ип., 490 и 497), не сынъ-ли Гаврила Изворовича (Ип., 491)? Григорій Васильевичъ не сынъ-ли Василія Молзы (Ип., 490)? Судиславъ Навичъ (Ип., 516) не сынъ-ли Нліи Щенановича (484)? Не поднимаемъ вопроса о Василіи Глѣбовичѣ и о Оеодорѣ Дмитровичѣ (Ип., 533 и 539), о которыхъ не знаемъ, были-ли они галицкіе бояре.

¹⁾ Кадлубекъ предполагаетъ, что Романъ могъ избивать бояръ для того, *ut Potentioribus de medio sublati securus imperet.* (II, 128). Отсюда видно, что это не были немущіе люди и что не одною храбростію они первенствовали въ массѣ. Въ одной грамотѣ Бѣлы IV Даниловича бояре названы баронами: *«Deinde cicatrice sui vulneris nondum obducta, cum Daniel Ruthenorum Rex ad caempestre praelium contra ipsum nostrum generum prodisset, strenuitas ejusdem Magistri Laurentii desidia obscuritatem abhorrens in lucem prodit probitatis, et singulariter hostili se immiscens aciei, quendam de Rusciae Baronibus impulsu dejecit lanceali.*» (*Imago novae Hungariae a S. Thoon. Viennae Austriae, MDCLIV.*, p. 80).

²⁾ См. приведенное уже нами мѣсто лѣтописи. Мы можемъ указать и на другое еще, говорящее о боярскихъ отчинахъ: *«...якъ бысть величавый Филъ паробкомъ Добрыниномъ, его же лживый Жирославъ украсть бѣ, и обличену ему бывшу, про него же погуби отчину свою»* (Ип., 493). Изъ него видно, что Жирославъ даѣть возможность Филѣ убѣжать и за то былъ лишенъ отчины.

*) Фамиліи существовали несомнѣнно, но лѣтопись называетъ ихъ весьма мало (къ вышеуказаннымъ прибавимъ еще двѣ найденныя нами въ лѣтописи; полѣ 1213 въ ней упоминаются (Ип., 490) Молза и Скула; это объясняется тѣмъ, что тогда въ ходу были названія лицъ по именамъ; лѣтопись не отстала отъ этого обычая, имѣя въ виду читателей не теперешнихъ, а тоглашнихъ, знавшихъ болѣе или менѣе тѣхъ бояръ, о которыхъ она говоритъ; предполагая это знаніе, болѣе выдававшихся лицъ она не называла даже по отчеству.

ми ¹⁾ и рабами ²⁾. Въ Галичинѣ землевладѣніе было весьма выгодно ³⁾, а потому у бояръ, кромѣ недвижимыхъ, были значительныя движимыя имущества ⁴⁾, которыя накопились также посредствомъ управленія областями ⁵⁾

1) Изрекая на Жirosлава проклетіе, лѣтописецъ говоритъ между прочимъ: «да будетъ дворъ его пустъ, и в селѣ его не будетъ живущаго» (Ип., 499). Онъ пользовался въ этомъ случаѣ словами одной библейской книги, но употребилъ ихъ потому, что она имѣла приложение къ Жirosлаву.

2) Ип., 485; 493: «ятъ бысть величавый Филъ паробкомъ *Добрыниномъ*» (впроч., можетъ быть, «Добрынинъ» — названіе самаго паробка). Въ огромномъ количествѣ рабы должны были добываться во время войны (см. Ип., 488, 504, 505, 516 и т. п. мѣста лѣтописи о захватѣ большого количества плѣнныхъ во время войны). Не получали-ли иногда села названій отъ боярскихъ именъ? Въ гал.-вол. лѣтоп. встрѣчаемъ боярина Вышатъ (Ип., 529), а въ Переворскомъ повѣствѣ Червоной Руси есть с. Вышатичи («Русскій истор. сборникъ», изд. Имп. Общ. ист. и др. Р., т. VII (М. 1844), стр. 115).

3) Н. И. Костомаровъ утверждаетъ, что въ галицкой Руси было болѣе чѣмъ въ др. мѣстахъ «возможности образоваться классу богатыхъ землевладѣльцевъ: во-первыхъ, почва была очень плодородна и продукты сбывались удобнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; во-вторыхъ, край галицкій былъ болѣе удаленъ отъ сосѣдства кочевниковъ, чѣмъ, напр., край кievскій, хотя не менѣе плодородный и богатый, но безпрестанно подвергавшійся разореніямъ». («Вѣстникъ Европы» 1870, № XI, стр. 40, ст.: «Начало единодержавія въ древней Руси»).

4) Въ приведен. уже нами мѣстѣ лѣт. читаемъ: «имѣніе ваше разграбима» (Ип., 485). Захваченный венграми «Судиславъ во злато превменися, рекше, много злата давъ избавися» (Ип., 487). «Михалка же Скулу убиша, соголивше на Щирѣцѣ, а главу его сосѣкоша, *проучени* сняше золоты...» (Ип., 490). По словамъ Кадлубка (II, 126), Галицкіе «*Proceres precibus accumulanti, argenti, auri talenta innumera, gemmas, Vasa, et vestes generis exquisitissimi, omne sericorum, omne prestantissimarum genus rerum, offerunt, et protensius illaturos pollicentur, ne Rutheni jugo subesse compellantur*». Разсуждая о причинѣ Романоваго тиранства, Кадлубекъ говоритъ, что, мож. быть, Романъ хотѣлъ, *fortunas interemptorum ciperere* (ib., 128). О томъ же князѣ Стрыйковскій сообщаетъ (I, 211), что онъ «*wielkie skarby zebrał, pobierając dobra i majątności uciekających i wywołanych panów Ruskich*».

5) Оттуда, вѣроятно, богатства, видѣнные Данииломъ на дворѣ у Судислава: «Данилъ же взи дворъ Судиславль, якоже вино, и овоща, и корма, и копий, стрѣлъ пристраньно видити» (Ип. 506). Тѣмъ же способомъ обогатились бояре, пришедшіе съ Игоревичами. Тат. (III, 372) говоритъ: «Романа и Владиміра повѣсили предъ градомъ, служителей же ихъ Галичане всѣхъ побили, а иныхъ ограбя отпустили, и взявъ отъ имѣнія ихъ болѣе 1000 гривенъ серебра, дали Венгрома, и въ

и торговли¹⁾. Притязанія галицкаго боярства опирались только на это фактическое превосходство: бояре управляли страной потому, что были сильнѣе. Они не провели юридически исключительности своихъ правъ на это, юридически не обособились отъ массы, и послѣдняя не считала себя разставшеюся съ своими вѣковыми правами; такъ, она призвала нѣсколько разъ Даниила²⁾. Въ этомъ главное отличіе галицкой боярщины отъ западной³⁾. Оттого, хотя галицкое боярство было

королю послали съ благодареніемъ». Города и въ галицкой Руси служили средствомъ содержанія: «Прибѣже изъ Царьгорода братанъ царевъ кюръ Андроникъ къ Ярославу у Галичи, и прии и Ярославъ с великою любовію, и да ему Ярославъ нѣколико городовъ на утѣшеніи» (Ип., 359).

¹⁾ Н. И. Костомаровъ сходно съ нами принимаетъ бояръ за богатей; но въ то же время онъ думаетъ («Моногр.», I, 208), что это богатство и давало имъ боярство, что бояре выходили изъ класса состоятельныхъ людей, и далеки отъ мысли о наследственности этого званія. Но богатство переходило отъ отцовъ къ дѣтямъ. Что бояре галицкіе не были просто состоятельными людьми, но при этомъ происходили отъ правительственныхъ лицъ, это видно изъ того, что они на управленіе областями смотрѣли, какъ на главную свою профессию, постоянно добивались участія въ немъ и вообще считали за собою какое-то право на это; князья удовлетворяли ихъ желанію: занявши однажды Галицкую землю, Даниилъ «розда города бояромъ и воеводамъ» (Ип., 514). Нѣкоторые бояре получили свои прозванія отъ мѣстностей, которыхъ были правителями (Ип., 515: «Борисъ же *Межибожскій*...». О Климитѣ утвержденіе Н. И. Шараневича («Исторія», стр. 105) ошибочно: слова «съ Голыхъ горъ» должно отнести къ его бѣгству съ пикт). Замѣчательно, что Кадлубекъ (II, 127) и Богуфаль (стр. 53 въ изд. Коммерсберга: «*Silesiacarum rerum scriptores*». Т. II. Lipsiae 1730) называютъ бояръ сатрапами (т. е. областными правителями).

²⁾ Ип., 501, 506, 514, 517.

³⁾ Укажемъ, какъ на общую обѣимъ черту, на то, что тѣ и другіе аристократы должны были, въ случаѣ надобности, явиться къ своему господину на помощь съ вооруженными отрядами. Подъ 1231 г. читаемъ въ гал.-вол. лѣтон. о Даниилѣ слѣдующее: «устремися изыти со маломъ ратникъ, и Мирославу пришедшу къ нему на помощь с маломъ отрокомъ, *неотрпни же вси на помощь ему идяху...*» (Ип., 509). Боярскіе «поля» упоминаются еще въ XII в. (Ип., 444: «Мужи же Галичкыи приимше с(ъ)вѣтъ Романовъ, *содокупише полки своя...*»). Подъ 1213 г. въ Ип. сп. (стр. 490) упоминаются въ Городкѣ «люде Судиславли» (вироч., можетъ быть, лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что Городокъ принадлежалъ Судиславу).

родовымъ, все-таки оно не представляло изъ себя замкнутого сословія, и доступъ къ этому званію не былъ огражденъ и простымъ людямъ. Въ лѣтописи упоминается нѣсколько бояръ происходившихъ изъ низшихъ классовъ, хотя разсказъ ея объ этомъ даетъ знать, что это были довольно рѣдкіе случаи ¹⁾. Такимъ образомъ, даже относительно Галича остается вѣрнымъ то положеніе, что «древняя Россія не знала сословій». Это явленіе царской эпохи нашей исторіи; только первые зародыши его относятся къ концу княжескаго періода. Въ княжескую же эпоху все населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другаго—достоинствомъ, а не правами... Каждый имѣетъ право на все, по одному удалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выделяется какъ человѣкъ «лучшій»; кто остался позади всѣхъ,—характеризуется эпитетомъ «меньшого» человѣка ²⁾.

Вотъ какихъ бояръ мы будемъ разумѣть при разсказѣ о событіяхъ въ періодъ отъ смерти Ярослава Осмомысла до окончательнаго утвержденія Даниила въ Галичѣ. Галицкіе бояре Даниилова времени—лица, пользовавшіяся такимъ же могуществомъ въ странѣ, какимъ обладали бояре Ярославовскіе. Послѣ Ярослава боярство не утратило ничего изъ своихъ преимуществъ.

Понятно, что для Даниила должно было быть весьма важнымъ то или другое настроеніе бояръ и что народное сочувствіе еще не обезпечивало ему владѣнія Галичемъ.

Со стороны же бояръ Данииль встрѣчалъ сопротивленіе.

Оно носило характеръ постоянства. Иногда бояре добровольно

¹⁾ Объ одномъ бояринѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ «поповъ внукъ» (Ил, 525), а о двухъ другихъ, что они были «безаконники отъ племени смерды» (ibid.). Прибавленіе въ обоихъ случаяхъ указанія на незнатность происхожденія, тогда какъ вообще лѣтописецъ не упоминалъ о послѣднемъ, заслуживаетъ вниманія; по нашему мнѣнію, оно свидѣтельствуетъ объ исключительности подобныхъ явленій. Обращаемъ также вниманіе на то, что сказано: «поповъ внукъ», а не «поповъ сынъ»; объ отцѣ лѣтописецъ не говоритъ, а о дѣдѣ; значитъ, отецъ Судыча былъ уже бояриномъ. Когда Лазарь Домажиречь и Иворъ Молибожичъ получили отъ Доброслава Коломью, то княжескій посолъ замѣтилъ: «си бо еста недостойна ни Вотыина держати», и по связи рѣчи можно замѣтить, что это недостойнство, по его мнѣнію, истекало изъ незнатности ихъ происхожденія: значитъ, въ Галичинѣ смотрѣли на то, изъ какого званія выходилъ человѣкъ.

²⁾ «Вѣче и князь», стр. 31.

какъ бы подчинялись Даниилу; по, выигнувъ поглубже въ лѣтонисѣ, можно замѣтить, что они никогда не переходили искренно на его сторону, а признавали его власть въ томъ только случаѣ, когда предвидѣлась полная его удача ¹⁾. Подчинившись Даниилу по необходимости, они тотчасъ же начинали искать средствъ отдѣлаться отъ него ²⁾: то составляли заговоры на его жизнь, то вели тайные переговоры съ русскими князьями или съ иностранцами и приглашали ихъ въ галицкую землю. Если и дѣйствовали за одно съ нимъ противъ его враговъ, то въ душѣ все-таки были измѣнниками ³⁾ и отпадали отъ Даниила, когда его дѣло начинало казаться проиграннымъ, или у его соперниковъ появлялась малѣйшая надежда на успѣхъ.

Полное нерасположеніе боярства къ Даниилу и стремленіе не допустить его до утвержденія въ Галичѣ очевидно. Чѣмъ же оно обуславливалось? можетъ быть—образомъ дѣйствій Даниила относительно нихъ? Но Данииль въ отношеніи къ классу бояръ ничѣмъ не разнился отъ

¹⁾ Во время перваго похода взрослого Даниила на Галичъ они явились въ его станъ тогда, когда Судиславъ бѣжалъ передъ Даниловымъ тысяцкимъ и былъ осажденъ въ Галичѣ (Ип., 506). Нашего утвержденія не можетъ подорвать слѣд. извѣстіе, паходящееся въ Ип. см. подъ 1234 г.: «Истунн Глѣбъ Земерѣвичъ отъ королевича к Данилю. Даниль же и Василко и одна поидоста к Галичю, стрѣтоша и бошаа половина Галича: Доброславъ и Глѣбъ, нини бояре мнози...» (Ип., 514). Помидому, здѣсь въ пользу Даниила рѣшилъ дѣло переходъ Глѣба, а Глѣбъ перешелъ на его сторону безъ всякихъ прилуждавшихъ извнѣ обстоятельствъ; но обратите вниманіе на непосредственно предшествующій этому рассказъ лѣтониса, помѣщенный подъ 1233 г.: «Оттуда же поша ко Перемилю, Андрѣй королевичъ, Дяниши и Угре, бишася о мость со Володимѣромъ и Даниломъ, и *отблвншимъ имъ, Угре же воротилиася къ Галичю и пороки помоташа. Володимѣръ же и Даниль поидости по нихъ...*» (Ип., 513); перевѣсъ, очевидно, началъ склоняться на сторону Даниила. Этимъ опровергается взведенное Н. И. Шараневичемъ на галицкое боярство обвиненіе въ легкомысліи.

²⁾ Насъ опять могутъ упрекнуть въ несправедливомъ распространеніи на всѣ случаи того, что бывало иногда только, и могутъ сослаться, напр., на 1229 г. по Ип. см. Но и тогда венгры были приведены боярами. Лѣтон. говоритъ о королѣ: «*Ушедшю же ему за невѣрство бояръ Галичскихъ, Даниль же, Божьего союзу, одержжа градъ свой Галичъ.*» Пригласивъ короля, бояре не оказали ему поддержки, потому что неудачи постигали его съ самаго начала похода.

³⁾ См., напр., Ип. см. подъ 1231 г. (стр. 509).

остальныхъ тогдашнихъ князей и ни въ чемъ не нарушать выработанныхъ до него порядковъ. Мы даже думаемъ, что едва ли какой-либо князь древней Руси обращался такъ мягко съ постоянными своими врагами. Мягкость—черта Даниилова характера, рѣзко отличающая его отъ его отца. Притомъ мы видимъ, что волынская боярщина горячо поддерживала Даниила.

Въ томъ-то и дѣло, что галицкое боярство не довольствовалось тѣмъ, чѣмъ могли быть удовлетворены бояре остальной Руси. Оппозиція его Даниилу находилась въ связи съ особеннымъ его направленіемъ, вытекавшимъ изъ тѣхъ особенныхъ условій, въ которыя оно стало въ странѣ, и была продолженіемъ той борьбы, которая велась уже въ теченіе цѣлаго тридцатилѣтія.

Достигши виднаго положенія въ своей землѣ, галицкіе бояре, естественно, стремились удержать его за собою и выше всего ставили свое личное благо, для котораго не затруднялись жертвовать интересами остального населенія. Вотъ чѣмъ опредѣлились всѣ ихъ дѣйствія со времени Ярослава Осмомысла.

Пока не угасла династія Ростиславичей, это боярство готово было и даже желало держаться ея по преимуществу: послѣ смерти Ярослава, изгнавъ его сына Олега, бояре провозгласили своимъ княземъ брата послѣдняго; заставивъ бѣжать и этого, когда подговорившіи ихъ къ тому Романъ принужденъ былъ отказаться отъ Галича и уступить его Венграмъ, они обратились вновь къ князю мѣстной линіи—сыну Берладника. Но и при Ростиславичахъ уже бояре не стѣснялись тѣмъ, что этотъ родъ былъ освященъ въ глазахъ народа давнею связью съ Галичемъ, и готовы были стать выше преданій, какъ скоро имъ не нравился посаженный ими князь. Такимъ образомъ, и династію, укрѣпившую свой авторитетъ въ странѣ долгимъ властвованіемъ, они сумѣли заставить входить съ ними въ компромиссъ!

Съ прекращеніемъ этого рода¹⁾, Галичъ не могъ остаться безъ князя, который вездѣ считался необходимымъ лицомъ и безъ котораго

¹⁾ Въ концѣ XII в. перестали существовать собственно законные его представители; но дѣти Владиміра Ярославича отъ нападеній были еще живы и скитались въ Венгріи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одинъ документъ, помѣщенный въ «*Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*» Тейнера (Roma 1859). Выдержка изъ него есть въ предисловіи А. С. Петрушевича къ галицко-волынской летописи.

всякой отдѣльной землѣ казалось, что она беззащитна¹⁾; о введеніи другой формы правленія никто и не помышлялъ; не думали о ней и галицкіе бояре даже тогда, когда попытались удержать верховную власть въ своихъ рукахъ, не приглашая никого извнѣ²⁾. Но понятно, что, при оставленіи ими княжескаго института, для нихъ всякій разъ было далеко не безразлично, какое лицо садилось на княжескій столъ и какими средствами оно его добывало. Они могли вполнѣ сохранить свои преимущества только при князѣ, посаженномъ по ихъ выбору и инициативѣ; при немъ они могли пользоваться даже еще большимъ значеніемъ, чѣмъ при Ростиславичахъ. Наоборотъ, всякій князь, который бы сѣлъ на столъ помимо воли бояръ, не сталъ-бы съ ними церемониться и поступаться въ ихъ пользу правами, которыя въ остальныхъ земляхъ, въ томъ числѣ и въ его собственной, считались неотъемлемою принадлежностію князя и нарушались болѣе или менѣе только въ Галичѣ. Какой князь до-монгольской Руси безъ особенной необходимости помирился бы съ такимъ порядкомъ, какой однажды бояре водворили— было на мгновеніе при Данилѣ, когда они его княземъ собѣ называли, а самъ всю землю державъ³⁾? Такое положеніе дѣлъ составило предметъ постоянныхъ ихъ домогательствъ, и они могли поладить на этомъ пути окончательно развѣ съ венгерскими королевичами, въ отечествѣ которыхъ аристократія въ то время уже процвѣтала. На основаніи всего этого, галицкіе бояре допускали спокойно править Галичемъ и поддерживали только тѣхъ князей, которые занимали страну по соглашенію съ ними. Впрочемъ, они руководились въ этомъ случаѣ не однимъ только желаніемъ сохранить *status quo*; они явились при этомъ и бойцами за автономію страны, которой, съ прекращеніемъ установившейся

1) Очутившись однажды безъ него, галичане высказали именно это опасеніе. Ник. II, 293.

2) «Мстиславъ, убо, увѣдавъ королеву рать великую, избѣга из Галича, Володиславъ(ъ) же воѣха в Галичъ, и *вокняжися и сѣде на столъ*». Ник., 488. Это го княженіе лица, происходившаго не изъ владѣтельнаго рода, сильно оскорбило и сосѣднихъ иностранцевъ (Лешка), и своихъ: «Лестько же посла посла своего Лѣстьича и Накослава восводу, рекши: «не есть лѣпо боярину *княжити* въ Галичи... король Андрѣй... пославъ и я Володислава в Галичи, заточи и, и еъ томъ заготепъ умре, нашедъ зю племени своему и дѣтемъ своимъ. *княженія дпач: вси бо князи не при ряху дптий сго того ради*». Ник., 489.

3) Ник., 525.

ливнѣ, естественно было возвратиться къ самостоятельному распоряженію собою и поставленію князя по собственному выбору: и то, и другое существовало на пространствѣ всей Руси, хотя нерѣдко случалось, что князья брали перевѣсъ надъ общинами. И бояре провозгласили принципъ избранія на мѣсто прежняго принципа преемственнаго наследованія и стали примѣнять его немедленно послѣ того, какъ остались безъ князя изъ Ростиславичей. Прося помощи у Рюрика для изгнанія Венгровъ изъ Галича, Романъ при этомъ сказалъ: *ведутъ(ь) мѣ Галичане к собѣ на княженіе* ¹⁾. Онъ опирался на избраніе съ ихъ стороны, какъ на одинъ изъ вѣдѣнныхъ уже тогда въ обычай путей къ занятію столовъ, и въ поступкѣ бояръ видѣлъ обыкновенный фактъ самоопредѣленія общины, на которое она имѣла полное право. Только въ Галичѣ это самоуправленіе земли въ сущности простиралось, какъ мы видѣли, на одинъ боярскій классъ, считавшій себя представителемъ ея, чего не было въ другихъ земляхъ. По смерти Владиміра Ярославича, бояре опять хотѣли допустить замѣщеніе своего стола лишь выбраннымъ ими княземъ ²⁾, и затѣмъ такъ было постоянно.

Еслибы боярамъ удалось утвердить въ Галичѣ какого-нибудь посаженнаго ими самими князя, то въ странѣ, быть можетъ, водворилось бы спокойствіе. Но, къ ихъ несчастію, съ перваго же разу, какъ только Галичъ остался безъ своего давняго княжескаго рода, не переставали являться сильные претенденты, желавшіе добиться этой области во что бы то ни стало, входя или не входя въ соглашеніе съ боярствомъ. Таковы были на первыхъ порахъ сосѣдніе Венгры, задолго до того пришедшіе въ столкновеніе съ этимъ княжествомъ и желавшіе увеличить чрезъ присоединеніе его свою территорію; но они стѣснялись сразу лишить его и тѣни самостоятельности и потому, не нарушая, повидимому, старыхъ порядковъ, оставили въ немъ отдѣльнаго князя. Таковъ былъ и Романъ Мстиславичъ.

Бояре не поддавались, желая поставить на своемъ. Ни одинъ изъ состязавшихся элементовъ не одолевалъ, и, влѣдствіе этого, борьба тянулась, не имѣя конца и обнаруживаясь, какъ своимъ результатомъ,

¹⁾ Ип., 445.

²⁾ Тат., III, 327—328. Онъ говоритъ о «Галичапахъ», по песомиѣнно, что подъ этимъ словомъ должно разумѣть бояръ. Вообще русскія извѣстія о ближайшемъ времени, слѣдовавшемъ за смертію Владиміра Ярославича, сохранились только у Татищева.

постоянную смѣною князей, подобную которой находимъ еще въ Новгородѣ. Обыкновенно эту смѣну приписываютъ почти исключительно боярамъ, какъ будто-бы у нихъ образовалась привычка и страсть постоянно мѣнять князей. Но не одни они были причиною частаго удаленія князей изъ Галича; нѣкоторые они и поддерживали, но тѣ были пизвергаемы врагами боярства.

Сказанное нами уясняетъ отношеніе послѣдняго къ сыновьямъ Романа, которые съ самаго малолѣтства были одними изъ претендентовъ на Галичъ.

Бояре изначала должны были ратовать противъ нихъ, потому что ихъ хотѣли посадить въ Галичъ не по милости боярства, а ссылаясь на то, что это была ихъ отчина. Кромѣ того, отецъ Романовичей былъ хорошо памятенъ боярству, какъ одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ его враговъ; въ Галичѣ онъ утвердился несомнѣнно вопреки всѣмъ усиліямъ бояръ помѣшать ему въ этомъ и послѣ того въ концѣ хотѣлъ истребить ихъ. Если непосредственно вслѣдъ за смертію Романа они оцѣлована крестъ къ сыну его Данилу ¹⁾ и защищали его противъ Рюрика, то это объясняется тѣмъ, что по смерти Романовѣ спмался король со ятровью своею, во Саноцѣ: принять бо бѣ Данила како много сына своего, оставилъ бо бѣ у него засаду, Могъя великаго смѣлоокаго, и Корочюна, Вълта и сына его Витомира, и Благнию, иныи Угри многи, и за то не смѣша Галичанъ ничтоже створити, бѣ бо иныхъ много Угоръ ²⁾. Но вскорѣ обстоятельства дали возможность боярамъ освободиться отъ ненавистныхъ имъ Романовичей, которыхъ они потомъ являются постоянными врагами. Двубратное приглашеніе ими Данила въ Галичъ не было съ ихъ стороны измѣною этой политикѣ. Въ первый разъ они звали Данила, надѣясь составить въ силу обаянія его имени грозное ополченіе противъ прибѣгнувшихъ къ образу дѣйствій Романа враговъ своихъ Игоревичей, въ чемъ и не ошиблись ³⁾. Уничтоживъ Игоревичей, бояре готовы были терпѣть Данила и терпѣли только подъ условіемъ, чтобы вся власть

¹⁾ П. с. р. л., I, 179.

²⁾ Ип., 480—481.

³⁾ Тогда только они вспомнили, что Данилъ былъ ихъ отчичъ: «Наидоша Данила во Угорьской землѣ дѣтска суца, и просиша у короля Угорьского: дай намъ отчича Галичу Данила, ать с нимъ приимемъ и отъ Игоревичей». Ип., 484.

была предоставлена имъ; мать Данила стѣснила ихъ, и они ее прогнали, «хотяща бо княжити сама 1)». Во второй разъ 2) они хотѣли Данила противопоставить шедшему на Галичъ Мстиславу: взять перваго было выгоднѣе, потому что онъ былъ-бы обязанъ столпомъ имъ, а не оружію, и сидѣлъ-бы уже не какъ отчичъ.

Когда Данилъ выросъ и самъ сталъ поддерживать свои права, то онъ продолжалъ опираться на то же, что прежде выставляли на видъ его сторонники, т. е.—на то, что онъ отчичъ. Княжить въ Галичѣ онъ хотѣлъ такъ, какъ княжили въ своихъ волостяхъ другіе и какъ онъ самъ княжилъ на Волыни; въ сознаниіи своего достоинства, онъ желалъ отъ бояръ повиновенія: «князь вашъ азъ есмь, сказалъ онъ имъ однажды, повеленія моего не творите 3)». Распоряженіе по сосѣдству обширными землями обезпечивало ему возможность успешно поддерживать такіа притязанія и въ Галичѣ. Наконецъ, Данилъ былъ также энергичнѣе, какъ и его отецъ.

Очевидно, опасность съ его стороны была велика, и боярство, не утомившись продолжительностію предшествовавшей борьбы, съ новымъ жаромъ принялось отражать этого противника, относительно котораго оно было—успокоилось, изгнавъ его изъ Галича во время его малолѣтства.

Такъ объясняемъ мы поведеніе боярства въ отношеніи къ Данилу и къ князьямъ вообще.

Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, что, по нашему мнѣнію, бояре постоянно имѣли въ виду интересы цѣлаго общественнаго класса, къ которому принадлежали. Мы не говоримъ, что это было сознательное сословное единодушіе; мы только утверждаемъ, что не было никакого раздѣлявшаго бояръ элемента.

Намъ кажется, что такое объясненіе дѣйствій галицкаго боярства имѣетъ за себя болѣе всего данныхъ.

Большинство современныхъ ученыхъ (Н. И. Костомаровъ, И. Д. Бѣляевъ, М. Смирновъ и др.), напротивъ, важною и коренною отличительною чертою галицкаго боярства считаютъ постоянное раздѣленіе на партіи, изъ которыхъ каждая выставила и поддерживала своего

1) Ип., 487.

2) См. Ип., 489.

3) Ип., 525.

претенденціа, при торжествѣ котораго могла разсчитывать на преобладаніе въ странѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на обогащеніе; каждая изъ нихъ старалась при этомъ изгнать изъ Галича князя другой партіи; такимъ образомъ, по мнѣнію этихъ ученыхъ, въ дѣйствіяхъ галицкихъ бояръ вовсе не видно сослужнаго единодушія, а на первомъ планѣ у нихъ были всегда частные интересы; каждая отдѣльная бучка стремилась подняться выше остальныхъ, и въ Галичѣ происходила только борьба различныхъ боярскихъ партій.

Но, изучая внимательно весь періодъ времени отъ смерти Ярослава Осмомысла до окончательнаго утвержденія Данила въ Галичѣ, нельзя не видѣть, что въ большинствѣ случаевъ не было подобнаго раздѣленія, и князья были вводимы въ Галичъ, или изгоняемы изъ него не отдѣльными партіями, по вѣсѣмъ боярствомъ. Отъ всего, напр., боярства исходила смѣна князей въ Галичѣ послѣ Романа. У его дѣтей въ Галичѣ не было сторонниковъ, и потому ихъ бѣгство не было результатомъ борьбы партій¹⁾. Съ удаленіемъ Романовичей изъ Галича, для бояръ, если только они дѣйствились на партіи, открывался полный просторъ: всякій могъ выставить своего кандидата. Но на самомъ дѣлѣ они поступали не такъ: мы не видимъ, чтобы одинъ изъ нихъ вели одного князя, а другіе другаго. Напротивъ, *сначала*, по инициативѣ венгерскаго короля²⁾, они пригласили Ярослава Всеволодовича Переславскаго, а *потомъ*, *послѣ общаго сознанія*, послали за Игоревичами³⁾. Съ водвореніемъ послѣднихъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ

1) Лѣтописи не упоминаютъ о томъ, чтобы съ ними бѣжали кто-нибудь изъ Галича; объ этомъ говорить крайне неопредѣленно только Татищевъ; да и послѣ не замѣтно нѣтъ партій среди галицкихъ бояръ.

2) О ней говорятъ все упоминающіе объ этомъ событіи источники.

3) Что послѣдніе были призваны такъ, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ мѣстная лѣтопись: «...и приведоша кормилчича, яже бѣ загнати великий князь Романъ, невѣры ради: славиху бо Игоревича. *Послушавше же ихъ Галицкыи бояре, и послаши по нихъ и посадиши и...*» (Ип., 481). И. И. Шарановичъ (стр. 68) представляетъ дѣло такъ, что въ Галичѣ были различныя партіи, и одна изъ нихъ отправила посольство къ Ярославу, а другая къ своимъ кандидатамъ Игоревичамъ. Но источники не даютъ права такъ думать. Такъ какъ все они (Лавр. спис., лѣт. Ник. и Воскрес., Тат.) передаютъ дѣло согласно, нисколько не противорѣча умягчающей о многихъ подробностяхъ событій этого времени мѣстной лѣтописи, то мы приведемъ рассказъ одного казого-нибудь изъ нихъ. Вотъ что говорится, напр., въ Лавренть-

противъ нихъ не было никакого. А вѣдь, еслибы какіе болре захотѣли посадить другихъ князей, то не встрѣтили-бы къ тому особенныхъ препятствій. Игоревичи ссорились даже между собою, при чемъ одинъ изгналъ другаго,—знакъ, что они чувствовали себя на твердой почвѣ. Потомъ самъ Романъ былъ изгнанъ Венграми при участіи бояръ¹⁾. Только поверхностный наблюдатель можетъ сказать, что въ Галичѣ существовала партія, думавшая возмститься съ помощію Мстислава Пересопницкаго²⁾. Не слѣдя изъ года въ годъ за смѣной галицкихъ князей, мы скажемъ, что въ лѣтописи прямо иногда говорится о совокупномъ дѣйствіи *всѣхъ* бояръ³⁾, и затѣмъ рассмотримъ еще въ этомъ

евскомъ спискѣ (II. c. p. л., I, 180): *«Галичане же видѣвше короля идуща прочь, убоишася полковъ Рускихъ, еси възвратятся на нь опять, а князи у нихъ пѣту, сдумавше, послашася по Володимера Игоревича отай, Володимеръ же вѣсть пріимъ отъ Галичанъ, укрядъся изъ полковъ отъ своео брати, гна обь поидъ въ Галичъ; блху бо стояща волицы отъ Галичи за 2 дни, блше бо король съ Галичаны сдумавъ переже, послалъ въ Переяславъ по Ярославъ Всеволодича, и ждаша его 2 недѣли»*. О раздѣленіи на партіи говорится только у одного Діугона (col. 694), но онъ весьма бѣгло проходитъ это время, общей своей замѣткѣ не подтверждаетъ фактами, которые были-бы намъ неизвѣстны, равно и извѣстныя событія не представляетъ совершившимися иначе и вообще наклоняетъ все къ тому, что утопленіе, наконецъ, распрями бояре рѣшились обратиться къ иноземцамъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что о послѣднихъ они стали думать гораздо позже.

1) Приглашая потомъ опять Игоревичей, они говорили: *«срѣбняхомъ к вамъ...»* (III., 484). Дѣйствительно, еслибы бояре не помогали Венграмъ, то было-бы непонятно, какимъ образомъ послѣдніе захватили Романа совершенно браслохъ—*«в бани мыющася»* (III., 483).

2) И. И. Шараневичъ, вопреки своему обыкновенію тщательно относиться къ изслѣдуемому предмету, и здѣсь позволилъ себѣ поступить иначе. Онъ (стр. 70) говоритъ: *«одна часть бояръ задумала была прогнати Романа за угорьскою помощію»*. Но историкъ долженъ быть далекъ отъ категорическаго тона въ тѣхъ случаяхъ, когда высказывается собственное предположеніе, не подтверждаемое прямо источниками. Можетъ быть, Романъ вооружилъ противъ себя боярскую массу, какъ и послѣ всѣ Игоревичи, своимъ неуживчивымъ характеромъ, которымъ, кажется, онъ отличался.

3) III., 1208, 486: *«Тогда же бояре Володимирьстии и Галичкыи, и Вячеславъ Володимирьскый, и Володиславъ Галицкій, и вси бояре Володимирьстии и Галичкыи, и воеводы Угорьскыи, и посадиша князя Данила на столѣ отца своего великаго князя Романа...»* Вопреки этому свидѣтельству лѣтописи о томъ, что *всѣ* галицкіе бояре были на сторонѣ Данила, Татищевъ (III, 371) упоминаетъ о какихъ-то пріятеляхъ

отношенія время, спеціально насъ занимающее, т. е. время борьбы Данила за Галичъ.

Можетъ быть, хоть тогда видны враждующія между собою боярскія партіи?—Нѣкоторые ученые ¹⁾ замѣчаютъ между галицкими боярами и партію Данила. Но изъ лѣтописи этого не видно. Послѣ того какъ въ борьбѣ Данила съ Судиславомъ перевѣсъ видимо сталъ оказываться на сторонѣ перваго (1230), къ нему явился *всѣ бояре* ²⁾; если среди нихъ были искренніе его сторонники, отчего они не присоединились къ нему раньше? Нѣсколько времени спустя, Данилу остаются вѣрными только 18 отроковъ ³⁾, которыхъ лѣтописецъ отличаетъ отъ бояръ. Являются Венгры (1231), и что же? «И примъ король Ярославъ, и поиде къ Галичю. Князята же съ Голыхъ горъ убѣжа отъ князя Данила ко королевѣ, и по немъ *вси бояре Галичкыи предашася* ⁴⁾». Послѣ этого нельзя думать, чтобы говорили въ пользу существованія особенной Даниловой партіи ⁵⁾ слѣдующія слова лѣтописи: «Володимеру же ятому бывшу въ Торцькомъ и Мирославу, с(ъ)вѣтомъ безбожнаго Григорія Василевича и Молибоговичевъ, нѣмъ боярьмъ многымъ ятымъ бывшимъ... Узрѣвши же бояре Галичстни Василка отшедша съ полономъ, воздвигоша крамолу ⁶⁾». Эти «многіе бояре» вовсе не галицкіе сторонники Данила, которыхъ не могло быть много, какъ о томъ ясно свидѣлствуютъ вышеприведенныя мѣста лѣтописи; это могли быть *волинскіе бояре*, каковымъ и былъ Мирославъ. Такимъ же волинскимъ бояриномъ былъ, по всей вѣроятности, и Василій Гавриловичъ, сопротивлявшійся сдачѣ Перемышля Венграмъ ⁷⁾. Изъ галиц-

Игоревичей; впрочемъ, неизвѣстно были-ли это бояре; въ другомъ мѣстѣ они названы «служителями». Ип., 1212, 489: «Галичани же *вси* и Судиславъ послашася по Данила».

¹⁾ Напр., Н. И. Шараневичъ (стр. 84).

²⁾ Ип., 506: «и приде же Дѣмянъ *со всіми бояры Галичкими*, со Мирославомъ и со Володиславомъ, и со многими бояры Галичкими».

³⁾ Ип., 509: «Самому же Данилу созвану вѣче, *оставишуся* въ 18 отрокъ вѣрныхъ, и съ Дѣмянѣмъ тысящымъ своимъ»...

⁴⁾ Ип., 510.

⁵⁾ Какъ думаетъ, повидимому, Н. И. Шараневичъ.

⁶⁾ Ип., 515—516.

⁷⁾ Въ лѣтописи два раза прямо обозначены волинскимъ бояриномъ этого имени (Ип., 490 и 497). Данилъ могъ посадить въ Перемышль волинскаго боярина, не слишкомъ полагаясь на галицкихъ воеводъ. Въ 1229 по Ип. св. въ Галичѣ былъ оставленъ Даниломъ Дѣмянъ

вѣхъ бояръ остается еще Судиславъ Ильичъ, заявившій свою преданность Даниилу, но мы думаемъ, что едвали можно придавать особенную цѣну подобной преданности ¹⁾. Болѣе пѣтъ въ лѣтописи намековъ на Данииловыхъ сторонниковъ. Но если даже допустимъ, что у Даниила было еще нѣсколько ихъ, то, во всякомъ случаѣ, по крайней своей малочисленности, они не составляли партіи. Въ отсутствіе Даниила, въ Галичѣ стоялъ съ полкомъ его братья на случай возмущенія, и послѣднее началось немедленно послѣ его удаленія ²⁾.—Но, можетъ быть, галицкіе бояре, сходясь во враждѣ къ Даниилу, дѣлились и составляли различныя партіи въ отношеніи къ другимъ претендентамъ? Но мы видимъ, что эти другіе претенденты выступали не одновременно, а послѣдовательно: первыми были Венгры; когда же они потерѣли рѣшительное пораженіе, ихъ смѣнилъ на короткое время Александръ Всеволодовичъ Белзскій; за нимъ слѣдовали черниговскіе князья. Однѣ и тѣже особы составляли партіи всѣхъ этихъ лицъ, и «поява Михайлова партіи», какъ называетъ ее Н. И. Костомаровъ ³⁾, или «партія князей Черниговскихъ», какъ говоритъ Н. И. Шараневичъ ⁴⁾, явившаяся только послѣ окончательнаго оставленія Венграми притязаній на Галичъ, очевидно, заняла мѣсто и превратилась въ эту партію изъ партіи венгерской. Есть-ли основаніе причислять сторонниковъ всѣхъ этихъ лицъ къ враждующимъ между собою партіямъ, можно видѣть изъ того, что всѣ они дружатъ. Очевидно, все боярство преслѣдовало дилемму: или Даниилъ, или одинъ какой-нибудь боярскій кандидатъ изъ перечисленныхъ нами.

Конечно, мы не доказываемъ, что бояре *всегда* дѣйствовали дружно въ отношеніи къ князьямъ; мы только думаемъ, что такъ было *въ большинствѣ случаевъ*, между прочимъ—и въ разсматриваемое нами время.

(Ип., 507), бывший, подобно Мпрославу, въ теченіе долгаго времени правою рукою Даниила (см. Ип., 485, 488, 498, 502, 506—507, 511—512).

1) Вотъ слова лѣтописи: «Узрѣвши же бояре Галичстия Василка отшедша съ полопомъ, воздвигоша крамолу. Судиславу же Ильичю рекшу: «княже! льстивъ глаголь имѣю(ть) Галичанѣ; не погубисе, поиди прочь» (Ип., 516). Можетъ быть, онъ хотѣлъ поскорѣе выпроводить Даниила изъ Галича.

2) Ип., 515—516.

3) «Моногр.», I, 214.

4) «Исторія», 84.

Но и въ тѣ моменты, когда мы замѣчаемъ отдѣльныя партіи, дѣлю шлю вовсе не о преобладаніи одной кучки бояръ надъ другими. Возьмемъ, напр., фактъ изгнанія Владиміра Ярославича, изъ разсказа лѣтописи, о которомъ ¹⁾ ясно видно, что одна часть бояръ держалась стороны этого князя, другая возстала противъ него. Какими соображеніями руководилась послѣдняя? Лѣтопись прямо говорить, что возстаніе возникло вслѣдствіе насилій князя; но не видно, чтобы въ этихъ насиліяхъ принимали участіе сторонники князя въ средѣ бояръ; самое насиліе состояло въ томъ, что Владиміръ «улюбявъ жену, или чью дочь, цопманеть насильемъ», и, очевидно, съ подобнымъ характеромъ могло принадлежать только князю; что оно этимъ и ограничивалось, а не распространялось на имѣніе и общественныя преимущества недовольныхъ, явствуетъ изъ того, что послѣдніе сохраняли свое значеніе: у нихъ были полки. Вѣроятно, возстаніе именно обиженные такимъ образомъ ²⁾. Вотъ поводъ возстанія. Взглянемъ теперь на то, чего добивались возставшіе. «Востана на князь свой», говоритъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописи; не разсчитывая изгнать его открыто, они заявили ему намѣреніе убить его жену — попадью ³⁾; «и се рѣкоша, говорить лѣтописецъ, вѣдаючи, ажъ ему не пустити попадѣи, но рѣи имъ кабо *прогнати его*, и смѣи ему пригрозиша: о какихъ-нибудь боярахъ, которыхъ они хотѣли изгнать вмѣстѣ съ нимъ. — ни слова. И въ концѣ концовъ мы видимъ, что съ княземъ, кромѣ жены и сыновей, бѣжала только «*дружина*», которую нѣтъ основаній считать, что дѣлаетъ И. И. Шараневичъ ⁴⁾, тѣми боярами, которые были преданы Владиміру: стали-ли бы они бѣжать, если прежде ихъ боялись грозившіе ⁵⁾? По

¹⁾ См. Ип., 444.

²⁾ Такъ понимаетъ возстаніе и Татищевъ (III, 285): Романъ «увѣдавъ, что Галичане ненавидѣли Владиміра за его непотребства, что насильно бралъ женъ и дочерей къ себѣ, а притомъ болѣе въ пьянствѣ упражнялся, послалъ вѣрныхъ отъ себя въ Галичъ уговаривать, чтобы Владиміра изгнали, а его самого на княженіе приняли. На сіе многіе оскорбленные Вельможи Галичкіе не трудно согласились»...

³⁾ Относительно убійства попадѣи были согласны, если вѣрить Татищеву (III, 285), всѣ: фактъ, показывающій, какъ развито было у бояръ чувство гордости.

⁴⁾ «Исторія», 57.

⁵⁾ «Востана на князь свой, и не смѣи его пзымати, ни убити, зане не вси блхутъ в думѣ той, бояхубося приателевъ Володимѣрьевыхъ» (Ип., 444).

Татищеву ¹⁾, пріятели Владиміра продолжали жить въ Галичѣ послѣ его отхода.—Когда въ Галичѣ утвердились Венгры, мы видимъ опять двѣ партіи: одна держалась ихъ, другая послала за Ростиславомъ ²⁾. Поищемъ причины раздѣленія. Бояре вообще желали русскаго князя ³⁾; только «чиѣ бяхуть сынове и братія у короля, то ти держахуться крѣпко по королевичи»: такимъ образомъ, на поддержку съ ихъ стороны Венгровъ вліялъ страхъ ⁴⁾. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, если мы видимъ иногда раздѣленіе бояръ, то это бывало просто разногласіе, исходящее изъ того, что одни считали лучшимъ одного князя, другіе другого, но это еще не приводило партій къ вооруженной борьбѣ ⁵⁾, и торжество князя одной партіи не влекло за собою преслѣдованія и бѣгства другой. Вообще мы видимъ полное отсутствіе явленій, перазлучныхъ съ борьбою партій и столь часто упоминаемыхъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Бѣгая изъ страны, галичкіе бояре ожидали преслѣдованія не отъ своей же братіи, а отъ князей, и не думавшихъ опираться на какую-нибудь боярскую партію. Такъ было при первомъ возвращеніи въ Галичъ Владиміра Ярославича ⁶⁾, при Романѣ ⁷⁾ и при

1) III, 287: «Романъ услыша, что король со Владимиромъ идетъ, и вѣдая, что *съ Галичанехъ еще много Владимиру пріятелей*, не смѣлъ оного ожидать»...

2) III, 446—447.

3) «Угре же вѣдающе леств Галичкую, аже Галичане ницють собѣ князя Русскаго, и почаша насилье дѣяти во всеи»....

4) Нельзя думать, что «бывшіе у короля» служили ему и пользовались какими-нибудь выгодами; они были въ залогъ у него.

5) Лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить рассказъ Татищева (III, 327—328) о галичкихъ событіяхъ послѣ смерти Владиміра Ярославича.

6) «И слышавъ Романъ, аже король за Горою уже, и бѣжа... и бѣжа изъ Галича во Володимерь *с Галичаны*... иде к Рюрикови ко цтю своему в Бѣлгородъ, и *с мужи тѣми, которые же его ввели бяхуть в Галич*» (III, 445). Бояре боялись возмездія не со стороны Владиміровой партіи (которая съ нимъ не возвращалась, потому что и не уходила изъ Галича: съ Владиміромъ шли, по лѣтописи, одни Венгры), а со стороны *одного Владиміра*.

7) Н. Н. Костомаровъ («Монографія», I, 203—212) утверждаетъ, что и Романъ Мст., и Игоревичи, въ своихъ тиранствахъ, опирались на извѣстное количество бояръ. О Романѣ онъ говоритъ, что ипаче его господство было-бы немыслимо. У Романа, при первомъ занятіи имъ Галича, дѣйствительно, была партія. Но мы уже знаемъ, что она не думала избивать свою братію. Еслибы онъ, послѣ втораго занятія

Игоревичахъ. Вообще же всѣ бояре оставались въ странѣ, хотя бы въ Галичѣ садился и такой князь, которому нѣкоторые изъ нихъ не сочувствовали. Они покорались необходимости, и мы не видимъ, чтобы одна партія шла на другую. Напримѣръ, въ 1189 г. Ростиславъ явился подъ Галичемъ съ малою дружиною въ надеждѣ на то, что бояре исполнять свое обѣщаніе: «ему обѣщати, узрѣвши полкъ его отступити отъ королевича. Бяшеть же и во его полку нѣколко мужъ Галичкихъ приѣхало; и си же узрѣвши мсть брателья своея, подъялоустивши и подъ полкъ свой и отступиша отъ него ¹⁾». Не замѣчаемъ мы и убійствъ однихъ бояръ другими и грабежей ²⁾. Владиславъ, Судиславъ, нѣтъ сомнѣнія, были первепствующими лицами въ боярствѣ. Если были партіи, то отчего не видно другихъ такихъ же въ параллель имъ выдававшихся личностей, враждовавшихъ съ ними? отчего, если власть всегда

Галича, съ нею разошелся, что легко могло статься, потому что Романъ уже не нуждался въ ней и вообще не любилъ галицкихъ бояръ, то у него была опора во вѣншней силѣ: онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи силы Владимірскаго и др. южнорусскихъ удѣловъ, могъ получить помощь отъ Поляковъ, помогшихъ ему утвердиться въ Галичѣ, и отъ Венгровъ, съ королевемъ которыхъ вошелъ въ тѣсную дружбу послѣ удачной съ нимъ борьбы (объ этой дружбѣ см. въ Ип., 480—482; о борьбѣ съ нимъ см. 300-ю стр. «Лѣтописи по Кенигсбергскому списку» (Спб. 1767) и Тат. III, 348); быть можетъ, онъ рассчитывалъ также на поддержку со стороны народа, который стоялъ и за Игоревичей, какъ видно изъ разсказа объ осадѣ Звенигорода (Ип., 486; см. невѣрное соображеніе у В. Ильинскаго: «Стародавний Галицкіе города. Ч. I. Стародавний Звенигородъ», Львовъ 1861, стр. 17); для народа избіеніе утѣшавшихъ его бояръ было безразлично. Игоревичи также опирались, вѣроятно, на значительную вѣншнюю силу, потому что иначе не прогнали-бы Венгровъ. Бояръ, сдѣвшихъ въ Перемышлѣ, нельзя причислить къ ревностнымъ ихъ сторонникамъ и врагамъ остальнаго боярства. Сталъ ли бы Владиславъ обращаться къ врагамъ съ такою рѣчью, съ какою обратился къ нимъ, и отстали ли бы враги его, а друзья Игоревичей, такъ легко отъ послѣднихъ?

¹⁾ Ип., 447.

²⁾ Н. Н. Костомаровъ («Моногр.», I, 215) приписываетъ разграбленіе двора Судислава въ 1229 г. по Ип. сп. (истинную дату мы предложимъ читателю ниже, а теперь все ссылаемся на хронологію Ип. сп., чтобы не оставлять читателя безъ хронологическихъ указаній) (см. Ип. сп., 506) озлобленію враждебной ему партіи; но вѣдь въ то время, когда разграбленъ былъ дворъ Судислава, на сторонѣ Данила не было ни одного еще галицкаго боярина!

захватывала одна кучка, мы никогда не встречаемъ оппозиціи имъ въ средѣ боярства въ пору ихъ могущества ¹⁾? Эти предводители вдутъ преемственно по однопочкѣ: сначала Владиславъ (по Ип. сп., отъ 1202 по 1211), затѣмъ Судиславъ (по Ип.: 1208—1234 ²⁾, Глѣбъ Зерембевичъ (по Ип. 1226—1234 ³⁾, Владиславъ (1231? 1241—49 по Ип.). Единственный случай вражды между боярами изъ-за вѣствованія разсказать въ Ипатскомъ спискѣ галицко-волинской лѣтописи подъ 1240 г. ⁴⁾. Въ заключеніе упомянемъ еще о томъ, что лѣтописецъ рѣдко говоритъ о раздѣленіи бояръ, а постоянно выражается: «Галичкыи бояре»; еслибы въ послѣднемъ случаѣ онъ разумѣлъ не всѣхъ, или вообще не имѣлъ въ виду большинства, онъ даль-бы о томъ знать.

Мы остановились на вопросѣ о единодушіи галицкаго боярства потому, что намъ хотѣлось обстоятельнѣе выяснить причины нашего несогласія съ мнѣніемъ многихъ почтенныхъ нашихъ ученыхъ.

¹⁾ Владиславъ княжилъ два раза въ Галичѣ (Ип., 487 и 488) и въ оба раза лишился своего значенія не по боярскимъ просямъ. Н. И. Костомаровъ говоритъ, что въ 1229 г. Данила призвала партія, враждебная Судиславу («Ист. мон. и изсл.», I, 215). Дѣйствительно, сразу можетъ показаться, что бояре пристали къ Данилу изъ-за вражды къ Судиславу. Но чрезъ нѣсколько времени, когда король венг. пришелъ съ Судиславомъ, послѣднее обстоятельство не помѣшало имъ отпастъ отъ Данила (Ип., 510). Вообще Н. И. Костомаровъ видитъ борьбу партій въ Галичѣ на каждомъ шагѣ. Насколько справедливы его объясненія, покажутъ слѣдующія его слова («Моногр.», I, 217) о послѣднемъ утвержденіи Данила въ Галичѣ передъ татарскимъ нашествіемъ: «Данило объявилъ противникамъ своимъ примиреніе и не сталъ никого преслѣдовать. Прежніе князья, да и самъ Данило, едва ли могли бы рѣшиться не послѣдовать здѣсь голосу своей партіи, и всякая партія всегда требовала мести, но цѣль ея была занять мѣсто тѣхъ, которые ей враждовали. Но на этотъ разъ не партія, а большинство народа было на сторонѣ Данила. Какъ будто прежде на сторонѣ Данила не было большинства народа и такая сила, какую приписываетъ Данилу на этотъ разъ Н. И. Костомаровъ, могла отвратить его партію отъ преслѣдованія ненавистныхъ противниковъ!

²⁾ Первенствовалъ съ 1219 г. (по Ип. съ 1212): «Галичани же вси и Судиславъ послашася по Данила» (Ип., 489).

³⁾ Выступилъ на сцену по Ип. сп. еще въ 1211 г. (правильнѣе: въ 1213 г.) (Ип., 488).

⁴⁾ Ип., 525.—Можетъ быть, и Глѣбъ Зерембевичъ, являющійся въ послѣдствіи постоянно въ числѣ галицкихъ бояръ, въ 1213 г. изъ-за несогласія съ Владиславомъ воевалъ противъ него (Ип., 488), но это только догадка.

Безспорно, боярство было главнымъ врагомъ Даниїла въ борьбѣ его за Галичъ и виновникомъ того, что онъ не удержался тамъ послѣ перваго его занятія. Оно не могло успокоиться, а постоянно подписывало ему враговъ извнѣ, которые охотно вступали въ союзъ съ боярами и начинали борьбу за Галичъ, потому что это была одна изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ русскихъ областей и владѣніе ею было привлекательно для всякаго. Эти другіе враги Даниїла по Галичу дѣйствовали всегда по приглашенію боярства, рассчитывая и опираясь на его поддержку, и безъ него едва-ли могли на Даниїла ¹⁾. Такъ, послѣ перваго утвержденія Даниїла въ Галичѣ, Венгры возвратились вслѣдствіе уговариваній со стороны Судислава: «Андрѣви же пришедшу ко отцю си и брату, и *Судиславу многому непрестанно*: «изыдѣте на Галичъ и примете землю Рускую; аще не поидеши, укрѣпиться на ны ²⁾». Въ 1231 г. по Ин. см. ³⁾ *Судиславъ* же помыслъ, прииде королеви Андрѣви, и *возведе короля Угорьского* Андрѣя ⁴⁾. Александръ, замышляя возстаніе на Даниїла, условливался съ боярами ⁵⁾. Михайлъ Черниговскій говорилъ Даниїлу: «...аще коли хотяхъ любовь имѣти с тобою, невірнии Галичанѣ не владихуть ми ⁶⁾» и т. п.

Такіе союзники боярства и претенденты на Галичъ при Даниїлѣ, какъ и до него, были и между русскими князьями и между сосѣдними съ галицкою землею иностранцами.

Первоначально за Галичъ съ Даниїломъ боролась Венгры, притязанія которыхъ, впервые обнаружившіяся въ концѣ XII стол., не прекращались съ 1213 г. ⁷⁾. Съ 1219 г. ⁸⁾ имъ усердно начало помогать

¹⁾ Г. Смирновъ напрасно укладываетъ борьбу Ольговичей съ Даниїломъ въ рамки изстари тянувшейся борьбы между ними и Мономаховичами за Кіевъ («Судьбы Червоной или Галицкой Руси», Спб. 1860, стр. 23). Галичъ въ глазахъ Ольговичей не замѣнялъ Кіева, по отчего, думали они, не попытаться счастья среди смуты? авось, думали они, удастся овладѣть и Галичемъ.

²⁾ Тогда возбуждали Венгровъ, по нашему мнѣнію, кромѣ Судислава, и другіе бояре. См. выше. Ин., 507.

³⁾ Правильнѣе: въ 1232 г.

⁴⁾ Ин., 509.

⁵⁾ Ibid., 508.

⁶⁾ Ibid., 521.

⁷⁾ Мы думаемъ, что поворотъ въ политикѣ Венгровъ относительно Галича обнаружился одновременно съ вокняженіемъ тамъ Владислава. Идя на сидѣвшаго въ Галичѣ Мстислава Чересопницкаго, король осво-

боярство, потому что Венгры, оставив свой прежній образъ дѣйствій въ отношеніи къ нему и сдѣлали бояръ участниками въ верховномъ управленіи страной. Когда Галичъ достался Андрею, то власть вполнѣ перешла въ руки бояръ и фактическимъ государемъ Галича былъ Судиславъ⁹⁾. Но, встрѣчая постоянный отпоръ, потерѣвъ много неудачъ и пораженій, со смертію въ Галичѣ королевича Андрея въ 1234 г.¹⁰⁾,

бодилъ боярина Владислава, котораго до тѣхъ поръ держалъ въ заключеніи, какъ главнаго врага Романовичей [до того времени онъ безкорыстно ихъ поддерживалъ] и отправился вмѣстѣ съ нимъ (Ип., 487—488). Это первый, бросающійся въ глаза фактъ, указывающій на переѣзду. Затѣмъ: король венг. не воевать съ Володиславомъ, когда тотъ занялъ престолъ. Въ 3-хъ, Даниилъ съ матерью удался съ того времени отъ королевскаго двора (Ип., 488). Въ 4-хъ, король объявилъ войну Лешку и, сколько можно замѣтить изъ лѣтописи, влѣдствіе того, что тотъ сталъ очень усердно покровительствовать Даниилу и, помимо короля, добывать ему Галичъ (Лѣтопись говоритъ: «...король поиде на Лестька, Данилови же у Лестька сущю...» Ип., 488). Поэтому намъ кажется весьма правдоподобною догадка Карамзина (т. III, стр. 100 по изд. Эйперлинга), что Владиславъ управлялъ Галичемъ съ согласія и вѣдома Андрея и въ нѣкоторой зависимости отъ него. — Что касается титула венгерскихъ королей, то, сколько намъ извѣстно, «Galicia» и «Lodomeria» были включены въ него послѣ 1190 г. впервые въ 1209 г. См. грамоту Андрея II, приведенную на стр. 15 «Imago novae Hungariae».

8) По Ип. съ 1213. См. Ип., 490—491. Судиславъ успѣлъ войти въ соглашеніе съ Венграми еще прежде: «Бенедиктъ Лысы бѣжа во Угры со Судиславомъ, а Мстиславъ седе в Галичи» (ib., 489).

9) Ип., 503: «Въ бо королевичъ въ Галичъ и Судиславъ с нимъ». — Ип., 506: «...прислана Галичанѣ, рекуще: «яко Судиславъ шель есть во Полизье, а королевичъ в Галичи оstarъ; а поиди борже» и т. п. По мнѣнію В. В. Пассека (цитир. статья, стр. 54), боярство прибѣгало къ венгерскому владѣтельству на время и не думало на немъ успокоиться. Мы, напротивъ, думаемъ, что съ 1219 г. оно благопріятствовало этому владѣтельству болѣе, нежели всякому другому. Худо-ли было боярамъ при Мстиславѣ? и однако они предпочли Венгровъ; это потому, что послѣднимъ они постоянно могли грозить русскими князьями и, такъ обр., могли держать ихъ нѣсколько въ своихъ рукахъ, а русскіе князья не привыкли и не согласились-бы играть при боярахъ второстепенную роль; они восматывали были въ другихъ попятіяхъ. Уже у Кадлубка (II, 124—125) въ уста бояръ вложены слова такого рода: «non possumus ferre nostrae Terrae Principum fastus, seditiones, invidiam».

10) На этотъ разъ случайно годъ выставленъ въ Ипатскомъ спискѣ вѣрно. Андрей, дѣйствительно, умеръ въ 1234 г. Доказательства этого см. въ «Geschichte Ungarns» von L. v. Szalay; II-ter B. (Pest, 1869); S. 32—33, Anm. 3, und Anm. des Uebers.

Венгры отстаивали, наконецъ, отъ своихъ претензій¹⁾. Но и послѣ, несмотря на то, что Даниилъ считался другомъ Бѣлы²⁾, котораго былъ сверстникомъ и съ которымъ вмѣстѣ выросъ, и находилъ у него иногда пріютъ³⁾, Венгры вмѣшивались въ галицкія дѣла не въ его пользу. Они помогали замѣнявшимъ ихъ Михаилу и Ростиславу Черниговскимъ, какъ прежде Михаилъ благопріятствовалъ имъ, когда они сидѣли въ Галичѣ⁴⁾. Венгры дѣйствовали теперь, очевидно, въ тѣхъ видахъ, ко-

1) У Татищева сохранилось извѣстіе, что король формально даже отрекся отъ Галича. Подъ 1233 г. онъ говоритъ (III, 460): «Даниилъ Романовичъ имѣя о Галичѣ съ королемъ Венгерскимъ войну тяжкую, и побѣдя Венгровъ въ горахъ, учинилъ съ нимъ миръ, отрекся король по грамотѣ Мстиславлей Галича».

2) Въ качествѣ друга онъ былъ приглашенъ на его коронацію [такъ именно смотритъ на это наша лѣтоп., которая говоритъ: «Даниилъ же в то время шелъ бѣже со братомъ своимъ во Угры ко королеви: *бѣ бо звалъ его на чѣсть*» (Ип., 517) въ 1235 г. (см. Szalay, «Geschichte Ungarns, II, S. 33) и принималъ въ ней участіе. Это участіе, по словамъ Туроча, стояло въ слѣдующемъ: «Rex Bela — — coronatus est — — in cathedrali ecclesia beati Petri, Albae, quam ipse consecrari fecit, Colomano duce, fratre eiusdem, ense regalem, ad latus ipsius, honorifice tenente, Daniele vero, duce Ruthenorum, equum eius, ante ipsum, summa cum reuerentia ducente» [«Scriptores rerum Hungaricarum. Cura et studio J. G. Schwandtneri. MDCCXLVI. T. I. < P. 149]. Венгерскіе историки (между пр. и Szalay*) заключаютъ на основаніи этихъ словъ Туроча (который, компилируя извѣстія древнѣйшихъ лѣтописей, самъ, вѣроятно, прибавилъ слова «summa cum reuerentia» — изъ патріотической гордости), что Даниилъ призналъ себя вассаломъ Бѣлы. Въ такомъ случаѣ, также должно смотрѣть и на Коломаново участіе въ коронаціи брата. Венгерскіе историки и Карамзинъ думаютъ, что Даниилъ отправился къ Бѣлѣ просить помощи. Это несогласно съ свидѣтельствомъ нашей лѣтописи и съ Данииловымъ характеромъ: Даниилъ никогда бы не унижлся до того, чтобы признать себя вассаломъ венг. короля; притомъ мы нигдѣ не замѣчаемъ слѣдовъ подобнаго подчиненія Даниила. Въ дополненіе къ этому советуемъ прочесть еще сказанное у Д. И. Зубрицкаго («Ист. др. Гал.-р. княж.», III, 124—125).

3) См., напр., Ип., 516.—Бѣла IV род. въ 1205. Отсюда видно, какъ невѣрно извѣстіе галицко-вол. лѣтоп. подъ 1206 (вм. 1209): «Данилови сущю во Угрѣхъ, король же Андрей, и боярѣ Угорскѣи и вся земля, хотише дати дочерь свою за князя Данила, обѣима дѣтьскома бывшима: зане сына у него не бѣ» (Ип., 484).

4) Михаилъ былъ женатъ на Данииловой сестрѣ (Ип., 521), но это его не останавливало. О союзѣ его съ королемъ Андреемъ въ Ип. сп. говорится подъ 1228 (Ип., 503).

*) Съ ними согласенъ и Карамзинъ (III, прим. 348).

торые имѣли еще въ прошломъ вѣкѣ, до восьмидесятыхъ его годовъ ¹⁾. Покровительство Ростиславу со стороны Бѣлы было тѣмъ усерднѣе, что первый былъ помолвленъ съ его дочерью Анною ²⁾. Что Бѣла не безкорыстно помогала Ростиславу, это доказывается тѣмъ, что, когда незадолго до татарскаго нашествія Ростиславъ постигла въ Галичѣ рѣшительная неудача ³⁾, то онъ не хотѣлъ выдать за него дочь: онъ желалъ видѣть своего зятя на галицкомъ престолѣ ⁴⁾. Онъ согласился породниться съ бездомнымъ Ростиславомъ только послѣ Батыева похода, когда значительно пресмирѣлъ ⁵⁾. Съ этого времени Ростиславъ дѣй-

¹⁾ Они не желали образованія сильнаго государства въ ихъ со-
сѣдствѣ. По словамъ Татищева (III, 64—65), въ 1152 г. венгерскіе
вельможи и архіепископъ говорили королю слѣдующее: «лучше намъ,
что Русскихъ князей больше, а не единыхъ, и они въ несогласіи другъ
друга воюя намъ не вредить, и намъ ихъ бояться не будетъ причины,
а ежели Владимирка отдать въ руки Изяславу, стыдъ тебѣ предъ всѣми
Государи».

²⁾ Первое упоминаніе объ этой помолвкѣ С. Н. Палаузовъ (въ
моногр.: «Ростиславъ Михайловичъ, русскій удѣльный князь на Дунаѣ»,
Сиб. 1851, стр. 11) относитъ къ 1234 г., предпочитая мнѣніямъ вен-
герскихъ историковъ хронологію нашей лѣтописи. Онъ говоритъ, что
послѣ помолвки Ростиславъ находился въ войскѣ Бѣлы IV подъ Яро-
славлемъ, а въ Ипат. лѣтописи «Ярославъ, а за нимъ Владимиръ Во-
лынскій были взяты Белой въ 1234». 1234-й годъ не поставленъ ли
имъ ошибочно въ 1231, подъ которымъ именно стоятъ въ нашей лѣ-
тописи упомянутыя С. Н. Палаузовымъ событія (см. Ип., 510). Въ
нашей лѣтописи не говорится прямо объ этомъ сватовствѣ. Но и въ
ней можно найти подтвержденіе венгерскихъ извѣстій. Подъ 1243 г.
въ ней говорится о Ростиславѣ: «и вѣсть за нь *накъ* король Угорь-
скый дочь свою...» (Ип., 528).

³⁾ Ип., 518 и 521.

⁴⁾ Онъ отказалъ и Данилу, желавшему отбить невѣсту у сопер-
ника для своего сына и нарочно для этого приѣзжавшему въ Венгрію
передъ самымъ татарскимъ нашествіемъ (Ип., 523: «Лхати бѣ Данило
князь ко королевѣ во Угры, хоти имѣти с нимъ любовь сватьства; и
не бы любви межю има»; сл. стр. 537).

⁵⁾ Онъ считалъ это униженіемъ для себя, равно какъ и то, что
послѣ выдалъ дочь за Льва Даниловича. При болѣе благоприятныхъ
обстоятельствахъ онъ искалъ бы лучшей партіи для дочерей. Вотъ что
онъ писалъ къ папѣ Иннокентію IV: «Nos... propter bonum christiani-
tatis, majestatem regiam humiliando, duas filias nostras duobus ducibus
Ruthenorum et tertiam duci Poloniae dedimus in uxorem.... Amplius...
filio nostro primogenito Cumanam quandam conjunximus, ut per hoc vita-
remus deterius». Szalay, II, S. 71, Anmerk. 2.

ствовать противъ Даниіла уже не заодно съ отцомъ, съ которымъ поссорился ¹⁾, а совершенно независимо отъ него. Этотъ Ростиславъ отличался чрезвычайно безпокойнымъ характеромъ, свойственнымъ всей черниговской лѣвнѣ князей, и, по справедливому замѣчанію писавшаго о немъ С. Н. Палаузова ²⁾, былъ «рѣзкимъ выраженіемъ удѣльнаго періода ³⁾».

Венгры и Ольговичи были главными соперниками Даниіла по Галичу. Но въ промежуткѣ между попытками тѣхъ и другихъ, равно какъ и до полного еще отреченія Венгровъ отъ видовъ на Галичъ, когда бояре не надѣялись найти поддержку у послѣднихъ, они обращались къ двоюродному брату Даниіла—Александру Всеволодовичу Белзскому, человѣку довольно несправедливому ⁴⁾. Впрочемъ, онъ всегда готовъ былъ приставать и приставалъ къ Даниіловымъ врагамъ и помимо разсчетовъ на галицкій столъ. Онъ былъ издавна недоброжелателемъ Романовичей, потому что съ самаго ихъ малолѣтства имѣлъ замыслы на принадлежавшій имъ по праву наслѣдства владимірскій удѣлъ ⁵⁾. Онъ былъ склоненъ поддерживать Романовичей въ ихъ стремленіи подчинить себѣ Галичъ ⁶⁾, но съ крайнею неохотою уступалъ имъ что-нибудь на Волыни. Со времени утраты Владиміра Вол., онъ присоединился къ непріятелямъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, но это ни разу не доставило ему особенной выгоды.

Также не имѣли притязаній на Галичъ, но всегда поддерживали Даниіловыхъ враговъ еще какіе-то Болоховскіе князья, мѣсто житель-

¹⁾ Ип., 528.

²⁾ «Ростиславъ Михайловичъ», 26.

³⁾ Другой отзывъ о немъ С. Н. Палаузова (ib., 6), что «лице это едва ли не изъ замѣчате-льнѣйшихъ характеровъ XIII вѣка», вылился подъ вліяніемъ увлеченія героемъ изслѣдованія, иногда довольно замѣтнымъ (см., напр., натяжку въ объясненіи неудовольствія Михаила па сына).

⁴⁾ Ип., 508 и 514. О немъ есть особенная статья, принадлежащая В. Ильицкому—подъ заглавіемъ: «Александръ князь Белзскій», помѣщенная въ «Зорѣ Галицкой на годъ 1860». Впрочемъ, въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго.

⁵⁾ Онъ старъ помышлять о Владимірѣ съ тѣхъ поръ, какъ изъ него былъ изгнанъ Святославъ Игоревичъ.

⁶⁾ Это обнаруживается изъ того, что въ 1208 г. по Ип. св. онъ присоединился къ ополченію, шедшему добывать Галичъ для Даниіла (Ип., 485).

ства и происхождение которых до сих поръ еще удовлетворительно не выяснены ¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что они боялись

¹⁾ Большинство современныхъ ученыхъ (Н. И. Шарапевичъ: «Исторія», 83 и 104; А. С. Пегрушевичъ: «Гал. ист. сб.», II, 110; Д. И. Зубрицкій: «Исторія», III, пр. 112-е; С. М. Соловьевъ: «Исторія», III, пр. 261-е; Н. П. Барсовъ: «Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи», В. 1865, стр. 11) полагаютъ, что города Болоховскихъ князей находились въ Подоліи. Но этотъ вопросъ едва ли можетъ считаться рѣшеннымъ. Ученые прежде всего основываются на показаніяхъ извѣстнаго изслѣдователя русской географіи З. Д. Ходаковского, писавшаго въ двадцатыхъ годахъ. Онъ категорически заявилъ, что города Болоховскихъ князей находились въ Подоліи (Карамзинъ IV, пр. 20, стр. 10). Странно однако, что, имѣя обыкновеніе обстоятельно указывать положеніе различныхъ мѣстностей, онъ отступилъ на этотъ разъ отъ своей привычки и упомянулъ только о томъ, что на мѣстѣ древняго Кудина находится Кудинка, которую мы, дѣйствительно, нашли въ Подольской губерніи, невдалекѣ отъ Новокопстантинова (см. 17-й л. спец. карты европ. Россіи, изд. Воен. Топ. отд. Главн. Штаба. 1868). Это подрываетъ довѣріе къ основательности его свидѣтельства: не на основаніи ли одной Кудинки оно построено? Какъ пужно относиться въ настоящемъ вопросѣ къ Ходаковскому, показываетъ также то, что Бѣлобережье онъ причислялъ къ землѣ Болоховскихъ князей и, вмѣстѣ съ послѣднимъ, помѣстилъ въ Подоліи (о Бѣлобережьи см. ниже). Съ своей стороны, мы обращаемъ вниманіе на то, что въ средней полосѣ Волыни типется рядъ селъ, названія которыхъ или одинаковы, или похожи на названія городовъ Болоховскихъ князей, записанныя въ лѣтописи (см. Ил. подл. 1241, 526); къ первымъ мы относимъ: с. Деревичи (въ Новоградвол. у.; сл. мѣстное преданіе у Барсова на стр. 61. Въ томъ же уѣздѣ, вблизи слоб. «Деревичъ» и м. Черторіи мы встрѣтили «Деревичку»), «Губино» [въ Новоградвол. у.; въ Луцкомъ у. есть «Губинъ»; др. селеніе подобнаго же названія находится во Владимірскомъ у.; Н. П. Барсовъ указываетъ на с. Губинъ, Под. губ., лежащее на южномъ Бугѣ (стр. 61), но это лишнее, если есть «Губино»], Городецъ (въ Луцкомъ у., невдалекѣ отъ Болоховичъ), Дядьковичи (въ Ров. у. 2 сел. этого имени; въ лѣт. находимъ «Дядьковъ») и Кудиновичи (въ Новоградвол. у., по р. Цѣрему, вблизи м. Яруня *); села съ похожими названіями: Кобга (въ Луцк. у.; въ лѣтописи есть «Кобудъ»), Божкевичи (въ Дубенскомъ у.) и Божевъ (въ Владимірскомъ уѣздѣ; тамъ же есть «Божанка»; въ лѣтописи читаемъ: «Божскій»). Мы нашли даже селеніе, весьма напоминающее по своему названію древній Болоховъ; это — Болоховичи, въ Луцкомъ уѣздѣ, въ приходѣ Полницѣ, невдалекѣ отъ р. Стири и м. Черторійска. Можетъ быть, у

*) «Кудина» мы не нашли. Карамзинъ указывалъ на Кодень, лежащій къ югу отъ Берестя (IV, пр. 20, стр. 10). Мы укажемъ на Кодню, м. Житомирскаго уѣзда.

утвержденія Давіла въ Галичѣ изъ опасенія подпасть его вліянію при чрезвычайномъ его усиленіи.

нынѣшнихъ Болоховичъ проходила сѣверная граница древней Болоховской земли. Въ связи съ этимъ считаемъ нелишнимъ указать на то, что въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ спискахъ Кіевской лѣтописи упоминается Болоховъ, лежавшій на дорогѣ изъ Кіева во Владиміръ [«И поиде Мстиславъ отъ Кіева второе недѣлю по велици дни в по-недѣльникъ. И бысть вѣсть Давыдови, оже Мстиславъ поидеть, и посла Вододислава Ляха съ Половци по нѣмъ, и постигоша я у Болохова, и ту стрѣлявшеся с ними възвратихася». Ил., 376, вар. 1. Въ Ил. сп. вм. «Болохова» поставлено «Борохова»; если чтеніе Ипатскаго списка предпочтительнѣе, то подъ «Бороховымъ» должно разумѣть теперешній «Боруховъ», находящійся въ Луцкомъ уѣздѣ]; находимъ также весьма интересный вариантъ у Татищева; подъ 1158 г. въ кіевской лѣтоп. говорится: «Сий бо Ярополкъ вѣдѣ всю жизнь свою (Кіевонечерскому монастырю), Небѣскую волость и Дервѣскую и Лучѣскую, и около Кіева» (Ил., 333); у Татищева читаемъ: «отдасть всѣ вѣлости свои, Болоховскую, Дервѣскую и Лучкую» (III, 106).—Кромѣ показанія Ходаловскаго, ученые обращаютъ вниманіе на мѣстности, вблизи которыхъ являются Болоховскіе князья. Мы позволимъ себѣ замѣтить, что эти мѣстности также не даютъ права исключительно Подоліи присвоивать Болоховскихъ князей. Вмѣстѣ съ Болоховскими князьями Галичане приходили однажды на принадлежавшій Давілу Каменецъ (Ил., 313); ученые полагаютъ, что подъ этимъ Каменцемъ нужно разумѣть Каменецъ-Подольскій (Д. П. Зубрицкій, «Исторія» III, 137; Н. П. Барсовъ, «Матеріалы», 87); по несомнѣнно, что лѣтописный Каменецъ находился на мѣстѣ нынѣшней «Каменки», села Новоградвол. у., стоящаго у самой Случи, недалеко отъ Колодежна; въ томъ же уѣздѣ къ сѣверу (вблизи м. Корца) встречаемъ другую «Каменку», а къ востоку отъ Колодежна—«Камень». Въ лѣтописи читаемъ: «Придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховьщани князи с ними, и поговѣша по Хомору, и поидоша ко Каменцю», а Хоморъ—теперешняя Хомора (Хомура, лѣвый притокъ южной Случи, и течетъ въ Волинской губ.; на то, что Каменецъ, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, находился въ Новоградвол. у., указываетъ еще слѣд. мѣсто лѣтописи о Батыѣ: «поиде самъ Володиміръ (Вол.) и приде к городу Колодежну (о послѣднемъ см. въ II-й главѣ нашего труда)... И приде Каменцю, Изяславу, взятъ я; видѣвъ же Кремниѣць и градъ Даниловъ... и т. д. (Ил., 523): Каменецъ здѣсь поставленъ рядомъ съ Изяславомъ, теперешнимъ Заславомъ, уѣзднымъ город. Вол. губ. Живя вблизи этого Каменца, Болоховскіе князья могли безъ особеннаго труда пробираться къ Бакотѣ (Бакота—селеніе на Днѣстрѣ между Ушицею и Каменцемъ Под. Барсовъ, «Мат.», 3), что мы видимъ однажды (Ил., 526). Далѣе, мѣсто лѣтописи, находящееся въ Ил. сп. подъ 1257 г., даетъ основаніе думать, что Болоховскихъ князей нужно искать именно въ средней полосѣ Волыни. Изъ него видно, что Межибожье

Всѣ перечисленные нами враги Даниїла въ борьбѣ его за Галичъ постоянно дѣйствовали дружно.

не принадлежало къ Болоховской землѣ, *равно какъ и Побожье* [*воеваху* людѣ Данилова же и Василкови *Болоховъ*, а Лвови *Побожье* и людѣ Татарьскыя. Ип., 535),—что Болоховская земля находилась къ сѣверу отъ Побожья [противъ нея были отправлены силы Даниїла и Василька, княжившихъ на Волини, а противъ Побожья восстали люди Льва, княжившаго въ Галицкой области] и была смежна съ областью Бѣлобережцевъ и Чарнятинцевъ (•Шварно же приде помаять города вся, и по немъ *придоша Бѣлобережцы и Чарнятинцы и вси Болохови* къ Данилу•) (о Бѣлобережцахъ и Чарнятинцахъ см. въ наст. главѣ ниже). По словамъ лѣтописи (Ип., 527), Болоховскіе князья вторглись однажды въ Мазовецкую землю съ цѣлью грабежа (они восстали ес: •не суть *вои твои*•, говорилъ Болеславъ Даниїлу) и князь Мазовецкій •хотѣше *разграбити* е•; на основаніи слова •разграбить• мы заключаемъ, что онъ хотѣлъ, въ отмщеніе, опустошить ихъ землю [трудно допустить, чтобы оно было употреблено въ томъ значеніи, что онъ хотѣлъ забрать все находившееся при нихъ въ Польшѣ имущество]; а это показывать, что она находилась не на особенно далекомъ разстояніи отъ его владѣній; этого же нельзя сказать о верховьяхъ Бога (ю. Буга); вѣроятнѣе относить землю Болох. князей въ среднюю Волинь, откуда имъ легче было проникнуть въ Мазовію (обратите вниманіе на послѣднее обстоит.: Болоховскіе князья грабили не Краковскую область, на которую имъ естественнѣе было напасть, еслибы они шли съ юга, а Мазовецкую). Наконецъ, городъ Болоховскихъ князей •Божьскый•, по всей вѣроятности, былъ тождественнымъ съ •Божьскимъ•, о которомъ лѣтописи упоминаютъ еще въ XII ст. Послѣдній же въ одномъ мѣстѣ лѣтописи поставленъ рядомъ съ Острогомъ, Дубномъ и Черторыйскомъ (П. с. р. л., I, 116—117, г. 1100), а въ двухъ другихъ мѣстахъ рядомъ съ Межибожьемъ и Котельницею (Ип., 243 и 257; Котельница—Котельня Жит. у. на р. Гуйвѣ); С. М. Соловьевъ (•Исторія•, II, пр. 242) говоритъ, что этотъ городъ долженъ былъ находиться на берегахъ Божка или Бужка, впадающаго въ восточный Бугъ у Межибожья; по его названію могло происходить и не отъ корня •Богъ• въ смыслѣ рѣки Бога (ю. Буга). Въ Кременецкомъ у. Вои губ. есть гора Бужья или *Божья*. См. •Вол. Губ. Вѣд.• 1868, № 121. Одно только насъ нѣсколько смущаетъ: Владимірко *Галицкій, идя къ Кіеву*, шелъ на Болохово (изъ лѣтописи можно заключать, что такъ называлась цѣлая мѣстность), которое, по нашему предположенію, высказанному выше, лежало на одной широтѣ съ Кіевомъ, а потомъ мимо Мунарєва прошелъ къ Володарєву (Ип., 278); послѣднія же мѣстности находились въ южной части теперешней Кіевской губ. [о Володарєвѣ см. у Барсова стр. 38; о Мунарєвѣ можно судить только приблизительно; напр., онъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописи упоминается псевдалекъ отъ Ярополча (Ип., 346), а Ярополчъ—Яроповца, селъ въ Сквирскомъ у. Кіевской

Вѣрнымъ союзникомъ Даниїла является кїевскій князь Владиміръ Рюриковичъ, которому онъ помогаль противъ Черниговскихъ князей ¹⁾;

губ. Барсовъ, 219; па картѣ Главн. Шт.—Яроповичи; еще упоминается онъ въ Ип. си. на стр. 343]; такъ обр., если принять наше мнѣніе о Болоховѣ, то придется думать, что Владимірко шелъ къ Кіеву не прямымъ путемъ, а круто повернулъ съ сѣвера на югъ, для чего, повидому, онъ не имѣлъ основаній. Впрочемъ, Яроповцы не особенно южнѣ Кіева. Еще менѣе покажется извѣстнымъ путь Владимірка, если допустить, что Мунаревъ—теперешній Мухаровъ, Новоградъ у., который, по широтѣ, немного выше Яроповецъ и не слишкомъ отдаленъ отъ нихъ.—Переходимъ къ вопросу о происхожденіи Болоховскихъ князей. Оно также загаочно, какъ и мѣсто ихъ жительства. Н. И. Костомаровъ («Моногр.», I, 218) считаетъ ихъ обособившимися отъ князей боярами; С. М. Соловьевъ склоняется къ тому, чтобы признать ихъ Ольговичами, поселившимися въ Подоліи [«Исторія», III, прим. 261—на основаніи слѣд. мѣста Мѣтониса: «...нача посылати Мѣханта и Изяслава, грозича: дай нашу братню (рѣчь идетъ о Болох. кн.), или прїдемъ на ти войною». Ип., 516],—вмѣстѣ съ Карамышнымъ (III, прим. 346, стр. 127) и Арцыбашевымъ; Д. П. Зубрицкій полагаетъ («Исторія» III, 138), что это—крестившіеся и породившіеся съ Черниговскими князьями Половцы, Н. П. Шараневичъ («Исторія», 83 и 104) высказываетъ подобное же мнѣніе. Мы замѣтимъ отъ себя, что, если это были чисто русскіе князья, существовавшіе съ древнѣйшихъ временъ, то не могло быть, чтобы они не принадлежали къ роду Рюриковичей. Рюриковичи, владѣвшіе русскою землею и признававшіе только за собою право на это, не допустили бы, чтобы кака-нибудь частица русскихъ земель подчинилась иному роду. Болохово въ 1150 г., повидому, принадлежало къ землямъ, признававшимъ власть Рюриковичей (Ип., 278); «Божекий» въ XII стол. также подчинился послѣднимъ; если его считать тождественнымъ съ Возкомъ вм. съ авторомъ указателя къ «Мѣтон. по Ип. си.», то это можно сказать по началѣ XIII в. (см. Ип., 487); но, кажется, что Возкъ лежалъ западнѣе гдѣ-то, въ галицкой области. Болоховскіе князья могли быть и не Рюриковичи, но въ такомъ случаѣ они явились въ періодъ смутъ въ югозападной Руси въ первой четверти XIII стол. Не бросаетъ ли нѣкотораго проблеска на ихъ происхожденіе слѣд. обстоятельство: въ Ип. си. подъ 1231 г. говорится: «бѣ бо с королевичемъ Олександръ и Глѣбъ Зеремисовичъ, нияи князи Болоховецци и Угоръ множество» (Ип., 511; для чего употреблено слово «нияи» рядомъ съ словами «Глѣбъ Зеремисовичъ»? Обратимъ вниманіе на то, что въ началѣ XIII стол. Глѣбъ Зеремисовичъ находился въ какой-то связи съ княземъ восточной Волыни, Мстиславомъ Пересопицкимъ (см. Ип., 488).—Что касается названій городовъ Болоховскихъ князей, то они—славянскаго корня, и подобные имъ иногда встрѣчаются и въ другихъ мѣстностяхъ русской земли («Белехово поле» Ип., 407; «Кобудъ» есть въ Черниг. губ.; «Кудново». Ип., 264 и т. п.).

¹⁾ Ип., 511, 513, 514, 516.

весьма часто содѣйствовали Даниілу также Половцы ¹⁾, часть которыхъ со времени татарскаго нашествія находилась у него на постоянной службѣ и была, вѣроятно, поселена въ его земляхъ ²⁾. Въ случаѣ надобности Даниілъ просилъ и получалъ помощь отъ Литовцевъ ³⁾.

¹⁾ Въ 1230 г. (по Ип. въ 1229) у Даниіла были Котяновы Половцы, у короля—Бѣговарсовы (Ип., 507); въ 1233 г. по Ип. сп. опять помогали Даниілу Котяновы половцы (Ип., 513—514); въ 1236 г. (въ 1235 по Ип. сп., 516) они не захотѣли воевать противъ Даниіла; это объясняется тѣмъ, что послѣдній былъ женатъ на вѣнцѣ Котяна (см. Ип., 498 и 489).

²⁾ См. Ип. 528, 533, 538, 542, 543. Даниілъ породнился даже съ однимъ изъ хановъ, именно съ Тѣгакомъ (Ип., 543), который называется его сватомъ. У Длугоша подъ 1259 г. говорится: *«Boleslaus Calissiensis... cum Boleslao Pudico Cracoviensi et Sandomiriensi Duce patrele, Ruthenorum et Cumanorum habente auxilia...»* (col. 756). Можетъ быть, эти Половцы были поселены на сѣверной окраинѣ Даниіловыхъ земель. Ярошевичъ говоритъ объ южной части Литвяжской земли: *«za ślady że z najdawniejszymi Ruskimi kolonistami, musieli w te strony przybyć i Połowcy, których nazwisko dochowało się do dziś dnia w kilku wsiach pogranicznych Brzeskiego powiatu»* (Obraz Litwy, I, str. 31). Въ примѣчаніи къ этому читаемъ: *«Oprócz wsi i dworu Połowców, mieszkańcy wiosek Suchory, Stawiszcze, Piszczata, Hoła czyli Hoła, Suchodoł i Wółka połowiecka, od okolicznych wieśniaków pospolicie nazywani są Połowcami, którzy jednak w niczem się już dzisiaj od sąsiednych nie różnią Rusinów. Powtarzane dotąd między okolicznymi Rusinami przysłowie: «Połowców siem siół, a odin tolko wół» nie nader korzystnie świadczy o ich przemysle rolniczym lub zamożności wiejskiej»* (ibid., str. 206). На югѣ принадлежавшихъ нѣкогда Даниілу земель мы также встрѣчаемъ села, напоминающія Половцовъ: сюда относятся: «Половец» (въ австрійской Галиціи, недалеко отъ Чорткова), «Куманово» (въ Проскуровскомъ у.), «Кумановцы» (въ Летичевскомъ у.) и «Кумановка» (въ Бердичевскомъ у., недалеко отъ Махновки). Названіе Куманъ встрѣчается и въ нашихъ лѣтописяхъ (см., напр., П. с. р. л., III, 39). Половцы сразу должны были измѣнить свой разбойническій характеръ: «Даниілъ же вооружився, поемъ все свое, поиде рѣцѣ Сину. Броду же глубоко сушу, и приѣхаша Половцы напередъ, и приехавше видина стада ихъ, не бѣ бо страхъ ихъ у рѣки, *Половцемъ(ъ) же не смѣющимъ разграбити ихъ, бес повеления княжа»* (Ип., 533). И. Д. Бѣляевъ («Зап. Од. общ. ист. и древн., т. III, Од. 1853, ст.: «О сѣверномъ берегу Чернаго моря и прилежащихъ къ нему стенихъ, до водворенія въ этомъ краѣ монголовъ», стр. 45) думаетъ иначе объ отношеніяхъ ихъ къ Даниілу; по его словамъ, послѣ першаго татарскаго погрома «Половцы еще нѣсколько времени держались за Днѣстромъ на западъ до Дуная; они еще помогали въ разныхъ войнахъ Даниілу Романовичу до 1253 года».

³⁾ Подробнѣе о томъ см. въ III-й гл.

Вмѣстительство Поляковъ въ русскія дѣла ограничивалось теперь тѣмъ, что они давали воевавшимъ вспомогательные отряды, когда о томъ ихъ просили. Въ политикѣ ихъ относительно Руси не видно единодушія ¹⁾ и строго выдержаннаго направленія ²⁾.

Борьба Даниіла за Галичъ началась весною 1230 г. ³⁾ На первыхъ порахъ ему было довольно трудно состязаться съ конкуррентами. Вотъ какъ описанъ въ Галицко-волынской лѣтописи походъ Венгровъ вслѣдъ за первымъ занятіемъ Галича Данииломъ. «Изыде же Бѣла риксъ, рекъмый король Угорскій, *в силу тяжьшу...* Данилови же молящуся Богу, *избави и Богъ отъ руки сильныхъ* ⁴⁾». Романъ утвердился въ Галичѣ вслѣдствіе того, что одни изъ его сосѣдей боялись его, а другіе были съ нимъ въ союзѣ. Подобныя же обстоятельства доставили торжество и Даниілу. Сила галицкихъ бояръ была ему странна въ то время, когда они получали поддержку извнѣ; равнымъ образомъ внѣшніе враги Даниіла по Галичу не были для него опасны безъ боярской поддержки. Послѣ татарскаго нашествія бояре ни откуда не встрѣчали энергическаго вспоможенія. Черниговскія волости Ростислава были опустошены; Венгрія -- также; притомъ послѣдняя втянулась въ войну за австрійское герцогство ⁵⁾. Уменьшилось число самихъ крамольниковъ ⁶⁾.

1) Смыслъ Лешка Бѣлаго, вмѣстѣ съ своею матерью, находили въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Даниілу, потому что послѣдній пребывалъ въ дружбѣ съ врагомъ его Конрадомъ Мазовецкимъ (Ип., 531 и 532).

2) Конрадъ вообще держалъ сторону Даниіла [Ип. 507 и 532—534; неизвѣстно, какіе Ляхи помогали Васильку въ 1234 г. по Ип. см.: стр. 516], но помогалъ и Михаилу, которому приходился дядею, будучи женатымъ на русской княжнѣ Агафин; на это родство указываетъ и наша лѣтопись (Ип., 521); Михаилъ и Ростиславъ нѣсколько разъ находили у него пристанище (Ип., 521).

3) По Ипатскому списку она началась въ 1229 г., послѣ помощи Даниіла Конраду, *«времени минувшу»*, когда Василько отправился въ Суздаль на свадьбу своего шурина (Ип., 505); Всеволодъ же Юрьевичъ, по свидѣтельству мѣстной лѣтописи (П. с. р. л., I, 193), женился 14-го апрѣля 1230 г.

4) Ип., 507.

5) Изъ выраженій лѣтописи можно замѣтить, что Венгры охладѣли къ мысли подчинить себѣ Галичъ. Они помогали Ростиславу только по его просьбамъ. Ростиславъ же *умолялъ* Угоря много, *просился* у тѣхъ, да выидеть на Перемышль (Ип., 529). *«Ростиславъ молися тѣстеву своему королеви, да пошлетъ ему вой на Данила...»* (Ип., 531)

6) «Ростиславъ собра князь Болоховскыи и *останокъ Галичанъ*, приде ко Бакотѣ». Ип., 526.

И вотъ Данилъ начинаетъ поступать рѣшительнѣе съ боярами: «Доброславу же и Григорю обоимъ ловящимъ на ся, слышавъ же Данилъ рѣчи ихъ, яко полины суть лѣсти, и не хотѣть по воли его ходити, и власть его иному предати, сомыслив(ъ) же со братомъ, понужа же видя незаконіе ихъ, и повелѣ его (въ Хлѣбн. и Погод.: я) изъясмати¹⁾». Ярославская битва (въ 1245 г.)²⁾ окончательнѣе утвердила Данила на Галицкомъ столѣ. Замѣчательно, что въ галицко-волинской лѣтописи, на сторонѣ Ростислава въ эту послѣднюю его попытку, указывается одинъ Володиславъ, и изъ русскихъ бояръ его одного лѣтописецъ называетъ убитымъ по приказанію Данила³⁾. Была еще одна попытка отнять у Данила Галичъ—около 1254 года, но она была предпринята не по зову бояръ, а по старой памяти—въ надеждѣ найти въ Галичѣ пособниковъ противъ Данила, и подавленіе ся не стоило послѣднему большаго труда⁴⁾.

Побѣда Данила надъ галицкимъ боярствомъ была весьма важна: для Галича—въ томъ отношеніи, что онъ не подпалъ чужеземной власти

¹⁾ Ип., 525—526.

²⁾ Ипатскій списокъ, по своему обыкновенію, относитъ ее невѣрно къ 1249 г.; невѣрность эту замѣтилъ еще С. М. Соловьевъ (III, пр. 322); къ сожалѣнію, писавшіе послѣ него изслѣдователи не обратили на это вниманія. По разсказу лѣтописи, эта битва случилась незадолго до путешествія Данила въ орду; путешествіе же это совершилось въ концѣ 1245 и началѣ 1246 г. (см. ниже, въ III-й гл.). Въ 1246 г. Данилъ, повидимому, помогать уже Венгерскому королю, примирившись съ нимъ. Въ *Chronicon Salisburgense* подъ этимъ годомъ говорится слѣд.: «*Rex Ungariae collecta magna multitudine pugnatorum, simulque Bruscie et Ruscie regibus, confinia Austrie invasit*» (Pertz, *Monumenta Germaniae historica*, IX, p. 789); что замѣчательно, подобное же извѣстіе находимъ подъ тѣмъ же годомъ въ Густынской лѣтописи: «Беля, король Угорскій, имѣя рать со Фридрихомъ Ракускимъ княземъ, призва себѣ Данила въ помощь; Данило же прійде со Рускими и Татарскими полки, крѣпко бѣяшеся со Нѣмци, донелѣ же побѣди ихъ и Фридриха уби (П. с. р. л., II, 341). Не разумѣется ли здѣсь подъ русскимъ царемъ Ростиславъ Мыхайловичъ, получившій удѣлъ въ Венгріи послѣ Ярославской битвы?

³⁾ Ип., 534. Лѣтописецъ говоритъ еще о взятіи многихъ «отъ всѣхъ», т. е. сельчанъ. Густынская лѣтописъ, напротивъ, говоритъ: (Данилъ) «потре его (Ростислава) воя, идѣже многихъ бояръ Галицкихъ неспріязненныхъ Данилу тако побѣша, а другихъ живыхъ яша, но единаче тыхъ всѣхъ повелѣ Данилъ побити» (П. с. р. л., II, 340).

⁴⁾ Ип., 550.

и не сдѣлался добычею Венгровъ, короли которыхъ и послѣ Ярославской битвы титуловались »*reges Gallicie Lodomerieque* 1)»; для южной Руси вообще это событіе было весьма благотвѣтельно потому, что, съ выходомъ изъ ея системы Галича, она сдѣлалась бы весьма слабою.

Помимо этого, нельзя не сочувствовать Даниилу въ его борьбѣ съ боярствомъ. Оно крайне несимпатично. Выше всего ставило оно свой произволъ и самовластіе. Неуваженіе къ личности оно распространяло и на особу князя, которому не стѣснялось заливать лицо чаею. Народъ, по мнѣнію бояръ, долженъ былъ быть покорнымъ орудіемъ ихъ власти и источникомъ, изъ котораго они могли бы почерпывать богатства. И. П. Костомаровъ такъ говоритъ о преобладаніи боярства въ галицкой землѣ: »Здѣсь уже прорывались начала того *панства*, которое подъ польскимъ владычествомъ охватило страну и, противопоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ ее къ лицѣ козаковъ 2)«. Вместе съ галицкимъ боярствомъ пала и единственная въ древнѣйшей нашей исторіи попытка образовать аристократію въ западномъ смыслѣ слова,—аристократію, какъ полную владычцу массы вѣдѣствіе правъ, передаваемыхъ по наследству. Эта попытка была близка къ осуществленію и не удалась потому, что въ Галичѣ дѣлою крайне энергическаго напряженія успѣлъ восторжесгвовать и вновь утвердиться строй остальной Руси; г. Смирновъ приписываетъ эту неудачу отсутствію единодушія въ дѣйствіяхъ галицкаго боярства 3), но мы показали уже, какъ неосновательно это мнѣніе: боярство ни въ чемъ не повредило своему дѣлу.

1) См. стр. 26 ст. Сума: »Историческое разсужденіе о Галиціи и Лодомирѣ«, помѣщ. въ »Чт. въ И. Общ. ист. и др. р.« 1847, № 5. Впрочемъ, Бела IV не отказывалъ Даниилу въ титулѣ короля. См. выше цит. письмо перваго: »*Imago novae Hungarie a S. Timon, Uienaze Austriae MCCC. IV.*«, р. 80. Впервые Венгерскіе короли употребили этотъ титулъ въ извѣстныхъ намъ актахъ въ 1124 г. (Fejer, *Codex diplom. Hungarie*, II, стр. 67). Г. Вѣльскій относитъ это къ Галичу Словацкой Руси (у Мадьяръ-Гачу), находящемуся надъ р. Тугрою (въ особ. ст. »*królestwo Galicyi*« и въ »*Monumenta Pol. Hist.*« Lxv. T. I, str. 514—515, прим. 57—58). Опроверженіе этого см. въ ст. А. С. Петрушевича: »Было ли два Галичи, княжескіи города, одинъ въ Угорско-словацкой области, а другіи по сю сторону карпатъ надъ Днѣстромъ, или нѣтъ?« помѣщ. въ »Науков. Сборн., изд. литер. общ. Галицко-Русской Матицы« 1865, выш. I.

2) »Ист. мон. изсл.«, т. I, 242.

3) »Судьбы Черв. или Гал. Руси«, 32.

Рядомъ съ борьбою за Галичь происходило присоединеніе къ Даниловымъ владѣніямъ и нѣкоторыхъ не отчужденныхъ его земель. Въ первую половину своего княженія Данилъ былъ далекъ отъ стремленія къ полному преобладанію въ югозападной Руси и отгнатию удѣловъ у родственниковъ и вообще не имѣлъ сильнаго желанія сдѣлать возможно большею свою территорию. Получивши однажды въ Русской (т. е. кievской) землѣ г. Торцкій, Данилъ отдалъ его дѣтямъ Мстислава Удалаго¹⁾. Въ другой разъ, кромѣ Кіева, онъ готовъ былъ разстаться съ Луцкомъ²⁾. Если нѣкоторые князья лишились своихъ владѣній, то были виноваты въ томъ сами. Такимъ былъ постоянно крамольничавшій противъ Данила Александръ Белзскій. Данилъ нѣсколько разъ прощалъ ему и отдавалъ ему его Белзь и Червень³⁾, но, наконецъ, вышелъ вѣроятно, изъ терпѣнія. Съ 1234 г., когда Александръ былъ пойманъ Даниломъ во время бѣгства въ Кіевъ, лѣтписи болѣе не упоминаютъ о немъ, а Белзь и Червень мы видимъ послѣ того во власти Данила⁴⁾.

Утвердившись послѣ многолѣтней борьбы въ наслѣдственномъ галицко-волынскомъ удѣлѣ, Данилъ не остановился. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ вѣроятно, подъ вліяніемъ татаръ, въ его головѣ созрѣла новая идея. Онъ началъ понимать, что старшій порядокъ вещей былъ вреденъ для югозападной Руси и могъ привести ее къ потерѣ самостоятельности; ей нужно было быть сильнѣе, а это могло стать только при сосредоточеніи ея въ рукахъ возможно меньшаго количества лицъ и при подчиненіи одному роду всѣхъ другихъ. И Данилъ началъ стремиться къ покоренію себѣ и своему брату всей югозападной Руси. Потому-то онъ былъ такъ недоволенъ на Волоховскихъ князей за то, что они подчинялись татарамъ: «Данилъ же на нѣ большую вражду (держа), яко отъ татаръ большую надежду имѣаху⁵⁾»; по его мысли, они должны были примкнуть къ тому большому политическому союзу, который онъ готовился создать изъ всей югозападной Руси. О подобныхъ его замыслахъ извѣщаетъ также одна папская булла,

1) Ип., 511. Торцкій былъ уступленъ Данилу Владиміромъ Рюриковичемъ.

2) Ип., 521.

3) Ibid., 494, 498, 510, 513.

4) Ibid., 557 и 516.

5) Ип., 526—527.

въ которой Данилу и Васильку разрѣшалось, *согласно ихъ просьбѣ*, подчинять себѣ владѣнія и земли другихъ князей, не признававшихъ церковнымъ главою Римскаго первосвященника ¹⁾.

Даниилъ желалъ распространить свою власть на сѣверѣ до собственно-литовскихъ границъ, а на востокѣ—до Днѣпра ²⁾.

Неудачный пеходъ его попытокъ овладѣть западною частію русскихъ земель, прилежавшихъ къ сѣвернымъ окраинамъ его княжества, мы увидимъ, когда будетъ говорить о борьбѣ его съ Литвою. Нѣсколько иной конецъ имѣли его притязанія на находившіяся къ востоку отъ Черной Руси Пинскія княжества. Передъ тѣмъ Пинскіе князья покушались отхватить часть лежавшихъ по сосѣдству съ ихъ территорією земель югозападной Руси. Оттуда ихъ борьба съ Луцкими и Пересопницкими князьями ³⁾, а потомъ съ Данииломъ, противъ котораго они возбудили однажды цѣлую коалицію, не имѣвшую, впрочемъ, успѣха ⁴⁾. Окончилось тѣмъ, что они подняли вѣднню Даниила ⁵⁾, отъ котораго старался освободиться, по напрасно ⁶⁾. Они сохраняли однакожъ значительную долю самостоятельности.

¹⁾ П. R. M., I, № LXVII: *vestris justis precibus inclinati, recuperandi possessiones, terras, et alia bona ad vos hereditario, vel alio jure spectantia, que alii Reges, qui in Ecclesie devotione non permanent, contra justitiam delinunt, et injurias seculari potentia propulsandi liberam vobis concedimus auctoritate predicta facultatem*. Сл. № LXXIV: *...familia, possessiones, et alia omnia bona vestra tam mobilia quam immobilia quae in presentiarum rationabiliter possidetis, aut in futurum justis modis prestante Domino poteritis adipisci sub B. Petri et nostra protectione suscipimus*....

²⁾ Доказательствомъ послѣднего могутъ служить слова Миндовскаго: «пришлю къ тебѣ Романа и Новгородца, абы пошелъ ко Возвятию, оттуда и къ Киеву» (Ип., 555).

³⁾ Ип., 482: «тогда же яша Володимера Пиньскаго, бѣ бо Пиньгарь с Ляхы и Мьстиславъ».

⁴⁾ Ип., 502—503.

⁵⁾ Уже около 1229 г. одного изъ нихъ мы видимъ какъ-бы на службѣ у Даниила: «...остависта же в Берестин Володимера Пиньскаго, в Угровчаны и Берестьяны, естеречи землѣ отъ Ятьвизъ» (Ип., 503). Даниилъ и Василько ѣздили въ Пинскъ, какъ въ свой собственный городъ (Ип., 530).

⁶⁾ Ип., 530 (ноябрь 1247): «во Пиньски Михаилъ далъ бѣ Литвѣ вѣсть», что идетъ Даниилъ. Ип., 543: «Данило же поиде с братомъ Василькомъ и со сыномъ Львомъ, и с Половци, со сватомъ своимъ Тѣгакомъ, и приде к Пиньску; князи же Пиньскѣи имѣяху лести, и поѣхъ со собою неволею на войну».

Точно также и на востокѣ, рядомъ съ удачею, Даниїла постигла неудача. Тутъ мы замѣчаемъ такое же стремленіе къ самостоятельности, какое видѣли въ Пинскихъ князьяхъ, но оно заслуживаетъ гораздо большаго вниманія. Жители земель, прилегавшихъ къ восточнымъ окраинамъ Даниїловыхъ владѣній и простиравшихся до Днѣпра, не имѣютъ и не желаютъ имѣть князей—Рюриковичей, а предпочитаютъ подчиняться прямо татарамъ, подъ владычествомъ которыхъ они могли вести чисто общинную жизнь, и вступаютъ для охраны себя въ союзы. Таковы были жители Бѣлобережья ¹⁾, Возвляги ²⁾, Чариятинцы ³⁾, жи-

¹⁾ Миѣнія о мѣстѣ Бѣлобережья см. на стр. 20-й книги Н. П. Барсова. Мы согласны съ предложеніемъ М. П. Погодина, что подъ древнимъ Бѣлобережьемъ нужно разумѣть теперешнее м. Бѣлобережье Дубенскаго у. Вол. губ. Мы не видимъ, чтобы это какъ-нибудь противорѣчило лѣтописи, что утверждаетъ г. Барсовъ. Лѣтопись того не говоритъ, что Бѣлобережье находилось возлѣ самой Случи. Вотъ ея слова: Даниїловъ воевода «стрѣте рать во Бѣлобережьи, и бившимся имъ о рѣку Случь, и гонима до рѣки Деревное, изъ лѣса Чертова». Кого гонили, спрашивается?—отрядъ Даниїла; это видно изъ словъ его самого: «идуть наю» и изъ того, что, когда Даниїлъ пошелъ на Венгровъ, они «увѣдавши *возвратишася* къ Галичу» (Ип., 511); это ясно и изъ направленія, въ которомъ удалялись преслѣдуемые: они отступали на востокъ, потому что Чертовъ лѣсъ находился къ востоку отъ Случи (Ип., 285). Понятно послѣ этого, что Бѣлобережье *могло находится* къ западу отъ Случи; противники встрѣтились въ пемѣ, Даниїловъ Владиславъ отступилъ тотчасъ къ Случи, тутъ завязалась битва, Владиславъ перешелъ Случь обратно и уходилъ на востокъ.—Въ лѣтописяхъ встрѣчается еще Днѣпровское Бѣлобережье (П. с. р. л., I, 22 и 31). Бѣлобережьемъ же называютъ берега Луги въ предмѣстїи Владиміра Вол.

²⁾ Простопародье и теперь называетъ Новоградволынскъ Звяглемъ.

³⁾ Чариятиновъ есть нѣсколько. Изъ извѣстныхъ намъ одинъ находится въ Заславскомъ у. Вол. губ., на р. Иконоти, въ 10 в. отъ Старокопстантинова; другой («В. Чериятинъ») и третій (просто «Чериятинъ») — вблизи Самгорода въ Бердичевскомъ у. Кіевской губ.; затѣмъ: недалеко отъ Старокопстантинова есть «Чериятинокъ» и «В. Чериятина»; недалеко отъ Уланова въ Под. губ. — «Чериятинцы»; на р. Ровкѣ въ той-же губ. — «Чериятинъ». Мы не можемъ сказать, которое изъ этихъ поселеній древнѣе; намъ извѣстно только о Чериятинѣ Заславскаго у., что онъ существовалъ уже въ XVI в. (см. 6-й № «Вол. Губ. Вѣд.» 1868). Значительное количество селъ съ этимъ именемъ не свидѣтельствуетъ-ли объ обширности территоріи лѣтописныхъ «Чариятиновъ»?

теп Сѣмоча ¹⁾), городовъ по Тетерею, Городка ²⁾), Межибожья и вообще всего Побожья и Приднѣпровья ³⁾). Понятно, что Даниилъ, обнаруживъ-желаніе подчинить ихъ своей власти, долженъ былъ встрѣтить отъ нихъ сопротивленіе, какъ и отъ извѣстныхъ уже намъ Болоховскихъ князей. Конечно, оно бы ихъ не спасло, при значительности силъ Даниила въ сравненіи съ ихъ силами. Возвышеніе сначала смѣялись, когда увидѣли, что у Шварна только 500 человекъ. «Наутрѣ же приде Даниилъ со многымъ множествомъ полкомъ, со братомъ ся и со сыномъ Львомъ; видѣвше же гражданъ, и ужась бысть въ нихъ, и не стерпѣша и вѣдшася ⁴⁾». Оттого-то поддались Даниилу между 1254 и 1258 гг. и остальные противившіеся ему: Бѣлобережцы, Чаритинцы, жители при-тетереvesкихъ городовъ, Побожья и даже столько разъ крамольничавшіе Болоховцы ⁵⁾). Но, въ несчастію, онъ долженъ былъ остановиться на этомъ, потому что татары не позволили двинуться далѣе. Послѣ Батыева нашествія Даниилъ не владѣлъ уже Кіевомъ, который, съ удаленіемъ изъ него Михаила, былъ отданъ татарамъ суздальскимъ княземъ ⁶⁾).

¹⁾ Сѣмочь, по словамъ Н. П. Барсова (стр. 194, 184, 164),—сел. Симаки, находящееся въ Заславскомъ у., къ сѣверовостоку отъ м. Полоянаго Новоградвол. у.; на картѣ «Семаки» лежатъ къ сѣверозападу отъ этого мѣстечка. Тоже названіе носятъ еще два селенія: «Симаки» въ Подольской губ., недалеко отъ Хмѣльника, и «Семаки» въ Жит. уѣздѣ, къ сѣверу отъ Бердичева.

²⁾ По мнѣнію Н. П. Барсова, едвали, впрочемъ, вѣрно, это—Райгородокъ, мѣст. Вол. губ., Жит. у., на дорогѣ изъ Бердичева въ Хмѣльникъ.

³⁾ О послѣднихъ находимъ извѣстіе у Плато-Карпини. По его словамъ («Собраніе путешествій къ Татарамъ», Сиб. 1825, стр. 10), Каневъ (villa Canova) зависѣлъ непосредственно отъ татаръ, равно какъ и другое какое-то селеніе (Плато-Карпини его не называетъ); они были управляемы начальниками, которые у Плато-Карпини названы praefecti.

⁴⁾ Ип., 556.

⁵⁾ Ibid., 555.

⁶⁾ По словамъ Никоновской лѣтописи (III, 8), Батый, послѣ взятія Кіева, оставилъ въ немъ своего воеводу; это извѣстіе, вѣроятно, также несправедливо, какъ и то (ibid., 9), что онъ посадилъ своихъ воеводъ по другимъ городамъ югозападной Руси. По крайней мѣрѣ, послѣ татарскаго нашествія Михаилъ Черняговскій возвратился къ Кіеву и, повидимому, владѣлъ имъ, потому что, по словамъ галицко-вол. лѣт. (Ип., 524), онъ жилъ подъ нимъ на островѣ. Ближе къ истинѣ сказаніе Воскресенской лѣтоп. (II. с. р. л., VII, 153): въ моментъ на-

Такимъ образомъ, дѣло Романа не было вполне восстановлено Даниломъ, хотя послѣдній и называлъ себя, по словамъ Стрыйковскаго ¹⁾, государемъ всей Руси; господство линіи Романовичей во всей юго-западной Руси и единеніе послѣдней длились одніи только, такъ сказать, моментъ (передъ татарскимъ нашествіемъ). Къ тому именно времени относится сказанное въ Платскомъ спискѣ о Данилѣ подѣ 1250

паденія татаръ: «ниин затворишася во градѣхъ: то тѣ со слезами и покааніемъ Богу моляшуся, ти тако отъ поганыхъ немилостиво избіены быша, а иже кряхуся въ пещерахъ, и въ горахъ и въ лѣсахъ, мало тѣхъ остася тѣхъ же не по колѣнцѣхъ временехъ оставиша во градѣ, сочташа а въ число, и пача на нихъ дань имати... Жизнь въ разоренномъ Кіевѣ не могла показаться пріятною Михаилу, и онъ много плакавъ и слезы испустивъ, иде въ Черниговъ на великое княженіе. (Ник. III, 20). Это случилось, вѣроятно, вскорѣ послѣ его прѣбытія въ Кіевѣ. Въ 1246 г. (доказательство этой даты см. ниже, въ III гл.) въ Кіевѣ сидѣлъ подѣ татарскимъ надзоромъ намѣстникъ Ярослава Всеволодовича (Всеволодовичемъ называетъ Ярослава и Густынская лѣтопись: II. с. р. л., II, 341) Дмитро Епковичъ (Нп., 535), и его-то, вѣроятно, искаивши его ими, Плато-Карини называетъ Монгротомъ (стр. 214 «Собр. пут. къ тат.», гдѣ говорится, что Монгротъ «avec tous les siens au pays de Corrensa»); Кіевъ достался Ярославу, думаемъ, въ 1243 г., когда онъ былъ утвержденъ Батмемъ въ старѣйшинство [Ник. III, 18; Густ. лѣт., описывая путешествіе въ орду Михаила Черниговскаго, называетъ его также «Кіевскимъ». II. с. р. л., II, 342] И. П. Шараневскій предполагаетъ, что упоминаемый галицко-вол. лѣт. Ярославовъ намѣстникъ былъ посаженъ не Ярославомъ Суздальскимъ, а Ярославомъ Ингваревичемъ («Исторія», 92—93, 104, 120); но, еслибы Кіевъ принадлежалъ Ярославу Ингваревичу, то онъ самъ бы въ немъ сидѣлъ: Ярославъ Ингвар. принадлежалъ къ числу второстепенныхъ князей и не имѣлъ хорошаго удѣла; притомъ въ нашу пользу говорить слѣдующее извѣстіе. Въ 1249 г. Батый отдалъ Кіевъ и всю русскую землю Александру Невскому, а Владиміръ на Кіи зѣмъ его брату [Ник. III, 31. Татищ. (IV, 22) прибавляетъ: «по завѣту отца ихъ». Соображенія о послѣдней фразѣ см. въ «Исторіи» С. М. Соловьева III, 191—192 (по изд. 1862)]. Александръ хотѣлъ было ограться въ свое новое княжество, но новгородцы отсвѣтовали ему (Тат., IV, 22). Затѣмъ до конца XIII стол. извѣстія о Кіевѣ крайне скудны. Говоря подѣ 1263 г. о смерти Александра Невскаго, Густынская лѣтопись называетъ его, между прочимъ, кіевскимъ княземъ (II. с. р. л., II, 343), а подѣ 1271 г. она такъ называетъ Ярослава Ярославича (ibid., 344). Потомъ Кіевъ нѣсколько разъ упоминается только какъ резиденція митрополитовъ (см., напр., Ник., III, 58).

¹⁾ I, 286.

г., что онъ былъ великъ, обладалъ Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомъ си явѣми странами ¹⁾. Ромаповичи принуждены были довольствоваться Галичемъ и Волиныю, какъ главными своими владѣніями. Къ этому основному ядру притягивались и вокругъ него группировались по сѣвернымъ и восточнымъ окраинамъ и другія земли, но вообще въ этихъ двухъ составныхъ частей границы перѣдко мѣнялись.

Оставались неизмѣнными только югозападные и западные рубежи.

Здѣсь при Даниилѣ Русь соприкасалась съ Венгріею и Польшею, какъ и прежде, въ слѣдующихъ пунктахъ.

Съ Венгріею она граничила на всемъ протяженіи по Карпатскимъ горамъ ²⁾, которыя назывались или просто *Горы* ³⁾, или горами *Угорскими* ⁴⁾, или горами *Кавкасийскими* ⁵⁾; нѣкоторыя ихъ части носили отдѣльныя названія; такъ, для одной изъ нихъ находимъ прозвище *Борсуковъ дѣлъ* ⁶⁾. Русскія поселенія находились въ самыхъ горахъ ⁷⁾.

¹⁾ Ип., 536. Н. П. Шараповичъ думаетъ, что Даниилъ владѣлъ всѣми этими землями и во время путешествій въ орду; но въ лѣтописи говорится о прошедшемъ времени: «Данилови Ромаповичю князю *бывшу* велику, *обладавшу* (а не «обладающе») Рускою землею... странами: *къмъ* сѣднѣ на колѣну и холопомъ называється... Ип., 536.

²⁾ Слова Богуфала (Коммерсбергъ, II, 27): «Cui [i. e. Boleslao] Salomon, Rex Hungarorum, cum suo exercitu in montanis Russie et Hungarie ad suum Regnum volens prohibere ingressum, occurrit»; Болеславъ шелъ изъ Россіи.

³⁾ Ип., 282, 300, 373, 495, 518.

⁴⁾ П. с. р. л., I, 2, 10—вар. V, 60. Ип., 499, 507.

⁵⁾ П. с. р. л. I, 2; Ип., 499. Интересныя соображенія объ этомъ названіи см. въ «Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten Völker in Alterthum und im Mittelalter von Dr. Isidor Szaraniewicz» (Lemberg, 1871).

⁶⁾ Ип., 518; теперь—*Borszék*: М. П. Погодина «Исслѣд.», IV, 206. Дѣлъ—раздѣлъ; см. 13-ю стр. книги Н. П. Барсова.

⁷⁾ Позднѣйшее извѣстіе называетъ слѣдующіе города въ Карпатскихъ горахъ: Корочюновъ камень, Сочаву, Сереть, Баяю, Нечюнь (П. с. р. л. VII, 240).—Близъ источниковъ Прута, недалеко отъ Черной горы, читаемъ урочище, называемое Городкомъ и т. п. «Исслѣдованіе на поли Отечественной географіи и исторіи Д-ра Исидора Шараневича». Львовъ, 1869. Стр. 86.—Здѣсь едва ли слѣдуетъ пользоваться выраженіемъ «Сл. о п. Иг.» объ Ярославѣ Осмомыслѣ: «подиеръ горы Угорьскыи своими желѣзными плъки»; по смыслу этой фразы, русскіе не проникали въ горы.

Въ горныхъ ущеліяхъ нерѣдко основывались монастыри; туда по преимуществу стремились благочестивые люди, потому что могли тамъ наслаждаться уединеніемъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Намъ извѣстно три такихъ монастыря: Лелесовъ ¹⁾, Синеводскій ²⁾ и Половинскій ³⁾. Горы были покрыты большими лѣсами ⁴⁾. Было немало проходовъ ⁵⁾.

У истоковъ Роны въ Карпатскихъ горахъ начиналась граница Руси съ Польшею. Здѣсь она была съ древнѣйшихъ временъ ⁶⁾; тутъ же, по не подлежащему никакому сомнѣнію историческому свидѣтельству, она находилась и нѣсколько позже Давіила ⁷⁾; не можемъ не думать, что

¹⁾ Ип., 487. Лелуховъ? см. «Изслѣд.» Шараневича, стр. 72.

²⁾ Ип., 523. Синеводскъ—при впаденіи р. Опора въ Стрый. «Изслѣд.» Шараневича, 72 Ст. «Гал. ист. сборникъ», вып. I (Львовъ, 1854), стр. 82—83, прим. 24.

³⁾ Половинами и теперь наз. часть горнаго Карпатскаго хребта въ Галичинѣ. О монастыряхъ въ горахъ и вообще о слѣдахъ поселеній см. въ «Изслѣд.» Шараневича, 72—73.

⁴⁾ Швандтиера «Scriptores rerum Hungaricarum», I. M. Rogerius de destruct. Hung. per Tartaros, cap. XX: «Rex Cadan - per silvas iter trium dierum habens, pervenit ad divitem Rodanum...». Анонимъ нотарій Бельи (ibid.), писавшій въ XIII стол. о проходѣ Венгровъ въ Паннонію чрезъ Владимірскую и Галицкую землю на основаніи современнаго ему положенія послѣднихъ странъ (такъ смотритъ на его сказаніе всѣ почти ученые) упоминаетъ о *silva Novos*, находившемся въ горахъ съ русской стороны; для того, чтобы Венгры могли пройти чрезъ этотъ лѣсъ, Галицкій князь «duo millia sagittariorum et tria millia rusticorum anteire praescripit, qui eis - viam praepararent».

⁵⁾ О нихъ см. «Изслѣд.» Шараневича, 72—73, гдѣ указано ихъ до шести. Важнѣйшіе проходы были укрѣплены какъ съ русской стороны, такъ и съ венгерской (ibid., 75—77, 49).

⁶⁾ Съ начала XI стол. См. Anonymi gesta Hungarorum. Сл. выдержку изъ Vita S. Stephani въ «Geschichte Polens von Dr. Richard Roepke», I-ter Th. (Hamburg, 1840), V-to Beilage, S. 653; см. также стр. XXII—XXIII прим. къ I-му т. соч. Казимира Стадицкаго «Synowie Gedymina» (Lwów, 1849). Тутъ-то, вѣроятно, содѣлалъ Владиміръ Св. съ Чехами. О немъ говорится: «и бѣ жива съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядскимъ, и съ Стефаномъ Угрскимъ, и съ Андрихомъ Чешскимъ, и бѣ миръ межю ими и любы» (П. с. р. л., I, 54). Границы Чехій въ самое цвѣтущее ея время доходили до Татръ. Мошм. Pol. hist., I, str. 856.

⁷⁾ При его смѣѣ Львѣ. Другойъ говоритъ (lib. I, col. 35): «Bieszczad, mons prope castrum Sobiense terras Polonicas a Pannonicis determinans. In illius enim vertice situatus est lapis Ruthenicis inscriptus».

она имѣла тамъ мѣсто и въ самое цвѣтущее время югозападной Руси, т. е. при Даніилѣ. Нѣкоторые названія тамошнихъ мѣстностей также наводятъ на то, что тамъ была постоянно граница ¹⁾. При Даніилѣ упоминается въ тѣхъ краяхъ г. Теличъ ²⁾, но безъ прямого обозначенія, кому онъ принадлежалъ ³⁾; по нашему мнѣнію, болѣе основаній предполагать, что онъ составлялъ достоиніе русскихъ. Тамъ же былъ, кажется, только нѣсколько южиѣ, Лелесовъ монастырь ⁴⁾. И въ настоящее время въ тѣхъ мѣстностяхъ живетъ русское племя ⁵⁾, искони паславшее тѣ страны ⁶⁾. Передовыя поселенія его на западѣ доходятъ даже до р. Дунайца ⁷⁾ и отстоятъ въ 10 всего мильхъ отъ Кракова ⁸⁾;

litteris, et à Leone quondam duce *Russiae* locatus limites *Regnorum Poloniae et Hungariae* demonstrans. Названіе Бескидъ прилагается въ Карпатскихъ горахъ ко многимъ мѣстностямъ. См. «Изслѣд.» Шараневича, 7, прим. 4. Здѣсь же Длугошъ разумѣлъ Бескидъ указаннаго нами выше мѣста. Мы находимъ «*Sobniow*» ниже «*Jasło*» (см. карту, прилож. къ «Изсл.» Шараневича). Подобныя названія въ др. мѣстностяхъ см. у И. И. Шараневича на стр. 91 (онъ, впрочемъ, пишетъ «*castrum Sobienne*» Длугоша на основаніи словъ послѣдняго, слѣдующихъ непосредственно за приведеннымъ мѣстомъ, у источниковъ Сяна и Днѣстра; см. стр. 82; у Длугоша говорится вотъ что: «*Ex hoc monte (т. е. Bieszczad, et ad ejus verticem hi fluvii insignes et memorabiles, orti consurgunt, videlicet Dniestr, San, Styr, et Cissa, et in subiectas regiones, videlicet Poloniam, Russiam et Pannoniam, diverso itinere ex ipsa montis summitate decurrentes franguntur.*»). На западъ отъ Рѣкы находимъ Przysłop (Шараневича «Изслѣд.», 90).

¹⁾ «Изслѣд.» Шараневича, 90.

²⁾ Теперь.—Тыличъ, село въ Сандецкихъ горахъ. «Исторія» Шараневича, 102, прим. 59.

³⁾ Ии., 566.

⁴⁾ См. «Изслѣд.» Шараневича, 72. Если такъ, то возлѣ Телича пролегать одинъ изъ самыхъ употребительныхъ въ то время путей изъ Руси въ Венгрію: въ 1213 г. возлѣ Лелесова монастыря проходитъ венгерскій король (Ии., 487); въ 1240 г. тою дорогою шель въ Польшу Даніилъ (Ии., 523), а въ 1260-хъ годахъ мы видимъ его на томъ пути отправляющимся въ Венгрію (Ии., 566). По словамъ Анон. Нотарія, тою дорогою шли Венгры.

⁵⁾ «*Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. Von D. Zubrzycki. Lemberg, 1849*», S. 23—24.

⁶⁾ Ibid., 26—39.

⁷⁾ Ibid., 23. См. также ст. «Русины-Лемки» въ «Зорѣ Галицкой» 1860.

⁸⁾ Ibid., 25. Герберштейнъ («Записки о Московіи», перев. Анонимова, Спб. 1866, стр. 8) говоритъ: «Руссія граничитъ съ сармат-

но отодвигать туда границы югозападной Руси при Даниилѣ мы не имѣемъ основаній и думаемъ вмѣстѣ съ Д. И. Зубрицкимъ ¹⁾, что жители этихъ странъ спокойно признавали власть краковскихъ князей ²⁾. Съ окончаніемъ р. Ропы, русская граница шла по лѣвую сторону Вислока ³⁾, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—по р. Вислокъ ⁴⁾. Отъ нижняго те-

скими горами недалеко отъ Кракова*. Такъ было и въ XVII в.; см. показаніе Красинскаго («Gränzen» 18, Ann. c). И при Мечиславѣ I (970—990) простирались «fines Russiae usq. in Cracovia»; ib., 21. Приведемъ еще слова Длугоша о Тыпцѣ, весьма сюда подходящія: «Pulchrum patriae senodum et fortis contra hostias insidias munimen, locus vetustus, et in quo etiam in prioribus notatibus, propter eminentiam collis, nusquam arx decrete».

¹⁾ Ibid., 28. Безпристрастный польскій историкъ г. Стадницкій («Syn. Ged.», I, przyr. 97, str. XXIII) говоритъ: «Po dziś dzień zaś osady rusko-polskie rozciągają się wzdłuż Karpat aż po nad rzekę Poprad, której przeciwne brzegi zajęte są przez ich pobratymców węgierskich Rusinów. Dopóki więc dowiedzionem nie będzie współczesnem dokumentami, że te osady rusko-polskie (sic) jeszcze przed zaborem Kazimierza wielkiego do Polski należały, przyjąć wypada, iż stanowiły część ziemi sanockiej, a przez to samo Rusi czerwonej, przez tegoż króla zawojowanej».

²⁾ Не мѣшаетъ вспомнить при опредѣленіи русскихъ границъ въ тѣхъ мѣстахъ, что Володаръ былъ захваченъ въ плѣнъ, по словамъ Длугоша (lib. IV, col. 418) подѣ Wissokie, а Владимірко простиралъ свои набѣги «usque versus Biecz» (ibid., col. 423).

³⁾ Дер. Ропы, находящаяся въ разстояніи одной мили отъ Вислока, по лѣвую его сторону, и лежащая неподалеку отъ Кросно, въ грамотѣ Казиміра В., выданной въ 1348 г., называется состоящею «in terra Russiae». «Gränzen», S. 6—7. См. тамъ же (S. 15) еще документъ 1434 г.—Длугошъ (ad a. 1126, col. 425) говоритъ о Владиміркѣ и Ростиславѣ Володаревичахъ: «...collecto autem qualicunque exercito, illum (Duces soli ire parum ausi) ad vastandum Poloniam transmittunt. Qui et ipse pavore percussus, rix fines Poloniae attingens, aliquot villis circa Wisloka (обращаемъ вниманіе на то, что упоминается не Вислокъ, а Вислока) crematis, rediit».

⁴⁾ «Изслѣд.» Шараневича, 90, прим. 88: «Осады: Słupiec на полночь отъ Pilzna надѣ Вослокою, Słupiec Wielki i Mały коло Dąbrowy, Słupia коло Limanowa, Słup Maziarna коло Nista i Jeżowa, Столпы за разѣмъ за границею, все то въ тѣхъ сторонахъ Надвислицскихъ, где два словянскіи народы стикалися».—Польскіе историки, за исключеніемъ г. Стадницкаго, напротивъ, отодвигаютъ границы на востокъ. Не то мы видимъ въ польскихъ сочиненіяхъ прежнихъ вѣковъ, когда писали безъ задней мысли. Д. И. Зубрицкій приводитъ изъ нихъ нѣсколько такихъ мѣстъ. Прибавимъ отъ себя пропущенныя имъ слова Бѣльскаго, жившаго еще въ XVI в. (Зубрицкій выбралъ слова писателей XVII в.),

ченія послѣдней ¹⁾ граница тянулась, по всей вѣроятности, поперечною (отъ запада къ востоку) линією до р. Вислока ²⁾, можетъ быть,—до того мѣста, гдѣ при немъ находится Ruska wieś ³⁾, затѣмъ поднималась по Вислоку до впаденія его въ Сянь ⁴⁾. Русскія земли этихъ мѣстностей, расположенныя по плоской возвышенности, прилегавшей къ Карпатскимъ горамъ, носили названіе Горной страны и Подгорья ⁵⁾; также

который говоритъ о своихъ предкахъ: »na on czas będą w poszrodku nieprzyjaciół, w ciasnym mieyscu, jako w ogrodku zanikniemi, oganiali się w małym poczcie wielom nieprzyjaciół możnym, i zdobywali pod nimi wiele krajn żyznych, zwłaszcza Ruskich, Pruskich, y innych; bo na ten czas tylko samey Polski było od rzeki Odry aż do Wisłoka: od wschodu słonica Rusacy szeroko pinowali, od zachodu Niemcy, na północy Mazowsze z Prusy... «Zbiór pisarzow polskich, cz. IV. T. XI. Kronika Polska M. Bielskiego». Warsz. 1829. Посвященіе Сигизмунду III, str. XIII. Здѣсь граница указывается все-таки ближе къ истиннѣ, чѣмъ въ теперешнихъ сочиненіяхъ. Какъ вообще мала была польская территорія въ разсматриваемое нами время, видно изъ слѣдующихъ выраженій писема Краковскаго еп. Матея къ Бернаруду Клервосскому (1143 или 1144 г.): »Gens illa Ruthenia multitudine innumerabili seu sideribus adaequata... Nec modo in Ruthenia, quae quasi est alter orbis...»

¹⁾ Сл. слѣдующія слова Д. II. Зубрицкаго: »...der Fluss Wisłoka, von seinen Quellen angefangen, wenn nicht bis zur Mündung in die Weichsel, so doch wenigstens bis zur Gegend der Stadt Brzostek die natürliche Gränze zwischen dem halizisch—russinischen Königreiche einerseits, und dem Herzogthume Krakau und Sandomir, oder dem später so genannten klein-Polen andererseits bildete. (Gränzen, S. 22).

²⁾ Въ грамотѣ 1354 г. Казимиръ В. даетъ Іоанну Павославу *opulum Rzeschoniense cum suo toto districtu, in terra Russiae situm, secundum quod antiquitus per Serenissimos duces Russiae extitit limitatum* (изъ слѣдующихъ словъ видно, что эта земля была завоевана только Казимиромъ; именно) *quibus divina clemencia legitimus successor extitimus et eiusdem terre Russiae dominus principalis, cum omni jure et pleno dominio prout soli jus nacti sumus*.... См. также обозначеніе границъ даннаго участка въ той грамотѣ: *villa Dambrowa* (Г. Стадницкій въ »Syn. Ged.», I, przyp. 97, str. XXII говоритъ: »według tych słów była to Dąbrowa dziś przyległość dóbr Wrzawa, nad ujściem Sanu do Wisły w rzeszowskiem obwodzie») называется принадлежащею къ Сандомирской землѣ; Лежайскъ былъ пограничнымъ русскимъ городомъ. Русскіе живутъ тамъ и теперь («Gränzen», S. 10—12).

³⁾ См. карту, приложенную къ »Исслѣдованію» Шарапевича.

⁴⁾ Переворскъ, лежащій къ востоку отъ Вислока, подъ 1281 г. упоминается въ Ип. сп. (стр. 522), какъ принадлежащій Льву.—Также въ актахъ XV-го стол. онъ является городомъ русскаго воеводства.

⁵⁾ Ип., 525 и 516.

назывались смежныя польскія земли ¹⁾. Отъ впаденія Висюка въ Сянъ ²⁾ граница тянулась полями къ Венрю мимо какихъ-то «Воротъ ³⁾», Щекарева, Сутѣйска ⁴⁾ и Терпава ⁵⁾ и на нѣкоторомъ разстояніи шла по теченію этой рѣки ⁶⁾. Извѣстны изъ лѣтописи слѣдующія пограничныя мѣстности Русъ съ этой стороны: Грабовець ⁷⁾, Орельскъ ⁸⁾, Грубешовъ ⁹⁾, Верещинъ ¹⁰⁾, Ухали ¹¹⁾, Комовъ ¹²⁾, Холмъ, Столинъ, Угровескъ ¹³⁾,

¹⁾ Ип. подъ 1244 (стр. 529): «самъ Данило воева... дворъскый же Ондруй по Сяну, а Вышата воева *Подгорье*».

²⁾ Нижнее теченіе Сяна принадлежало Полякамъ: въ 1244 г. по Ипатскому списку (стр. 529) Даниловы войска опустошали его побережья (см. пред. прим.).

³⁾ Ип., 572.—Соображенія о мѣстѣ ихъ нахожденія см. въ «Изсл.» Шараневича (стр. 77); по всей вѣроятности, лѣтописныя «Ворота» нужно искать на мѣстѣ нынѣшняго поселенія «Worotny».

⁴⁾ Ип., 492 и 585.—По словамъ соч. «*Starożytna polska*» (przez M. Bańśkiego i T. Lipńskiego, t. II, Warsz. 1845, str. 783), повтореннымъ у Д. Н. Зубрицкаго («Исторія», III, стр. 78). Щекаревъ былъ вблизи нынѣшняго г. Краспоставъ, надъ Венремъ. Можетъ быть, онъ находился за Венремъ. См. «Гал. ист. сборн.», II, 131.—О Сутѣйскѣ см. П. с. р. л., I, 103 и 115.

⁵⁾ Ип., 567 и 571.—Терпавъ не теперешнее-ли мѣстечко Терно въ окрестностяхъ Белзы? см. «Русскій ист. сб.», VII, 310. Ст. 196-ю стр. книги Барсова.

⁶⁾ По словамъ Д. Н. Зубрицкаго («Исторія», III, пр. 76), упоминаемая въ Ип. сп. подъ 1225 г. Лысая гора (стр. 498)—теперешній г. Тарногора надъ р. Венремъ. Цѣлый рядъ Лысыхъ Горъ приведенъ Ходаковскимъ въ «Русск. ист. сборн.» VII, 237—238 У Длугоша читаемъ: «*Lysa góra, mons altus civitati Leopoli imminens in terra Russiae, in quo archa est magna et regia, quae alta consuevit appellari, sita est.*»—Венрь названъ пограничною русскою рѣкою и въ сочиненіяхъ Старовольскаго и Целларія («*Gränzen*», S. 17 und 21). Опроверженіе мнѣнія о томъ, что во время Болеслава Храбраго границею между Польшею и Русью служила р. Бугъ, см. въ «*Gesch. Pol.*» Репелля (5-te Beiage, S. 651—652).

⁷⁾ Ип., 572.

⁸⁾ *Ibid.*, 482.—Определеніе положенія его см. въ «Изсл.» М. П. Погодина (IV, 197).

⁹⁾ Ип., 550.

¹⁰⁾ *Ibid.*, 483 и 490.

¹¹⁾ *Ibid.*, 483.

¹²⁾ *Ibid.*, 483 и 490.

¹³⁾ *Ibid.*—Бѣлый не принадлежалъ русскимъ (Ип., 529 и 571); не знаемъ, на какомъ основаніи Н. П. Барсовъ (стр. 21) считаетъ его русскимъ городомъ.

Влодава ¹⁾. Полоса между Бугомъ и Вепремъ называлась Украинною ²⁾. Впрочемъ, и за Вепремъ жило родственное намъ населеніе, исповѣдывавшее по мѣстамъ православіе, которое уцѣлѣло тамъ съ древнѣйшихъ временъ ³⁾. Нѣкоторые, основываясь на польскихъ историкахъ, полагаютъ, что при Данилѣ русскія владѣнія перешагнули за Вепрь, именно былъ взятъ Люблинъ, но это—басня ⁴⁾. Въ одномъ мѣстѣ Русь граничила съ Краковскою областію возлѣ Лукова ⁵⁾. Сверхъ перечисленныхъ

¹⁾ Ип., 528.

²⁾ Ibid., 490 и 586.

³⁾ См. «Критико-истор. пов. Д. Н. Зубрицкаго, стр. 55—61 (прим. 35), и его же «Gränzen», S. 18—20, Ann. с. См. также «Наук. сборн., изд. лит. общ. Галицко-русской Матицы» 1865, вып. IV, стр. 269, тотъ же сборникъ за 1866 г., вып. III и IV [ст. А. С. Петрушевича: «Краткое извѣстіе о Холмской епархіи и святителяхъ ея»] и Холмскій мѣсяцесловъ 1866 [ст. архим. Амвросія: «Начало и распространение Христовой вѣры въ предѣлахъ нынѣшняго царства польскаго»]. Укажемъ тутъ читателю на то, что, когда Поляки вскорѣ послѣ смерти Данила отправились воевать Холмскую землю, «не взявша ничго же, избѣгли бо ся бихуть в городъ, зане *въсть бяхуть подали имъ Дялове украинякъ*» (Ип., 571).

⁴⁾ Обстоятельный разборъ этого извѣстія желающіе могутъ найти въ сочиненіи г. Стадницкаго «Syn. Ged., t. II (Dodatki, nota 13, str. 219—224). Съ своей стороны прибавимъ, что не только наша лѣтопись, но и польскіе анналы, упоминающіе подъ 1244 г. (въ нѣкоторыхъ это извѣстіе помѣщено подъ 1243) объ опустошеніи русскими Люблинской земли, не говорятъ о взятіи Люблина [Pertz, XIX, pp. 598, 634—635 (гдѣ вм. «Rutheni» поставлено «Prutheni»), 666]. Какъ же можно объяснить рассказъ Длугоша? Не передалъ ли онъ по своему слѣд. слова одной лѣтописи (Pertz, XIX, Annales s. Crucis Polonici, p. 681): «1243. Rutini per diversos insultus Lublin et totum territorium devastant et succedunt et castrum pro se edificare ceperunt (значитъ, не выстроили вполне, только *ceperunt*?) et turrim muratam fecerunt». Въ той же лѣтописи подъ 1253 г. читаемъ: «....Boleslaus dux Cracoviensis filius Lestkonis condam (вѣр., quondam) ducis Cracoviensis post mortem Henrici patru sui ducatum ex integro obtinuit et Lublin a Rutinis rehabuit.... Люблинскій кастелянъ упоминается въ актахъ подъ 1252 г. Rorpell's «Gesch. Polens», 527, Ann. 79. Стрыйковский упоминаетъ о занятіи русскими Люблина подъ 1255 г. (I, 292). О времени дѣйствительнаго занятія Люблина, кромѣ г. Стадницкаго, говоритъ Н. Н. Шапаревичъ («Исторія», 119 и 122; «Изслѣд.», 69). Въ XIV стол. Люблинъ въ теченіе долгаго времени былъ польскимъ пограничнымъ городомъ со стороны Литвы. Еще въ 1602 г. въ немъ была таможня для русскихъ.

⁵⁾ См. папскія буллы о Луковѣ въ «Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, deprompta ab A. Theiner», t. I (Romae 1860), №№ CXIX и

нами упоминаемыхъ въ лѣтописи пунктовъ Руси принадлежало с. Воишь, находящееся недалеко отъ устья Тизмьницы въ Вепрь ¹⁾, потомъ Андрѣевъ ²⁾. Изъ области Вепря граница поворачивала на востокъ и вблизи Берестья приходила къ Бугу ³⁾, по которому поднималась вверхъ. Берестье и Дорогичинъ упоминаются нерѣдко, какъ пограничные города. Последний мы можемъ разсматривать, какъ самый крайній сѣверо-западный пунктъ Даниловыхъ владѣній ⁴⁾.

Округъ Дорогичина простирался до Пура ⁵⁾. За Нуромъ жили Ятвяги, отъ которыхъ Русь отдѣлялась болотами ⁶⁾. Во времена Романа

СХLIII. Луковъ—мѣст. въ 7 миляхъ отъ Люблина. Ср. »Staroż. pol ska-t. II, str. 1159—1161.

¹⁾ Ин., 586.—»Исторія» Шараневича, стр. 102.

²⁾ По словамъ Н. П. Барсова (стр. 2), это—Андреево, м. Плоцкой губ. близъ границы съ Августовскою.

³⁾ Ин., 586: »Ляховъ воеваша у Берестья по Кроспѣ, и взяша селѣ десять и поидоша назадъ».

⁴⁾ Возвращаясь изъ Польши, Данилъ приметъ прежде всего къ Дорогичину. (Ин., 524). Изъ Дорогичина, какъ изъ пограничнаго города, предпринимать онъ походы на Ятвяговъ (ibid., 538 и 549). Идя изъ земли Ятвяговъ, татары проходили мимо Дорогичина (Ин., 561). Литва ходила воевать Польшу мимо того-же города (ibid., 571).—Пока Дорогичинъ не былъ отнятъ Даниломъ у Нѣмцевъ, такимъ пограничнымъ городомъ было Берестье: »остависта же в Берестии Володимера Пиньского, и Угровчаны и Берестыяны, стеречи землѣ отъ Ятвязъ» (ib., 503); »вспѣ же бывши, поидоста на Ятвезѣ и приидоста Берестью; рѣкамъ паводнившимися, и не возмогоста ити на Ятвязѣ».—По мнѣнію нѣкоторыхъ (см. »Учебный атласъ по русскоі исторіи» Е. Е. Замысловскаго (2-е изд. Сиб. 1869), Русь принадлежала и Вишна, находившаяся при слияніи Юбра съ Наревомъ («Матеріалы» Барсова, стр. 30) и уступленная Руси Польшами въ 1145 г. (Ин., 227). Но это несправедливо: Русскіе владѣли ею недолго. Въ лѣтописи читаемъ: »приде (Данилъ) ко Визнѣ и приде рѣку Наровъ, и многи крестьяны отъ пленения избависта... и придоша со славою на землю свою... (Ин., 546); изъ этого мѣста видимъ, что въ Визнѣ Данилъ находился не на своей еще землѣ. М. П. Погодинъ также признаетъ Нуръ пограничнымъ пунктомъ («Исслѣд.», IV, 214).

⁵⁾ См. цитиров. нами выше грамоту Конрада 1237 г.

⁶⁾ Ин., 538: »и приидоша болота и поидоша на страну ихъ».---Здѣсь мы укажемъ на требующіи разъясненія разсказъ Дюсбурга объ осадѣ до грѣхота Нѣмецкаго ордена въ Пруссію русскимъ въ теченіе девяти лѣтъ одного замка Скаловитовъ (Onsburg. Jena MLCXXIX). Въ связи съ этимъ обратимъ вниманіе на извѣстіе западныхъ лѣтописей (см. »Skarbiec», str. 36) о томъ, что Брунонь, отираивавшійся пропо-

русскія поселенія находились далеко сѣвернѣе¹⁾ и доходили до Райгорода²⁾, но потомъ эти земли опустѣли.

Гдѣ граничила югозападная Русь съ собственною Литвою, мы увидимъ ниже. — За Литвою къ территоріи югозападной Руси примыкала область Пинскихъ князей.

Какъ далеко простирались владѣнія Даниила, въ послѣднее время его жизни, на востокъ и югъ?

Неизвѣстно, удержали-ли онъ за собою земли, завоеванныя на восточной окраинѣ между 1254 и 1258 годами³⁾. Во всякомъ случаѣ, границы Даниилова княжества съ этой стороны не доходили до Огруча, не переходили за Тетеревь, не спускались ниже верховьевъ Бога. Самымъ крайнимъ пунктомъ съ этой стороны въ лѣтислѣіи является Межибожье⁴⁾.

По Днѣстру Даниилова область доходила до Калиуса⁵⁾. Западнѣе

вѣдмать къ Пруссамъ въ началѣ XI в., былъ убитъ на границахъ Руси и Литвы. Мы не знаемъ, гдѣ тогда Русь граничила съ Пруссіею. Дюсбургъ подъ 1326 г. (стр. 68) также говоритъ что Пруссія граничила, между прочимъ, съ Россіею. — Приведемъ здѣсь еще найденныя нами въ одной Богемской хроникѣ (*Chronicon Bohemiae Auctore Nepleschone Abbate Oratoviensi* во II-мъ т. Пецъ, col. 1031) слѣдующія слова: „Anno Domini MCCXX. Poloni a Prutenis et a Rutenis occisi, et a fossoribus aut insectis miserabiliter interierunt.“; дѣло идетъ, вѣроятно, о русскихъ, жившихъ на южной границѣ Польши.

1) Вадимиръ Всеславичъ „нача собѣ думать, абы кде за Берестьемъ поставити городъ... нача искати мѣста подобна, абы кдѣ поставити городъ. Си же земля опустѣла по 80 лѣтъхъ по Романѣ... и посла Володимиръ съ тозѣмъци в чешохъ, возверхъ рѣкы Лосны, абы кдѣ изнай и таково мѣсто городъ поставити...“ (Ип., 577—578).

2) „... Данилю король повелѣ восати землю Литвянскую, и домъ Стѣклитовъ весь погубленъ бысть, еже и донынѣ пусто стоитъ. Данилу же король и пидуцу ему по сѣверу, и видѣ при берегѣ гору красну и градъ бывшій на ней преже, именовъ Рай; отгуда же приде въ домъ свой“ (Ип., 549). По словамъ Н. П. Барсова (стр. 172), это — Райгородъ м. въ окрестности Быстрѣка, надъ озеромъ того же имени, иначе называемомъ Лыкъ (Лук).

3) Очень можетъ быть, что онѣ остались за нимъ. Подъ 1229 г. въ галицко-вол. лѣт. читаемъ: „Мстиславъ вборѣ послъ гонцѣ по Юрьѣ князи Пороскомъ, веля воротити и назадъ, пославъ бо биянеть возводити Гатаръ на сновци своего; тогда бо Юрьи Пороский служаше Мстиславу, а первые служилъ Володимиру“ (Ип., 612).

¹⁾ Ип., 555.

⁵⁾ Калиусъ — м. Капосъ Подольской губ., Ушицкаго уѣзда (Зубриц-

южная граница шла, по всей вѣроятности, по верхнему теченію Прута и по Черемошу. Коломыя ¹⁾, Онуť ²⁾ и Бакота ³⁾ —самые южные изъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи.

Въ прежнее время земля, лежавшія къ югу отъ проведенной нами черты ⁴⁾,—вплоть до Дуная, находились въ большей или меньшей зависимости отъ галицкихъ князей ⁵⁾. Теперь онѣ были заняты татарами,

кій, «Исторія др. Гал. р. кн.», III, 139. Барсовъ, 86). Въ лѣтописи говорится: «Даниѣ же хоти уставити землю, и ѣха до Бакоты и Калиуса» (Ип., 527).

¹⁾ Ип., 525.

²⁾ Ип., 491. Онуť находился на Днѣстрѣ у самой теперешней нашей границы. «Изслѣд.» М. П. Погодина, IV, 201.

³⁾ См. Ип., 525 и 527; Ростиславъ и татары входили въ Даниловы владѣнія у Бакоты (Ип., 526 и 549).

⁴⁾ Собственно Галицкое княжество на югѣ простиралось (до татарскаго нашествія), быть можетъ, до истоковъ Молдавы. Рогерій (см. выше прим. 4 на стр. 65) полагаетъ границу около этого мѣста Руси: «*ex Cadan inter Russiam et Comaniam per silvas iter trium dierum habens, pervenit ad divitem Rodanum*»... Вѣроятно, этимъ путемъ ходили и Галичапе: «Ростиславъ ѣѣжа во Угры путемъ, *имѣ же идяше* на Борьсуковъ дѣль, и прииде к бани рекомѣй Родна»... (Ип., 518). *Покутье* не переходило за Черемошъ; это также указываетъ на то, что тутъ оканчивалась галицкая земля (см. Рѣчь Шараневича: «*Zaczatki słowiańskie i stoków Karpat*». We Lwowie 1870. Str. 5—8) Приведемъ, наконецъ, слова И. И. Шараневича: «Подобно и оныя названія осадъ русская Поляна, межъ источниками Солипки а Чероки—и Рускій путь межъ источниками Литорчи и Любогорки—рускій дѣль межъ Черемошемъ а Визомъ, *Rous re boui* межъ Молдавою а Сочакою свѣдчать, що Галицкая Русь стыкалася тамъ съ землями не рускими, або по крайней мѣрѣ съ землями, которыи до иного панства и народа принадлежали».... Можно-бы допустить, говорить онъ въ др. мѣстѣ, что названіе Угорскихъ горъ *Holisa* и *Galacz* на Унгѣ и на источникахъ Быстрицы, Визо и Черемоша произошло отъ того, что возлѣ нихъ пролегали пути, ведшіе къ Галичу и Галицкому княжеству («Изслѣдованіе», 78 и 79).—По лѣтописямъ (Ип., 341; П. с. р. л., IX, 167; I, 135; сл. Ип., 226), на южной окраинѣ Галицкаго княж. находились Ушица, Кучельминъ и Микушинъ. Греческіе писатели на границѣ его упоминають какую-то гору Тенуормъ (см. ихъ извѣстія въ собраніи Стриттера: «*Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, mare Caspium et inde magis ad septentriones incolentium*. T. I—IV. 1771—1779).

⁵⁾ Есть немало отрывочныхъ указаній на эту зависимость. Уже въ извѣстной рѣчи Василька (П. с. р. л., I, 113) Дунайскіе Болгаре являются въ числѣ пограничныхъ народовъ. Въ одно время нынѣшняя

ходившими чрезъ эти земли на Константинополь и Болгарію¹⁾, и прямое сообщеніе съ югомъ прекратилось²⁾, хотя происходили иногда сношенія съ Болгарією³⁾.

Румынія составляла даже одинъ изъ удѣловъ Галицкой земли, тянувшій къ Галичу [см. грамоту Иванка Ростиславича 1134 г., помѣщ. въ 1-мъ вып. «Наук. сб.» 1865; отвергать ее подлинность нѣтъ основаній: счисленіе лѣтъ отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра употреблялось, кажется, тогда въ юго-славянскихъ земляхъ. Содержаніе этого документа подтверждается и тѣмъ прозвищемъ «Берладника», которое было дано Ивану Ростиславичу]. Но мы не думаемъ, чтобы эта зависимость была постоянною и полною. Во 1-хъ, въ лѣтописяхъ эти земли ни разу почти не являются театромъ какихъ-нибудь событій галицкаго княж., а вѣдь съ начала XIII в. у насъ есть очень подробная лѣтопись галицкой земли. Во 2-хъ, мы видимъ частые проходы чрезъ эти земли Половцевъ, отправлявшихся воевать съ Венгрією (Schwandtner, I, p. 116, 130, 131, 132, 133, 141: извѣстія Туроча; см. также p. 141), Болгарами и Греками (см. у Стриттера и въ нашихъ лѣтописяхъ); едва-ли-бы они могли такъ легко пробираться чрезъ эту область, еслибы она составляла полное достояніе галицкихъ князей: послѣдніе старались-бы не пропускать Половцевъ. Какъ страдали придунайскія земли отъ Половцевъ, видно изъ словъ, сказанныхъ въ 1190 г. Черными Клобуками: «се Половци себѣ змы воюють ны часто, а не вѣдаютъ Подунайци ли есмь что ли» (Ип., 451). Несомнѣнно однако, что преобладающимъ населеніемъ въ этой странѣ было русское, родственное жителямъ галицкаго княжества и отсюда прибывавшее, быть можетъ: въ XII в. въ придунайскихъ земляхъ извѣстенъ Малый Галичъ (теперь Галачъ), о которомъ упоминаетъ арабскій географъ Эдризъ (См. ст. А. С. Петрушевича въ 1-мъ вып. «Наук. сборн.» 1865 г., стр. 37 и 40). Древнѣйшее славянское населеніе этого края, извѣстное составителю первыхъ страницъ нашей начальной лѣтописи (II. с. р. л., I, 3 и 5; прибавимъ упоминаніе Ник. и Тв. лѣт. о какихъ-то «Дуалыхъ»), было вытѣснено напоромъ разныхъ кочевыхъ народовъ, изъ которыхъ Печенѣги проникали даже въ низинную Галицію («Наук. сборн.» 1865, I, 39; «Исслѣд. Шараневича, стр. 91). Кіевская Русь, группирувавшая вокругъ себя окрестныя племена, вслѣдствіе отдаленности этихъ земель, должна была мало заботиться о нихъ; гораздо важнѣе были онѣ для основаннагося галицкаго княжества. Чрезъ эти мѣстности издавна двигались разные народы, и потому, кромѣ русскихъ, здѣсь были, остатки и другихъ племенъ. Оттого-то, вѣроятно, эти страны названы Куманією у Илано-Карпини [стр. 24: «Haec terra Comania... a meridie habet Alanos, Circassos, Gazaros, Graeciam et Constantinopolin, ac terram Iberorum, Cathos, Brutachios, qui dicuntur esse Judaei... Ab occidente autem Hungariam habet atque Russiam»], Рюбрюквуса [«Voyage en Tartarie», p. 9. c. 14. p. 50. c. 15 p. 51 въ la Relation des Voyage en Tartar, par Bergeron; онъ говоритъ о команіи сходно съ Илано-Карпини] и Фор-

Жизнь югозападной Руси билась теперь, главным образом, въ политическомъ организмѣ, заключенномъ въ очерченныхъ нами предѣлахъ. Приднѣпровье надолго сошло со сцены исторіи.

Исторія сосредоточенія югозападной Руси при Даниилѣ наглядно показываетъ, какъ далека еще была русскій народъ отъ идеи единой жизни. Съ половины XI в. наше отечество, послѣ кратковременнаго сплоченія, распалось вновь на отдѣльныя *области*, иногда находившіяся, а иногда и не находившіяся въ предѣлахъ прежнихъ племенъ; въ каж-

рія (см. выше). Греческіе писатели упоминаютъ нерѣдко о кочевыхъ народахъ, жившихъ къ сѣверу отъ Дуная (см. у Стриттера). Одно изъ преданій упоминаетъ о Румунахъ, жившихъ здѣсь во время Батыева нашествія («Записки одесскаго общества исторіи и древностей», т. II, отд. 2-е и 3-е, Одесса 1850, стр. 811), а Киннамъ и Веніаминъ Тудельскій говорятъ о Влахъ, обитавшихъ въ XII в. въ земляхъ, принадлежавшихъ къ Черному морю (см. также *Dug., lib. III, col. 265*). Народонаселеніе здѣсь носило на себѣ печать удалства (Берладники); можетъ быть, въ составѣ его было немало бѣглецовъ: Андрей Боголюбскій говорилъ одному князю: «а ты поиди въ Берладъ, а въ Руськой земли не вѣлю ти быти» (Ип., 390).—Есть основанія думать, что эти мѣстности были не особенно заселены. Въ 1144 г. Иванъ Ростиславичъ отъ Звенигорода «пробѣже сквозъ полкъ къ Дунаю и оттуда по-лемъ прибѣже ко Всеволоду Кіеву». (Ип., 226). Даниилъ и его спутники однажды «проидоша в Онути и идоша в поле» (Ип., 491; подъ «полемъ» лѣтписецъ разумѣетъ обыкновенно степь); «Льстивому Жироту рекши къ бояромъ Галичскимъ: «яко идетъ Мьстиславъ в поле, и хощетъ вы предати тестеву своему Котянню на избитъ» (Ип., 498); «идеи же Ростиславу во поле...» (Ип., 517).—Замѣтимъ, что почтенный А. С. Петрушевичъ не оставилъ безъ изслѣдованія и вопроса о наддунайской Руси (см. его ст. «Радовецко-Черновецкая епархія и святители ея. Съ краткимъ очеркомъ Запрутской и Наддунайской Руси», помѣщ. въ «Зорѣ Буковинской» 1870), но мы, къ сожалѣнію, не могли воспользоваться его трудомъ. Въ нашей литературѣ этого предмета касались И. Д. Бѣлиевъ (см. ст. его, цитир. выше—во 2 прим. на стр. 55) и отчасти Д. И. Иловайскій («О мнимомъ призваніи Варяговъ». «Русскій Вѣстникъ» 1871, № 12). Трудъ перваго написанъ по русскимъ лишь извѣстіямъ, впрочемъ—далеко не по всѣмъ, при чемъ иногда допущены неправильныя толкованія лѣтписцевъ.

¹) Шараневичъ, «Ист. гал.-вол. Руси», стр. 140, прим. 75.

²) Отправляясь въ Грецію, митр. Кириллъ шелъ на Венгрію. Ип., 537.—Войшелкъ «проселъ ити во Святую Гору; и найде ему король нуть у короли Угорьского, и не може дойти Свѣтое Горы и воротися в Болгарѣхъ» ib., 551.

³) Карамзинъ, IV, пр. 144.

дой области были города и пригороды; раздѣленіе вытекало изъ стремленія областныхъ общинъ къ самобытности. Князья своимъ семейнымъ взглядомъ на русскую землю довершали ея раздробленіе, подѣливши каждую область на множество мелкихъ княжествъ; стремленіе къ самостоятельности развилось даже въ незначительныхъ городахъ. Давиду сопротивлялся даже какой-нибудь Черторыйскъ желая имѣть собственнаго князя. Мы встрѣтились потомъ съ цѣлымъ рядомъ городовъ, пытавшихся удержать самобытность. Вездѣ Давида ожидало противодѣйствіе; только родовой его городъ Владиміръ Вол. всегда обнаруживалъ горячую преданность ему и ни разу не позволилъ себѣ сдѣлать что-нибудь неугодное своему князю. Нельзя не замѣтить также того, что тогда разпалась нѣсколько связь съ Рюриковымъ домомъ: на галицкомъ престолѣ, при содѣйствіи бояръ, нѣсколько разъ сидѣли иностранцы; нѣкоторые другія земли готовы были признать непосредственно—не черезъ князей—татарскую власть. Такимъ образомъ, сплоченіе югозападной Руси въ половинѣ XIII в. было дѣломъ одного князя, а не плодомъ народнаго къ тому расположенія, и осуществилось, благодаря необычайной энергіи, постепенности въ дѣйствіяхъ и умной осторожности его: онъ умѣлъ такъ устроить и группировать окружающія его силы, что сопротивленіе никогда не могло довести до разрушенія его дѣла.

Въ указанныхъ нами предѣлахъ Романовичи пользовались исключительнымъ господствомъ. Несомнѣнно, что въ ихъ земляхъ продолжали существовать и другія княжескія линіи. Въ лѣтописи упоминаются: Владиміръ ¹⁾ и Ярославъ ²⁾ Ингваревичи и Всеволодъ Александровичъ ³⁾. Но представители этихъ линій стали служебными князьями ⁴⁾; другого значенія и особенной силы не имѣли.

Полнаго политическаго объединенія разсмотрѣнное нами сосредото-

¹⁾ Ип., 506.

²⁾ Ibid., 501 и 521.

³⁾ Ibid., 529 и 533.

⁴⁾ Это названіе встрѣчаемъ въ лѣтописи подъ 1258 (Ип., 556). И. Н. Шараповичъ къ такимъ князьямъ причисляетъ упоминаемыхъ въ лѣтописи Василька и Мстислава Глѣбовичей, которыхъ считаетъ бѣжавшими Черниговскими князьями; причисляетъ къ нимъ также какого то упоминаемаго въ Кременцѣ Андрея (Ип., 550), но послѣднее едва ли основательно.—Мы видимъ служебныхъ князей еще въ 1229 г. (Владиміръ Пивскій. Ип., 503).

точеніе не принесло. Даниїль работавъ не въ пользу единоподержавія, а въ пользу *владычества одной семьи*. Князья, по прежнему, дѣлились землями. Даниїль съ перваго же раза уступалъ брату часть пріобрѣтеній¹⁾. Они съ дѣтства привыкли къ мысли, что Галичъ долженъ былъ принадлежать Даниїлу, а Владиміръ Васильку²⁾. Потомъ раздѣлъ земель Даниїла происходитъ еще при его жизни³⁾. Вообще до половины XIII столѣтія не было въ русскомъ мірѣ идеи о политическомъ единствѣ Руси⁴⁾.

Несмотря на то, а) князья были ближайшими родственниками; для югозападной Руси въ этомъ отношеніи возвратилось начало удѣльно-вѣчеваго періода, когда князья всѣхъ почти земель были въ ближайшемъ родствѣ между собою; б) Русь Романовичей обособилась отъ остальныхъ областей. Отдѣленіе ея было замѣтно уже со времени паденія Кіева. Теперь оно дошло до конца вслѣдствіе географическаго уединенія югозападной Руси и чуждой остальному русскому міру политики двухъ ея князей, которая навсегда столкнула ее съ дороги остальной Руси. Связь югозападной Руси съ послѣднею проявлялась теперь только въ брачныхъ союзахъ князей⁵⁾. Всѣ части области Ро-

¹⁾ Ип., 501: «братъ же да Василковъ Луческъ и Пересонницю, Берестій же ему бѣ преже дасть».

²⁾ Когда для Романовичей добывали Галичъ и Волынь, то въ первомъ садили Даниїла, а на Волыни—Василька. См. Ип., 486—487.

³⁾ Въ послѣдніе годы Даниїлова княженія Левъ является самостоятельнымъ правителемъ галицкой области. Можетъ быть, она была дана ему около 1247 г., со времени его женитьбы; одна изъ папскихъ буллъ этого года обращена не только къ Даниїлу и Васильку, но и ко Льву (Н. Р. М., I, LXVII).

⁴⁾ Такое мнѣніе высказываютъ Н. И. Костомаровъ (въ ст. о единоподержавіи) и В. В. Пассекъ.

⁵⁾ Одну изъ своихъ дочерей Даниїль выдалъ за Андрея Ярославича (въ 1250 г. П. с. р. л. I, 202), другую, по словамъ одного довольно стараго отрывка (онъ напечатанъ при лѣтописи Быховца, изд. Нарбуттомъ), онъ выдалъ за Витебскаго князя Андрея Ярославича, умершаго въ 1265 г.; но такого князя, кажется, не было тамъ въ то время; вообще весь этотъ отрывокъ невѣренъ. О родствѣ Романовичей съ Черепговскими князьями см. Ип., 562 и 569. Василько Романовичъ былъ женатъ на дочери Юрія Всеволодовича («Лѣтописецъ Руской», ч. I, 400—подъ 1226 г. Сл. Ип., 505). Она называлась Еленою (Ип., 570); въ одной изъ папскихъ буллъ (Н. Р. М., I, LXXVI) она названа Дубравкой.

мановичей, по единству положенія, имѣли общую участь. Эти два обстоятельства: ближайшая родственность князей и единство положенія тѣсно связывали отдѣльныя части.

Такимъ образомъ, со времени Данила, хотя югозападная Русь, по прежнему, дѣлилась на нѣсколько княжествъ, но послѣднія находились въ рукахъ одного рода и постоянно представляли съ тѣхъ поръ одинъ цѣльный организмъ, который И. И. Шараневичъ совершенно сираведливо называетъ Галицко-Владимирскою Русью,—организмъ, отдѣльный отъ прочей Руси.

Таково было преобразование, внесенное княженіемъ Данила Галицкаго въ политическую жизнь югозападной Руси.

II.

Не одинъ политическія перемѣны внесло въ жизнь югозападной Руси княженіе Данила Галицкаго.

Югозападная Русь издавна была одною изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ нашего отечества. Природныя ея условія весьма благоприятствовали прекрасной обстановкѣ населенія, которое въ изобиліи находило средства для пропитанія и могло снабжать хлѣбомъ сосѣднія земли¹⁾. Подобный случай занесенъ въ галицко-волинскую лѣтопись подъ 1279 г.: во время голода Литвы просили Владиміра Васильковича прислать имъ хлѣба, и оны исполнить ихъ желаніе²⁾. Развитію большей или меньшей образованности въ этой странѣ способствовало также постоянное торговое движеніе, при которомъ она являлась промежуточною, проходною областью. Стѣды его замѣчаютъ уже въ гла-

¹⁾ Г. Трубецкой (*La Russie rouge*. Par. 1860, p. 20) говоритъ о равнинѣ Червоной Руси, что она «a de tout temps été le grenier de pays environnans, qui tous cherchent à s'en rendre maîtres»: Симеонъ Старовольскій, польскій географъ XVII в., говоритъ: «*Russia rubra—Nobilissima haec provincia, lacte et melle abundans...*» («*Gränzen*» Д. П. Зубрицкаго, S. 17). По словамъ Дауромы (*lib. I, col. 48*), «*Ruthenorum regio apud oram, quae haecenus Podolia nuncupatur, adeo agro perhibetur ferax, ut cum semel satae fruges fuerint, recidentibus subinde seminibus, segetem novantibus alterae messes sine satione provenientes*». Мы могли-бы привести немало подобныхъ описаній.

²⁾ III., 580.

бокой древности ¹⁾; въ средніе вѣка оно продолжалось. По розысканіямъ Даниловича, въ XII в. Регенсбургскіе купцы отправлялись въ Кіевъ чрезъ Емсъ и Вѣну за покупкою мѣховыхъ товаровъ, которыхъ Кіевъ считался тогда складочнымъ мѣстомъ. Раньше немного, у Мартина Галла, находимъ извѣстіе, что Польша дѣлалась извѣстною преимущественно только потому, что чрезъ нее проѣзжали въ Русь иностранные купцы. Наши лѣтописи также говорятъ объ этихъ иностранныхъ купцахъ, называя ихъ латинною. Въ половинѣ XIII столѣтія многіе Бреславльскіе, польскіе и австрійскіе торговцы, узнавъ отъ нашихъ пословъ, что они ѣхали въ Татарію, отправились съ ними ²⁾. Южнѣе мы замѣчаемъ оживленное торговое движеніе по судоходному еще тогда Днѣстру: ниже Кучелемина ³⁾ ходили лоды къ Олешню, находившемуся на нижнемъ теченіи Днѣпра; на возвратномъ пути въ Галичъ онѣ возили рыбу и вино ⁴⁾. Отъ устья Днѣстра, вѣроятно, русскіе ку-

¹⁾ См. «Kritische Blicke» Шараневича, S. 23, 29—30. Не послѣднюю роль при этомъ играло обиліе водныхъ путей. По исчисленію Чацкого, на Волынѣ и Полѣсѣ болѣе 4800 рѣкъ. См. «Вол. Губ. Вѣд.» 1862, ст. «О судоходныхъ и сплавныхъ рѣкахъ Вол. губ.»—О сообщеніи съ Польшею по рѣкамъ, протекавшимъ по сѣверной окраинѣ Даниловыхъ земель, см. въ ст. Ходаковского: «Пути сообщенія въ древней Россіи» («Русскій истор. сборн.», т. I, М. 1837, стр. 11) Въ г. Владимірѣ въ XII в. упоминается *увозъ* (мѣсто приставанія и выгрузки судовъ), какъ и въ Кіевѣ (Ип., 206 и 207).

²⁾ М. П. Погодина «Исслѣдованія», VII, 306—308. «Собр. путеш. къ татар.», стр. 217.—Прибавимъ, что, по словамъ Татищева (II, 241), въ 1129 г. Поляки ограбили ѣхавшихъ изъ Моравіи купцовъ. О нѣмецкихъ и моравскихъ купцахъ въ Кіевѣ упоминаетъ и «Слово о полку Игоревѣ».

³⁾ И. И. Шараневичъ указываетъ Кучермыкъ, лежащій невдалекѣ отъ Днѣстра на одномъ изъ притоковъ Прута. Находится еще, говорить онъ, «осада подобнаго названія Кучурмаре на ростокахъ межъ Прутомъ а Серетомъ и Сочавою» («Исслѣд.», 83).

⁴⁾ Ип., 491.—Олешье—тепер. гор. Алешки, расположенный на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ 103 верстахъ отъ впаденія его въ море. «Зап. Од. общ. ист. и др.», III, 217—220. Въ спискѣ русскихъ городовъ, помѣщенномъ при Воскресенской лѣтописи, при устьѣ Днѣстра упоминается Бѣлгородъ. (П. с. р. л., VII, 240). Онъ существовалъ уже въ XII стол. Если Аклиба Эдриси—Бѣлгородъ, то владѣнія Половцевъ въ полов. XII в. простирались до этого мѣста. «Зап. Од. общ.», т. III, стр. 45. Есть попытка приурочить къ послѣднему и *απλο-χατιρον* Констан. Порфиророднаго. Ibid., 452 и 453.

печескія лодыя направлялись къ Дунаю, гдѣ мы встрѣчаемъ ихъ во второй половинѣ XII в. ¹⁾ и гдѣ первымъ городомъ отъ моря на лѣвой сторонѣ этой рѣки былъ Малый Галичъ (Галачъ). Тутъ они запасались греческими и болгарскими товарами. Туда-же прибывали и венгерскіе товары. Какъ извѣстно, Святославъ сильно плѣнился такою центральною придунайскихъ земель по отношенію къ торговлѣ: «то есть середѣ въ земли моей, говорилъ онъ, яко ту вси благая сходятся». Какъ значительно была развита морская торговля Галичанъ, можно видѣть изъ того, что, при сборѣ на Днѣпрѣ противъ татаръ въ 1224 г., отъ Галичанъ явилось 1000 людей съ выгонцами ²⁾. Въ этой торговлѣ галицкая Русь поставляла немалую собственныхъ продуктовъ. Въ лѣтописи упоминаются хлѣбъ ³⁾ и соль, добываніе которой, сколько можно замѣтить, производилось въ обширныхъ размѣрахъ. Соляные промыслы около Коломыи князья держали для раздачи оруженникамъ ⁴⁾. Въ началѣ XII столѣтія вся Русь получала соль изъ галицкой земли ⁵⁾. Кромѣ

¹⁾ Ип., 341.

²⁾ Иб., 504. Слово «выгонцы» у Татищева (III, 435 и 437) замѣнено «пѣхотою». Въ Никон. (II, 351): «ихъ вицше двою тысящъ людей». Галицкая земля была извѣстна даже Скандинавамъ подъ именемъ Галсен или Галатин (Ogvar Olds Saga, с. 36, цит. у Сума въ его ст. о Галиціи и Лодомирѣ, стр. 19) и христіанскому Нубійскому географу, писавшему въ половинѣ XII стол. (цит. *ibid.*, стр. 2).

³⁾ Ип., 491: «Бывшу же гладу велику, пондоша возы к Плаву на кануи святого Димитрія вземше возы накорынишася изобилно».

⁴⁾ Ип., 525. По мнѣнію О. И. Буслаева («Историч. христ.», М. 1861, столб. 580), «оружники» — вѣроятно, тѣ, которые были на возахъ или колахъ (слич. *оружіе* — колесница). Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ лѣтописи (Ип., 510) оруженники изображаются стоящими на городскихъ стѣнахъ. А. С. Петрушевичъ сближаетъ это слово съ терминами: *armatus*, *hastatus*, *доруборосъ* и какъ-бы полагаетъ, что имъ обозначалась гвардія. «Наук. сборн.» 1865, III, 177. Еще упоминаются въ лѣтописи «Соли» (Ип., 550) и соляные промыслы въ Удечѣ (Иб., 358); гдѣ находился послѣдній, намъ неизвѣстно (см. «Ист. др. Гал.-р. княж.» Д. И. Зубрицкаго, II, стр. 106).

⁵⁾ Въ Печерскомъ Патерикѣ, въ житіи св. Прохора, поставленнаго игуменомъ Печерской обители въ 1112 г., читаемъ: «не пустиша гостей изъ Галича и Перемишля, и не бысть соли во всей русской земли». М. П. Погодина «Извѣд.», VII, 308. «Гал. Наук. Сб.» 1865, I, стр. 42.

того, могло отпускаться значительное количество мѣховъ¹⁾ и меду²⁾. Процвѣтало и скотоводство³⁾. И вотъ мы видимъ, что эта часть Руси была обильно населена⁴⁾ и покрыта множествомъ городовъ⁵⁾. Обитатели

1) Анонимъ потарій Бѣлы передаетъ, что Альмъ былъ падѣленъ отъ Владимірскаго князя *«rellibus et rallus non numeratis»* (Schwandtner, I, 9). Звѣри водилось много въ то время. Мы нерѣдко встрѣчаемъ извѣстія объ охотѣ князей. Володаръ былъ схваченъ на охотѣ (Periz, Mon. g. h., XX. Peribordus). См. также Ип., 226, 550, 558, 596. Никита Хоніатъ говорить объ Андроникѣ (см. ниже), что, во время пребыванія у галицкаго князя, онъ занимался, главнымъ образомъ, охотою, бѣганіемъ въ запуски и убіеніемъ зубровъ. *Ζῆλοντος διελευρόμενος δόραι, ζῶον δὲ οὐδὺς τὴ μέγιστος ὑπὲρ ἄρχιον μυθικὴν, καὶ πάρδαλιν σικκὴν, κατὰ τοὺς Ταυροσκούθας φυόμενον μάλιστα καὶ τρεφόμενον.* Зубровъ было немало въ Подоліи еще въ Кромерово время (въ XVI в.), и въ *«Polska Kromera»* описывается даже особенная охота на нихъ.

2) «Исторія русской торговли медомъ идетъ отъ глубокой старины. Скиоскіе купцы, по свидѣтельству Геродота, еще до Р. X. высылали за границу медъ и воскъ. На памяти исторіи Русь сбывала медъ въ дунайскій Переславль, въ Грецію, въ Хозарамъ и на дальній Западъ». (Прыжовъ, Исторія кабаковъ въ Россіи, стр. 10).

3) Въ землѣ Белзской и Червенской Василько захватилъ однажды «многои плены, стада коньска и кобыльа» (Ип., 498). См. также Ип., 533.—Владиміръ Васильковичъ «стада роздалъ убогимъ людямъ...» (Ип., 601). По словамъ упомянутаго нами Анонима, Владимірскій князь далъ Альму *«tercentos equos cum sellis et frenis, et XXV camelos, et nulle boues ad onera portanda;»* въ Галицію Альмъ получилъ *decem farisinos optimos, et CCC equos cum sellis et frenis.* (Schw., I. c.); потомъ галицкій князь ему еще *«pecudes ad victum condonavit sine numero»* (ib., 10).—По извѣстію, находящемуся у Татищева (III, 436), у Мстислава Удалаго, во время похода въ 1223 г. противъ татаръ, было 10000 человекъ конницы—цифра по тому времени довольно значительная.—Въ глубокой древности территорія галицкой Руси поставляла для торговли тѣ же продукты, чтò и въ удѣльное время: пшеницу, рыбу, соль, воскъ, медъ, мѣха, кожи. «Зал. Од. Общ.,» т. II, ст. Беккера: «Тирась и Тириты,» стр. 446—447. Сл. т. III, стр. 186.

4) Въ лѣтописи нерѣдко упоминается взятіе «великаго полона». См., напр., Ип., 516. У Перемышля въ 1150 г. были «села многа» (ib., 282). Кадлубекъ говорить о дѣтяхъ Казиміра (II, p. 110): *«adest Parvulorum subsidio Ducis de Wladimir Romani pia miseration non cum parva Ruthenorum numerositate.*

5) Мы насчитали по галицко-вол. лѣтоп. въ періодъ отъ 1205 г. до татарскаго нашествія до 50 городовъ въ галицкой области и на Волини. О Батѣѣ говорится, что онъ взялъ, кромѣ Колодыжна, Изл-

ей отличались зажиточностію. О Данилѣ и Васильѣ говорится, что они дали Михаилу Черниговскому «пшеницѣ много, и меду и говяжь и овцѣ доволѣ¹⁾». Здѣсь весьма встаетъ привести слѣдующія слова Шейнохи: «До разоренія русскихъ земель татарами, онѣ принадлежали къ богатѣйшимъ странамъ Европы. Въ то время, когда западныя страны находились еще въ далеко незавидномъ положеніи, жили въ варварствѣ и бѣдности, пространство между Днѣпромъ и Днѣстромъ славилось

славя, Каменца, Галича, Червна, Владиміра, «иныя грады многи, им(з) же нѣсть числа» (Ип., 523; сл. под. же въ Никоп. III, 9). «И жалѣшася... и о взятѣи градъ множества отъ иноплеменикъ (Ип., 524). — Не безъинтересно здѣсь привести еще одно свидѣтельство Татищева. Рассказывая о походѣ русскихъ въ 1223 г. противъ татаръ, онъ перечисляетъ по землямъ количество собравшихся войскъ (III, 436). Неизвѣстно, откуда онъ почерпнулъ о томъ свѣдѣніи, но несомнѣнно, что онъ не выдумывалъ: подводи итогъ, онъ добросовѣстно выставилъ найденную имъ въ источникѣ цифру, а въ скобкахъ замѣчаетъ: «по моему же» столько-то. Вотъ его слова: «Князь Великій исчислилъ все войско, которыхъ съ нимъ было Кіевскихъ, Переяславскихъ, Городенскихъ, Черныхъ Клобуковъ и Порослицъ 22500, со Владиміромъ Юриковичемъ Смольянь и Туровцовъ 13800, съ княземъ Мстиславомъ Черниговскимъ и Сѣверскимъ 21300, да Вятчъ 2000, со княземъ Мстиславомъ Галичапъ, Владимирцовъ, Лучанъ и Подунайцовъ 23400, и прочіе младшіе князи, съ ними всего 103000 (по моему 89950), какаго русскаго войска давно вкупѣ не было. По этому перечню, наибольшій отрядъ выставила занимающая насъ мѣстность. Лѣтописи почти не представляютъ данныхъ для повѣрки этого извѣстія Татищева. По словамъ Лаврентьевской (П. с. р. л. I, 189; сл. VII, 132), послѣ Калкской битвы «глаголаху же сице, яко единѣхъ Кіанъ изгibe тогда 10000»; въ Троицкомъ спискѣ читаемъ: «а изъ Смоленска на Зарубъ 100 мужъ» пришло (П. с. р. л., I, 217), но тамъ замѣтно искаженіе; по словамъ Карамзина (т. III, прим. 298), «въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Владиміръ Юриковичъ привелъ изъ Смоленска 400 человекъ».

¹⁾ Ип., 521. При этомъ Галичъ былъ богаче Волыни. По словамъ Анонима Нотарія, примѣнимымъ, какъ мы сказали въ I-й гл., къ XIII в., Альмъ получилъ отъ Владимірскаго князя, между прочимъ, 2000 марокъ серебра и 100 марокъ переплавленного (т. е. чистаго) золота, а отъ галицкаго — 3000 марокъ серебра и 200 марокъ золота и прекраснѣйшія одежды (Schwandtn., I. c.) — «Марка тоже, что древняя русская гривна, или полуфунтъ золота или серебра» (замѣчаніе переводчика ст. Сума, стр. 9). — Въ былинахъ Волынь и галицкая земля представляются странами несмѣтнаго богатства и роскоши «Р. Вѣсти.», т. XXI, ст. Ѳ. И. Буслаева: «Русск. бог. эн.», стр. 534, 536 — 537, 542 — 543.

богатствомъ и всякою роскошью, какая только была извѣстна въ тог-
дашнее время... какимъ великолѣпнымъ городомъ былъ этотъ Кіевъ, съ
золотыми воротами, съ четырьмястами церквей, съ осью торговыми
площадями, безчисленными своими жителями, Кіевъ, сокровищами ко-
торого Болеславъ Храбрый озолотилъ всю Польшу, и который своею
роскошью и прелестями плѣнилъ и изнѣжилъ Болеслава Смѣлаго! Сколько
золота, серебра, драгоценностей предложилъ въ даръ Лешку Бѣлому
Галичъ! Съ Кіевомъ и Галичемъ соперничали многія мѣста, отъ кото-
рыхъ, съ теченіемъ времени, остались одни имена или нѣмныя развалины.
Даже въ позднѣйшее время, подъ убогими «стрѣхами» упавшаго и
разореннаго Кіева, видѣлись предметы роскоши, какіе въ другихъ
мѣстахъ можно было встрѣтить развѣ въ барскихъ палатахъ; шелко-
вые матеріи можно было встрѣтить чаще, чѣмъ льняныя издѣлія въ
Вильнѣ (sic), а перецъ чаще, чѣмъ соль въ Польшѣ. Предъ паденіемъ
Константинополя отъ турокъ и предъ нашествіемъ татаръ это, безспорно,
были одніи изъ богатѣйшихъ странъ Европы 1).

Споры между претендентами за обладаніе Галичемъ и Волиныю въ
первой четверти XIII столѣтія должны были значительно повліять на
благосостояніе народонаселенія. Въ это время Половцы частенько на-
чали заглядывать на югозападъ, куда ихъ приводили боровшіяся сто-
роны 2); вмѣстѣ съ Половцами, приглашаемы были иногда и другіе
степные народы; не могли щадить русской земли и остальные иноземцы 3).
Прибавимъ сюда набѣги литовскаго племени, особенно усилившіеся
послѣ смерти Романа, о которыхъ будетъ сказано ниже. Но все это
было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что потерпѣла югозападная Русь
отъ татаръ. Особенно гибельно было первое ихъ нашествіе (въ 1240
и 1241 гг. 4), когда они двигались по русской землѣ цѣлою мас-

1) «Jadwiga i Jagiello», t. III, str. 74—75.

2) Ип., 480, 485, 493, 498, 503, 507, 513, 516.

3) См., напр., о Полякахъ Ип., 482, 488, 490, 492; несомнѣнно,
что не обходилось безъ опустошеній и во время другихъ приходовъ
Поляковъ въ русскую землю.

4) Кіевъ былъ взятъ 6 дек. 1240 г., и въ праздникъ Рождества
Хр. о томъ знали уже въ Венгріи (Szalay, II, 42). Въ Польшу татары
вторглись въ началѣ 1241 г.; Батый думалъ было оставаться въ юго-
западной Руси и дольше, но былъ отклоненъ Даниловымъ тысяцкимъ,
плѣненнымъ въ Кіевѣ. Ип., 523.

сою ¹⁾, опустошили ее до Берестя ²⁾ и потомъ чрезъ нее возвращались нѣсколько разъ изъ Польши ³⁾. Картина страшнаго разоренія югозападной Руси во время татарскаго нашествія, мы думаемъ, рисуется въ головѣ читателя сама собою. Мы приведемъ нѣсколько словъ изъ лѣтописи. «Данилови же со братомъ пришедшу ко Берестю, и не возмогоша яти в поле, смрада ради множества избѣженныхъ: не бѣ бо на Володимѣрѣ не осталъ живый, церкви святой Богородици исполнена трунъ, иныя церкви наполнены быша труни и телеса мертвыхъ ⁴⁾». Когда Пляпо-Карпини проѣзжали по югозападной Руси, то видѣли по стени безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ ⁵⁾.—Въ 1243 г., на возвратномъ пути изъ Венгрии ⁶⁾, татары вновь «воеваша до Во-

¹⁾ См. слова Рогерія ар. Schwandtn. I, 299.—Главная масса шла на Житомиръ («Вол. губ. вѣд.» 1847, цитир. въ «Очеркѣ исторіи правосл. ц на Волыни, Спб. 1855,» стр. 10), затѣмъ на Колодяженъ, находящійся въ теперешнемъ Новоградвол. у. (опроверженіе довольно распространеннаго мнѣнія, что слѣд. читать «Ладжины», находящійся въ Подольской губ., см. въ «Историч. оч. Волыни» Л. Крушинскаго, помѣщенномъ въ I-ю вып. «Трудовъ Вол. губ. статист. комит.» Житомиръ 1867. Стр. 43); прибавимъ, что послѣ Колодяжна татарами былъ взятъ Каменецъ (см. I-ю гл.) и Изяславъ; изъ Новоградволинска они направились къ Кременцу, затѣмъ во Владиміру, послѣ чего опять повернули на югъ.—на Галичъ (Покутье осталось тогда не тронутымъ [Шарниевича «Изслѣд.», 50], а было разорено немного позже [ib., 53]). Самымъ западнымъ изъ русскихъ городовъ, разрушенныхъ татарами и названныхъ въ лѣтописи, былъ Червенць (Ник. III, 9; о Галицѣ, упоминаемомъ тамъ же, см. догадку у Барсова, стр. 48). Русскую границу Батый переступилъ надъ Вепремъ. Слѣды его шествія до сихъ поръ не изгладились на Волыни: одинъ изъ ключей въблизи с. Дермани (въ Дуб. у.) и теперь называется «Батыевкою». См. «Волын. губ. вѣд.» 1867, № 1.

²⁾ Дорогичина, повидимому, разрушеніе не коснулось. См. Ип., 524. — Подъ Холмомъ татары были, но «не возмогоша прияти» (ib., 558). — Не знаемъ, на чемъ основать свой рассказъ о взятіи Гродна г. Радзивишевскій (см. стр. 4—5 его «Историч. описанія г. Гродно»). — По словамъ Пляпо-Карпини (см. 154 стр.), идя на западъ отъ Кіева, татары опустошили всю русскую землю; подобное говорить и наша лѣтопись (Ип., 558).

³⁾ Dlug., lib. VII, col. 670, 672.

⁴⁾ Ип., 524.

⁵⁾ Стр. 154.

⁶⁾ Ип., 527: «Данилови же и Василку женушу по немъ (гово-

лодавы и по озерамъ, много зла створше ¹⁾—Затѣмъ, давши 10-лѣтній отдыхъ ²⁾, они начинаютъ опять тревожить югозападную Русь, сначала—юговосточныя только окраины ея ³⁾; потомъ небольшой отрядъ отъ Луцка проикъ было уже ко Владиміру ⁴⁾. Въ 1258 г. ⁵⁾ татары проходили черезъ Русь, идя на Литву ⁶⁾. Въ 1259 г. они прошли чрезъ значительную часть югозападной Руси и затѣмъ отправились на Польшу: изъ Люблина они двинулись къ Завихвосту, переправившись

рится о Ростиславѣ), вѣсть приде ему, яко Татарове вышли суть и(зъ) землѣ Угорскоѣ, идуть в землю Галичкую».

¹⁾ Ин., 528.—Лѣтописецъ говоритъ о татарахъ, что они въ Венгріи «стояша по побѣдѣ три лѣта» *ibid.*, 523. Къ 1243 же году отнесень отходъ татаръ изъ Венгріи и въ *Chronicon Claustro-Neoburgense* и др.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ лѣтописей сохранилась легенда о второмъ походѣ Батия въ Венгрію; см., напр., Ник. III, 27—30. Отзвѣтъ о ней см. у Карамзина.

³⁾ Подъ 1255 г. (вѣроятно, вм. 1254) лѣтопись (стр. 550) говорить о двукратномъ приходѣ Куремсы къ Бакотѣ и о воеваньи около Кременца.

⁴⁾ Наша лѣтопись не говоритъ о томъ, что во время этихъ походовъ татары проникали до польскихъ границъ, равно какъ не говорятъ о набѣгахъ на Польшу въ то время и западные annals. [Въ *Annal. Polon.* I, IV, въ XIX томѣ Нертца (стр. 634—635), набѣгъ татаръ на Польшу 1259 г. прямо названъ *secundus adventus*], но есть нѣсколько актовъ, упоминающихъ о татарскихъ опустошеніяхъ за этотъ періодъ; см. въ «*Gesch. Pol.*» Реппеля S. 525; въ одной ганской буллѣ 1254 г. (Н. Р. М., I, XC) говорится о татарахъ, старающихся занять и опустошить Ливонію, Эстонию, Пруссію и др. земли Тевтонскихъ рыцарей.

⁵⁾ Подъ этимъ годомъ татарскій походъ на Литву поставленъ въ лѣт. Новгор. (П. с. р. л., III, 56), Никоновской (III, 39) и Воскресенской (П. с. р. л., VII, 162) и въ Софійскомъ Временникѣ. Сохранились упоминающія о немъ ганскія буллы того года.

⁶⁾ Литовскія лѣтописи передаютъ три довольно сходныя между собою извѣстія о столкновеніяхъ литовцевъ съ татарами, при чемъ, по ихъ словамъ, татары потерпѣли поражение во все три раза (Stryk., I, 238—239, 247—248 и 249—251). Едва ли-бы русскія лѣтописи преминули упомянуть о такомъ важномъ событіи. Въ чемъ состоитъ историческая основа этихъ сказаній, трудно рѣшить. Не изображаются ли въ нихъ позднѣйшія столкновенія съ монголами? По словамъ Стрыйковского, послѣ битвы съ татарами, Скирмунтъ завоевалъ Черниговскую и Сѣверскую земли; потомъ онъ раздѣлилъ земли такъ: Любарту далъ

черезъ Вислу, взяли Сендомиръ и городъ Лысць¹⁾. Отъ латов-

княжество Карачевское и Черниговское, Писсимунту—Туровъ и Стародубъ, Тройпату—землю Новгородскую, Подляхию и Повилійскую Литву. Разсуждая о басняхъ, изобрѣтенныхъ лит. лѣтописцами, Лелевель говорить: «Ce sont donc des faits imaginés à la ressemblance des événements postérieurs qui se sont réellement passés... Skirmund est le conquérant des mêmes pays que, plus tard, Gédimin a conquis. Lubart, fils de Skirmund, possède Tchernigov et Starodoub, de la même manière que Lubart, fils de Gédimin, les a possédés encore du temps de Vitold». (Франц. переводъ его соч. «Dzieje Litwy i Rusi»). Одинъ изъ «Заволжскихъ царей», воевавшихъ съ Литвою, названъ Kurdaskierej; не скрывается-ли подъ нимъ какой-нибудь Крымскій ханъ (Гирей)? Мы думаемъ, что и разсказъ о битвѣ Скирмунта съ русскими князьями (Strijk., I, 243—244) представляетъ искаженіе недоданныхъ до насъ извѣстій о борьбѣ Литвы съ Волиньскимъ княземъ Мстиславомъ Даниловичемъ въ концѣ XIII в. или въ началѣ XIV. Тогда въ самомъ дѣлѣ Литвою могли быть взяты Туровъ и Пинскъ. Тоже мы думаемъ и о разсказѣ о битвѣ съ русскими князьями Рынгонта Альгимунтовича (ib., 251—252); Святославъ Кіевскій послѣдняго сказанія не Станиславъ ли, упоминаемый литовскими лѣтописями при взятіи Кіева; а Левъ Владимірскій не Левъ ли Даниловичъ?

1) Ин., 562—565. О Лысцѣ см. у Ходаковского («Русскій ист. сб.», VII, 237). Объ этомъ татарскомъ набѣгѣ на Польшу подъ 1259 г. упоминаютъ: Annales capituli Cracov. (Pertz, XIX, 600), Annal. Polon. I, IV (ibid., 634—635), Анонимъ (у Коммерсберга II, p. 82—83) и Башко (ibid., 73); послѣдній точно обозначаетъ время нашествія: «ante festum S-ti Andree», и его показаніе цвѣторилъ Длугосъ (lib. VII, col. 757), т. е., по ихъ мнѣнію, это случилось въ концѣ 1259 г.; при этомъ Башко говоритъ, что татары оставались въ Польшѣ «pluribus diebus». Можетъ быть, послѣднее обстоятельство (что татары могли пребыть въ Польшѣ до начала 1260 г.) подало поводъ другимъ анналамъ отнести набѣгъ къ 1260 (Chronici Silesiae vetustissimi fragmentum — у Коммерсб. II, 17; Annales Wratisslaw. — у Pertz'a XIX, 528; Annales Silesiae superiores—ib., 553; Annal. Polon. III—ibid., 635). О томъ, что это не былъ новый набѣгъ, свидѣлствуетъ тождество подробностей съ тѣми, которыя находимъ въ описаніи нашествія 1259 г. Длугосъ не понялъ этой тождественности и принялъ второй набѣгъ татаръ на Польшу — въ 1260 — вслѣдъ за первымъ (lib. III, col. 760—761). * Коммерсъ полагаетъ взятіе Сандомира 2 іюня. Въ одной папской буллѣ (Pertz, XIX, 681—682) о татарахъ говорится, что они напали «in festo purificationis beate Marie sub anno Domini». Ренелъ полагаетъ, что это случилось въ маѣ и іюнѣ 1259 г. (S. 526); см. разсужденіе о томъ.

• Наша лѣтопись, равно какъ и всѣ польскіе анналы, говоритъ объ одномъ походѣ на Литву.

сихъ опустошеній югозападная Русь терпѣла также и въ это время ¹⁾).

При всемъ томъ, въ княженіе Данила Галицкаго она успѣваетъ оправиться и вновь достигнуть значительно цвѣтущаго состоянія. Она опять является сравнительно плотно населенною страной ²⁾. Дѣло въ томъ, что, хотя Плато-Карпини и говоритъ, что большая часть Русскихъ въ этихъ краяхъ была избита или уведена въ плѣнъ татарами ³⁾, вообще истребленіе здѣсь народонаселенія должно было быть гораздо меньшимъ, чѣмъ въ другихъ русскихъ краяхъ. Находившіяся по близости лѣсistyя Карпатскія горы представляли надежное убѣжище туземцамъ этихъ странъ уже во времена древнѣйшихъ народныхъ движеній ⁴⁾; такую же службу они сослужили и теперь. Возвращаясь домой отъ венгерскаго короля послѣ неудавшагося сватовства и остановившись почевать въ Синеводскомъ монастырѣ, Данилъ, проспавшись, «видѣ множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ Татаръ ⁵⁾»; къ этому же

же у Нарушевича (t. V, ks. 1, nota 148). Польскіе анналы (Бапко и иѣк. др.) говорятъ, что Сендомиръ былъ взятъ вслѣдствіе вѣроломства русскихъ князей, бывшихъ съ татарами, именпо: Василька, Льва и Романа, а Длугошъ, раскрывши это, представляетъ довольно подробный разсказъ, который повторенъ и Репеллемъ (S. 526). Что касается Романа, то его тогда не было въ живыхъ (см. въ главѣ объ отношеніяхъ къ Литвѣ); а въ неблагородномъ поступкѣ Василька и Льва (особенно перваго) мы сомнѣваемся (лѣтописи ни словечка не говорятъ о какомъ-нибудь участіи русскихъ при взятіи Сендомира), хотя несомнѣнно, что Сендомиръ былъ взятъ какою-то хитростію: о пей упоминаютъ многіе анналы. Намъ кажется наиболѣе близкимъ къ истинѣ разсказъ анналовъ Sanctae crucis (P. XIX, 681), приписывающій хитрость однимъ татарамъ. — Нѣкоторыя лѣтописи говорятъ о вторженіи въ Польшу подъ 1259 г. (Pertz IX, 795; 560), а подъ 1260 упоминаютъ о столкновеніи татаръ съ рыцарями въ Пруссіи и о пораженіи первыхъ (ibid., 644; 795).

¹⁾ См. ниже.

²⁾ Говоря въ одномъ мѣстѣ объ «останкѣ Галичанъ» (Ип., 526), тѣмъ не менѣе въ другомъ мѣстѣ она упоминаетъ о взятіи Литвою «великаго полона» (ib., 530); подъ 1249 г. (вм. 1245) въ Инатскомъ см. около Перемышля упоминаются «тѣземельцѣ многи» (стр. 532).

³⁾ Стр. 10.

⁴⁾ Szaraniewicz, «Kritische Blicke...», S. 115.

⁵⁾ Ип., 523. — Не сюда-ли спасались изъ Кіева и тѣ, о которыхъ

времени относить основаніе извѣстной Почаевской лавры: говорятъ что удалившіеся изъ Кіева монахи укрылись въ находящихся вблизи ея горахъ ¹⁾. Кромѣ уцѣлѣвшаго стараго населенія, въ югозападную Русь явилось много новаго. Одни приходили по зову Даниїла; таковы были, Русскіе сосѣднихъ областей, Ляхи, Нѣмцы ²⁾; по словамъ лѣтописи, они шли въ Холмъ «день и во день» ³⁾. Другіе прибывали, зная дружественный характеръ князя, падѣясь подъ его покровомъ вести болѣе счастливую жизнь, чѣмъ какую вели въ своемъ отечествѣ; къ числу такого рода переселенцевъ принадлежали Ляхи, уходившіе въ Русь еще до татарскаго нашествія ⁴⁾ и послѣ него: незадолго до Ярославской битвы «нарочиты бояре и нини Лиховѣ избѣгли бѣху изъ земли, хотѣще ити къ Данилови» ⁵⁾; бѣжали многіе и изъ татарскихъ областей ⁶⁾. Въ югозападной Руси въ то время было лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, и потому сюда устремились Черниговскіе бояре ⁷⁾ и заходили князья изъ Рязани ⁸⁾. Были и насильно приведенные поселенцы. По взятіи и разрушеніи Возвыгя, Даниїлъ «люди изведе и вдасть я на подѣль, ово брату си, ово же Львови, другия Шварнови» ⁹⁾. Въ

въ Воскресенской лѣтописи (П. с. р. л., VII, 153) сказано, что они «бѣжаша въ даліяны страны»? Съ Михаиломъ возвратились въ Кіевъ «всп людѣ», и «еже бѣху разбѣглися на чужен земли придоша на свою землю».

¹⁾ «Волинскія епархіальныя вѣдомости» 1867, № 2, стр. 27—31.— Сл. «Staroż. polska», t. II, str. 902

²⁾ Нѣмецкія ворота упоминаются въ Галичѣ еще до татарскаго нашествія (Пл., 518).

³⁾ Пл., 558.

⁴⁾ См. Hist. Russiae Monim., I, XXXV.—Въ грамотѣ вдовы Лешка Бѣлаго, Гремиславы (1230 г.; у *Nakielski*, Мсч. р. 152), читаемъ: «nobis et eisdem testibus ad colloquium procedentibus cum duce Conrado et militibus per eum olim puls de Polonia tunc autem per filium ejus de Russia revocatis secus pontem fluminis cui nomen Radomera pertractandum». См. у Коерелля. Есть нѣсколько поселеній, названіе которыхъ имѣетъ связь съ Мазовіею и Кулвиею, но неизвѣстно, когда они основаны.

⁵⁾ Пл., 531.

⁶⁾ Не одного ли изъ такихъ бѣглецовъ падѣлялъ Левъ имѣніями? Парушевичъ (t. V, notab. do ks. II) говоритъ: Львовъ «przywieleu nadajacy w Samborszczyźnie dobra niektóre Sienkowi Tatarzynowiczowi w roku 1265. Widzieć w archiwum koronnym».

⁷⁾ Пл., 525.

⁸⁾ Ibid. 527.

⁹⁾ Ibid., 556.

галицкой области есть нѣсколько мѣстностей, названія которыхъ указываютъ на то, что тамъ были посажены плѣнные, взятые у разныхъ литовскихъ племенъ ¹⁾. Мы думаемъ, что большая часть этихъ поселеній была основана при Даниилѣ, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя напоминаютъ Ятвяговъ и Пруссовъ; послѣ Даниила война съ Ятвягами почти не было, а съ Прусами югозападная Русь столкнулась во время Ятвяжскихъ войнъ также при этомъ князѣ ²⁾; описывая эти походы Даниила, лѣтописъ нѣсколько разъ упоминаетъ о взятіи имъ нѣкоторыхъ ³⁾. — Послѣ татарскаго нашествія нѣкоторые города потеряли свое прежнее значеніе, напримѣръ старинные Звенигородъ ⁴⁾ и Тереховъ, а нѣкоторые совсѣмъ, быть можетъ, исчезли. Взамѣнъ ихъ является цѣлый рядъ городовъ, построенныхъ Данииломъ. Изъ словъ о томъ лѣтописи ⁵⁾ можно заключать, что этихъ городовъ было много, но намъ извѣстны очень немногіе. Несомнѣнно Данииломъ основанъ, какъ на то указываетъ самое названіе, впервые являющійся при немъ городъ Даниловъ ⁶⁾; по всей вѣроятности, имъ же построенъ Исто-

1) Близъ стариннаго села Райтаровичъ и близъ Рудокъ есть села, называемыя Jaiwiesci; есть еще третье село этого названія, находящееся на р. Бобркѣ; потомъ встрѣчаемъ нѣсколько поселеній съ названіемъ Прусы (около Кракова, Самбора, Львова), находимъ Прусые около Равы, Прусинновъ около Сокаля; около Подгаецъ есть Лигвиновка, около Комарна — Литовка (Шараневичъ, «Издѣд.», 84, 87, 91). Въ одномъ документѣ XV стол. упоминается «Старый Литвинновъ» («Rys wewnętrznych stosunków Gal. wschodniej. Szaraniewicza. Lwów, 1869», стр. 53, в. 72). Въ Кременецкомъ уѣздѣ Волынской губ. видимъ (лѣсъ) Пруски, Литовица («Русскій ист. сборн.», VII, 70); въ Острожскомъ у. — «Пруски», въ Ковельскомъ — «Жмудча», въ Луцкомъ — «Литва» (см. выше цитиров. карту Главн. Штаба). По постраціи 1616 г., къ Холмскому воеводству принадлежала дер. «Жмудь».

2) См. въ главѣ объ отношеніи къ Литовцамъ.

3) Ил., 538, 539, 553 — Замѣтимъ при этомъ, что въ Кременецкомъ уѣздѣ мы нашли «Угорскіе», въ австрійской Галиціи — «Угрикъ», въ Минской губ. — «Угриничи» (цитиров. выше карта, л. 16 и 17), надъ р. Ливцемъ — «Венгровъ».

4) Сл. «Старод. Гал. гор.», ч. I, стр. 21.

5) Ил., 570: «созда города мнози»; 560: «бѣ бо грады инши зждай (крѣмъ Холма) противу безбожнымъ татаремъ».

6) Ил., 523: о немъ упоминаетъ и Плато-Карпини (стр. 10); потомъ Даниловъ былъ разбитъ (Ил., 562) О мѣстоположеніи его И. И. Шараневичъ («Стародавнны Гал. города, ч. II. Стародавнны Львовъ», Львовъ 1861. Стр. 10) говоритъ слѣдующее: «Даниловъ надъ Стры-

жесть¹⁾; наконецъ, онъ извѣстенъ, какъ основатель Холма. Лѣтопись говоритъ такъ объ устройствѣ Холма: «Яздящу же ему по полю и ловы дѣющу, и видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ, обходящу округъ его полю, и вопроша тоземьць: «како именується мѣсто се? Они же рекоша: «Холмъ ему нмя есть». И возлюбивъ мѣсто то и помысли, да сожигетъ на немъ градець малъ; общася Богу и святому Ивану Златоусту, да створить во ями его церковь. И створи градѣць малъ, и видѣвъ же яко Богъ помощникъ ему и Іоаннъ спѣшникъ ему есть, и созда градъ иный, его же Татарове не возмогоша прияти²⁾».... Славянская натура плѣнилась этимъ прекраснымъ мѣстомъ такъ же, какъ нѣкогда была увлечена мѣстностію нынѣшняго Кіева. Нѣкоторые догадываются, что орель, изваянный на столбѣ вблизи города, былъ символомъ послѣдняго, находившагося на высотѣ³⁾. Съ горы, на которой онъ располо-

новъ близъ Озирной р. Онъ же указываетъ другія поселенія, напоминающія Даниїла: Данилче (около Рогатына), Даниа около Сучавы («Изслѣд., 91—92). См. «Гал. истор. сб.», I, стр. 101, пр. 33. Прибавимъ двѣ Даниловки, найденныя нами въ Волынской губ.: одна изъ нихъ находится къ сѣверовостоку отъ Стожка, а другая — невдалекѣ отъ Теофиополя.

¹⁾ Упоминается въ Ип. подъ 1261 (стр. 562). Мифіе Ходаковского (Карамзинъ, IV, пр. 102, стр. 38) о томъ, что это теперешній *Стожескъ*, вѣрно; онъ ошибся только въ опредѣленіи разстоянія его отъ Кременца, отъ котораго онъ отстоитъ верстъ за 15—20. См. «Волынскія губ. вѣдомости». 1868, № 76.

²⁾ Ип., 558.

³⁾ Петрушевичъ объясняетъ иначе: «Изъ выраженія *съ головами* надо заключати, что выставленный каменный орель былъ *двулапный*, яко знамя или гербъ Даниловой державы (государства), употребленный византійскими императорами, въ послѣдствіи же во второй половинѣ XV вѣка былъ принятъ великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ за гербъ всей Руси». «Наук. сборн.». 1866, вып. III и IV, стр. 179. — Впервые Холмъ упоминается въ галицко-волынской лѣтописи подъ 1223 г. (Ип., 494), по онъ не тогда былъ основанъ: его не было еще незадолго до Черниговской войны [*Пржеже же войны Данилови Черниговское, сѣдящу ему в Галичѣ, а Васику в Воюдимерѣ (даже въ Ип. слѣдуетъ означеніе года, которое выпускаемъ), воеванна Лтвязѣ около Охоже и Бусовна... еще бо Холму не поставлену бытию Даниломъ*. Ип., 530—531] и — въ то время, когда Конрадъ помогалъ Михаилу Черниговскому противъ Даниїла [*Кондратови же ставшу кде вышѣ градъ Холмъ стоить...* (Ип., 516)]; былъ же онъ тогда, когда Даниїлъ въ послѣдній разъ занималъ Галичъ предъ татарскими нашествіемъ [*приде вѣсть Данилу, во Холмъ будущю ему...* *ibid.*,

женъ, открывался видъ на обипирную низменность, тянувшуюся вдольною полосою къ югу, и на противоположномъ концѣ этой долины, также на возвышеніи, красовался въ Даниілово же время основанный городъ Львовъ, находившійся въ 20 миляхъ отъ Холма. Пожаръ, бывшій въ Холмѣ при нашествіи Куремсы, былъ виденъ во Львовѣ¹⁾.

517); значить, онъ воздвигнуть въ промежуткѣ между этими событіями, т. е. передъ 1240 г. Нѣкоторые — не знаемъ, на какомъ основаніи — называютъ Даниіла не основателемъ, а только строителемъ Холма (*Ки-евскія Еп. Вѣдом.с 1865, № 22. Рѣчь г. Лебединцева въ Холмѣ, стр. 847), и этому, повидимому, можетъ благопріятствовать упоминаніе Холма у Длугоша уже подъ 1073 (lib. III, col. 271 и 272) и въ Никоновской лѣтописи подъ 1072 г. [И. с. р. л., IX, 100; тутъ называется Холмскій епископъ Иванъ, пропущенный въ «Пов. врем. лѣтъ»; сл. цитируемое нами ниже свидѣтельство Сущи о Холмскихъ епископахъ; въ латинскомъ каталогѣ Холмскихъ архіереевъ упоминается Іоаннъ I (Janusz) около 1070 и 1072 г.], а также преданіе о Холмѣ, записанное въ XVII в. униатскимъ епископомъ Сущю (см. сочиненіе послѣдняго подъ заглавіемъ: «Phoenix tertiatō redivivus, s. imago longe vetustissima Virginis Matris Chelmensis. Zamosci. 1684. in - 4»); но приведенныя нами въ текстѣ слова лѣтописи рѣшительно не говорятъ о томъ, чтобы здѣсь было какое-нибудь поселеніе до Даниіла: было только *мѣсто* красно и *мѣсто* на горѣ (ужь, конечно, *мѣсто* — не мѣстечко). Нѣкоторые (И. И. Шараневичъ: «Измѣд.с, прим. 87, стр. 59 — 60) думаютъ, что было выстроено Даниіломъ два Холма, но лѣтопись ничего подобнаго не говоритъ («созда градъ иныи» въ томъ же смыслѣ употреблено, въ какомъ иногда въ новгородскихъ лѣтописяхъ говорится: «заюжи Новгородъ...» въ то время, когда Новгородъ давно существовать). Холмъ находился въ украинной отъ Поляковъ, но тѣмъ не менѣе искони занятой русскимъ племенемъ землѣ. Даниіль «вопраша *тоземць*», говоритъ лѣтопись. До основанія Холма въ той мѣстности находились Охоже и Бусовно (Ип., 531). Наконецъ, вблизи Холма видны столбы глубочайшей древности, преданіе о которыхъ, записанное два съ лишнимъ вѣка назадъ, приписываетъ ихъ построеніе первымъ русскимъ князьямъ до - исторической эпохи (упомян. рѣчь г. Лебединцева, стр. 846—847).

¹⁾ Ип., 557. Тогда впервые упоминается Львовъ въ нашей лѣтописи. Основанъ онъ былъ нѣскольکو раньше. Въ спеціальномъ своемъ изслѣдованіи, посвященномъ древнѣйшему Львову, И. И. Шараневичъ обосновалъ основаніе его къ гг. 1250—1255. Въ болѣе позднемъ сочиненіи («Измѣд.с, 60), онъ допускаетъ возможность существованія его уже вскорѣ послѣ татарскаго нашествія. Соглашаясь съ послѣднимъ предположеніемъ, не отвергая даже возможности основанія его Даниіломъ въ честь Льва еще до татарскаго нашествія, мы скажемъ, что несомнѣнно существованіе Львова около 1254 г.: въ этомъ году Левъ

Нѣкоторые города были приведены Даниломъ въ лучшее состояніе, напр. Угровескъ¹⁾; вѣроятно, Данилъ основалъ упоминаемый въ послѣднемъ нѣсколько позже монастырь св. Даниіля, въ которомъ пребывалъ въ послѣднее время своей жизни Войшелкъ²⁾. Устроивъ новые города, Данилъ большую часть ихъ хотѣлъ сдѣлать сильными военными пунктами, которые должны были служить убѣжищемъ для жителей—преимущественно во время татарскихъ нашествій; Холмъ, напримѣръ, онъ укрѣпилъ весьма высокою башнею, поставленною среди города³⁾.

является съ своими слугами; около 1256 г. Данилъ *совѣтуется* съ сыномъ; въ обонъ этихъ случаяхъ Льва, очевидно, нужно считать самостоятельнымъ княземъ (сл. 3-е прим. на стр. 77), а въ такомъ случаѣ нужно признать, что онъ имѣлъ *свою* резиденцію, которою, вѣроятноже всего, былъ Львовъ. Странно, впрочемъ, слѣдующее извѣстіе галицко-волинской лѣтописи о Войшелкѣ: «И по семъ *иде... до Галича... тогда же... хрести* Юрія Львовича» (Ип., 567; значитъ, Левъ жилъ тогда въ Галичѣ?) По одному документу («Гал. ист. сб.», II, пр. 41, стр. 125), Львовъ былъ уже въ 1183 г., но изслѣдователи считают эту цифру ошибочно поставленною. Есть еще панская бумага 1232 г., говорящая о Львовѣ (H. R. M., I. XXXVII), но она, очевидно, ошибочно отнесена къ этому времени; по всей вѣроятности, она принадлежитъ не Григорію IX, а Григорію XI (въ XIV стол.). Не знаемъ, на какомъ основаніи г. Стадницкій («Syn. Ged.», t. II, str. 3) говоритъ: «Tenże Leo Daniłowicz *znany w dziejach jako mniemany założyciel Lwowa, czem był rzeczywiście w tem rozumieniu, że do tego już dawniej istniejącego grodu stolęcą swą przeniósł i tak mu pierwszy znaczenie nadał...*»

1) Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи говорится: «Данилови бо князюу въ Володимѣрѣ, созда градъ Угорескъ» (Ип., 558). Но Угровескъ существовалъ еще до Данила (Ип., 483); до основанія Холма онъ, кажется, былъ любимымъ мѣстопребываніемъ Данила, которымъ была учреждена тамъ и епископія. Ип., 506: «Князю же Данилова будущу во Угровескъ...»

2) Ип., 573.

3) По словамъ тамошнихъ жителей, остатки ея уцѣлѣли до настоящаго времени, но находятся въ незавидномъ положеніи: на мѣстѣ ея виденъ высокій бугоръ, покрытый отъ основанія до вершины мусоромъ и щебнемъ, съ углубленіемъ по срединѣ. Съ этой возвышенности и теперь, какъ и во времена лѣтописца было, открывается видъ на городскія окрестности на далекомъ пространствѣ. Мѣстнал пароднал молва знаетъ еще о назначеніи башни, но уже забыла славнаго ея основателя. Уцѣлѣлъ также вырытый при Данилѣ и упоминаемый лѣтописью глубокій на горѣ колодезь. Онъ находится невдалекѣ отъ упомянутаго нами бугра и обложенъ изнутри, во всю глубину, тесовымъ

Даніилъ не ошибался въ своемъ предположеніи о важности подобныхъ укрѣпленій: это показиваетъ долгая осада татарами Козельска ¹⁾ и отступление ихъ во время Батыева нашествія отъ Кременца и Данилова; Колодяженъ былъ взятъ тогда только хитростію: Батый «приде ко городу Колодяжну, и постави порока 12 и не може разбити стѣны, и начать перемольвливати люди; они же, послушавше злого с(ъ)вѣта его, передашася и сами избити быша ²⁾». Отъ стѣнъ городовъ югозападной Руси перѣдко отступали и Венгры ³⁾. Но устрояемые Даніиломъ города не были похожи на чисто военныя поселенія въ позднѣйшемъ Московскомъ государствѣ. Онъ заботился, чтобы они не уступали старымъ въ цвѣтущемъ видѣ. Лучшимъ образцомъ вновь сооруженныхъ тогда городовъ можетъ служить Холмъ, съ значительнымъ количествомъ его населенія, съ веселыми его садами и великолѣпными для того времени зданіями, отличавшимися «величествомъ и красотою ⁴⁾». Подобныя зданія,—согласно съ духомъ того времени, главнымъ образомъ церковныя, воздвигались и въ другихъ мѣстахъ: Даніилъ «созда города многи, и церкви постави, и украси ѣ различными красотоми ⁵⁾». О Дорогичинѣ Лѣтонисъ говоритъ: «и въдасть (Богъ) и въ руцѣ Данилу; и обновитъ и созда церкви прекрасну святое Богородици ⁶⁾». Даніилъ заботился также о развитіи въ этихъ городахъ промышленности. Къ нему бѣжало множество мастеровъ отъ татаръ, имѣвшихъ обыкновеніе шадить при набѣгахъ и брать въ плѣнъ ремесленниковъ ⁷⁾: «и уноты и мастерѣ всяции бѣжаху ис Татаръ, сѣдѣльници и лучници, и тулници,

каменемъ.—Вблизи города быть поставленъ Даніиломъ каменный столпъ (Ип., 559). Не знаемъ точно, гдѣ онъ стоялъ: подъ Холмомъ, какъ мы уже говорили, два такихъ столпа: одинъ изъ нихъ находится у дер. Окшова, недалеко отъ города, др. у дер. Столпье, нѣсколько дальше. О нихъ см. въ «Starożytna polska przez M. Balińskiego i T. Lipińskiego, t. II, Warsz. 1845», стр. 763—766, и въ 22 № «К. Е. В.», стр. 846—847.

1) Ип., 520.

2) Ibid., 523. Вѣроятно, эти укрѣпленія были воздвигнуты Даніиломъ въ виду татарскаго нашествія.

3) См., напр., Ип., 532.

4) Ип., 558—560. Воздвигнутая Даніиломъ соборная церковь просуществовала до 1640 г.

5) Ibid., 570.

6) Ibid., 524.

7) Плато-Карпини, стр. 180, 192, 54.

и кузницѣ желѣзу и мѣди и серебру ¹⁾». Явились художники изъ русскихъ, можетъ быть — ученики иностранцевъ; они употребляли въ дѣло матеріалы, находившіеся въ предѣлахъ русской земли. Вотъ что говорить, между прочимъ, лѣтописецъ о Холмской церкви св. Ивана: «дѣбри же ея двоя убоашены камнемъ Галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмскимъ, тесанымъ, изрыты некимъ *хытрцемъ* Авдѣемъ ²⁾». Въ Холмѣ были также колокола. Вообще онъ былъ центромъ тогдашней промышленности югозападной Руси. Тамъ было особенно много мастеровъ: «и бѣ жизнь, и наполниша (разум. мастера) дворы, окрестъ града поле, села ³⁾»; по этимъ словамъ можемъ судить объ обширности города. Такою же значительною величиною отличался Владимиръ: при пашествѣ Бурандая, «немощно бысть розметати вборзѣ его величествомъ ⁴⁾».

При такомъ оживленіи югозападной Руси, при ея стремленіи къ просвѣщенной и обставленной всѣми удобствами жизни, то было важно въ княженіе Данила Галицкаго, что, на ряду съ измѣненіями въ другихъ отношеніяхъ, и культура ея получаетъ особенный отбѣнокъ.

Этотъ особенный характеръ культуры югозападной Руси въ то время обусловился тѣмъ, что въ первую привозимель новый элементъ: ова начала развиваться подъ западнымъ вліяніемъ.

Древняя Русь вообще не чуждалась Запада и входила съ нимъ въ разнообразныя сношенія. Соприкосновенія съ Западомъ были начаше, чѣмъ весьма естественно, въ пограничныхъ съ нимъ областяхъ, и въ Галичѣ и на Волынѣ его вліяніе давало себя знать задолго до Данила, вслѣдствіе весьма нерѣдкихъ взаимныхъ вѣдательствъ во внутреннія дѣла ⁵⁾. Даже «Слово о полку Игоревѣ» отмѣчаетъ здѣсь западное

¹⁾ Ип., 558.

²⁾ Ibid., 559. Нѣтъ основаній считать этого Авдія иностранцемъ.

³⁾ Ibid., 558.

⁴⁾ Ibid., 562. Сохранилось извѣстіе, что при Владимирѣ I этотъ городъ вмѣстѣ въ своей окружности семь миль. См. «Вол. Ип. Вѣд.» 1867, № 3, стр. 50. Сл. «Тр. Вол. губ. ст. ком.», 10.

⁵⁾ Довольно полный очеркъ этихъ соприкосновеній и, притомъ, составленный не по русскимъ только источникамъ, желающіе могутъ найти въ не разъ уже цитированномъ нами «Исслѣдованіи на поли отечественной географіи и исторіи» Шараневича — Первое вѣдательство русскихъ въ венгерскія дѣла случилось въ 1047 (Thwrosz у Швандтиера: I, 105). По словамъ Татищева (II, 222), Ростиславичи

вліяніе, хотя во вѣѣшности только. Обращаясь къ Роману и Мстиславу Нѣмому, поэтъ говоритъ: «суть бо у ваю желѣзныи папорги подѣ шеломи латинскими»; къ тремъ Мстиславичамъ въ другомъ мѣстѣ поэтъ взываетъ такъ: «кое ваши златиѣ шеломи и сулицы Дякии и щиты!»¹⁾—Съ конца XII столѣтія это вліяніе должно было усилиться: около того времени начала исчезать тѣсная связь между отдѣльными землями, кое-какъ державшаяся до той поры; нужно указать также на особенно учащенный вѣѣшательства иностранцевъ. Русскіе этихъ красевъ начинаютъ приглашать къ себѣ на помощь даже Чеховъ²⁾. Южнорусскіе князья постоянно бѣгають за помощью и спасаются отъ враговъ въ Венгрію и Польшу, чего мы прежде не видимъ. Лѣтопись этого времени, ничево почти не говоря о событіяхъ въ другихъ княжествахъ, касается иногда происшествій Германской имперіи³⁾. Но, во всякомъ случаѣ до Даніила связь съ остальною Русью была еще сильна. По словамъ Татищева⁴⁾, Галичане во время утѣсненій отъ Венгровъ искали помощи въ Руси далеко отъ своей родины. Западное воздѣйствіе въ Галичѣ могло также уравниваться Византійскимъ. Галичъ и Византія были сосѣдями. Кромѣ торговли⁵⁾, ихъ сближали частыя по-

были приглашены на помощь венгерскимъ королемъ еще въ 1119 г. — Венгры столкнулись съ нами враждебно въ первый разъ при Болеславѣ Храбромъ, въ походѣ котораго на Русь они приняли участіе за деньги См. Thietmar Chronicon, lib. VIII, gl. 16 (у Бѣльскаго I, 317).

1) У Мстислава Изяславича на службѣ былъ цѣлый отрядъ Половковъ: «Mscislaus Dux cum magna gloria redit ad Russiam pluribus Polorum milibus cum usque ad Wladimiriam conducentibus et plerisque remanentibus apud eum» Bog. ad a. 1159, col. 499.—О Ярославѣ Осмомыслѣ у Татищева (III, 280) говорится, что онъ «въ церковномъ чинѣ много исправлялъ и клиросъ устроилъ и наставляя злобѣіе искоренялъ, а мудрости и правой вѣры наставлялъ и учить понуждалъ». Можетъ быть, это «злобѣіе» состояло въ уклоненіи отъ чистоты православія.

2) Ип., 488: «Володиславъ выеде съ Угры и Чехы своими». — По Ип. (II, 318), въ 1218 г. и у королевича венгерскаго, когда онъ вышелъ противъ Мстислава, были и Дякии, и Чехи, и Моравы. То же повторено въ другихъ лѣтописяхъ.

3) Ип. подѣ 1207 (стр. 484).

4) III, 377, 401.

5) Греческія издѣлія были распространены въ галицкой землѣ. Это видно изъ разсказа Длугоша о выкупѣ Володаря: «de viginti milibus marcarum argenti pro solutione Wolodori dandis conveniunt, datisque tunc duodecim milibus argenti de solveudo residuo Jaroslav filium obsidein

литических связи и сношения ¹⁾. На Волиши мы сряду видимъ двухъ епископовъ изъ грековъ ²⁾.

При Даниилѣ же западное вліяніе торжествуетъ и приобретаетъ чрезвычайную силу.

Югозападная Русь была такъ отрѣзана отъ прочей Руси, что сѣверо-восточныя лѣтописи съ этого времени совершенно почти молчать о ней. Отъ Византіи она также была отдѣлена татарами. Съ сѣвера, востока и юга ее окружали варвары. Она не могла вліять на нее, потому что она питала къ нимъ презрѣніе. Вспомнимъ чувства Даниила при поѣздкѣ въ орду ³⁾. Другое дѣло—сѣверовосточная Русь:

ponunt. Postea vero quingentis vasis argenti, scutellis videlicet, picariis et sciphis de opere Gracco allatis, plenam solutionem impendunt. (lib. IV, col. 418). Сл. Тат. II, 226.

¹⁾ Приведемъ въ измеченіи по книгѣ Стриттера (т. II) извѣстія Клима и Ник. Хоніата о сношеніяхъ Галича съ Византією. Владиміро жилъ въ союзѣ съ Оммануиломъ Комнинымъ; потомъ въ союзѣ съ нимъ былъ Ярославъ Осмомыслъ. Последний ласково принялъ бѣжащаго изъ Греціи—изъ заточенія—Андроника, племянника царствовавшего императора, и далъ ему въ управленіе нѣсколько городовъ. Узнавъ о томъ, греческій императоръ прислалъ къ Андронику двухъ митрополитовъ, примирится съ нимъ, а Ярославъ отпустилъ его «с великою честью, приставивъ къ нему пискупа своего Кузму и мужа свои передня» (Ип., 359. Ник. Хон.). Потомъ императоръ старался разорвать готовившійся союзъ Ярослава съ венгерскимъ королемъ, и Ярославъ обѣщалъ это сдѣлать. Въ 1182 г. Андроникъ думалъ опять бѣжать въ Россію, но былъ пойманъ и замученъ Исаакомъ Ангеломъ. Романъ оказалъ немаловажную услугу Византіи, спасши ее отъ Половцевъ. Послѣ взятія Константинополя крестоносцами, Византійскій императоръ бѣжалъ въ Галичъ (Dlug., lib. VI, col. 584).—Прибавимъ, что иногда бывали и родственныя связи. Подъ 1104 г. читаемъ въ «Повѣсти врем. лѣтъ». «Ведена дщи Володарева за царевича за Олексинча, Царюгороду, мѣсяца июля въ 20».

²⁾ Ип., 494: «Данила и Василка Романовичю, бѣаху Володимѣрьскыи пискупѣ: бѣ бо Асаръ блаженный и преподобный святитель Святое Горы; и потомъ бѣ Василѣй отъ Святые Горы». Г-нъ У—дскій въ «Историческомъ изслѣдованіи объ епископахъ Волинской епархіи», помѣщенномъ въ 1-мъ № «Волинскихъ епархіальныхъ вѣдомостей» 1867 г., выраженіе «отъ Святые Горы» толкуетъ такъ: «Изъ монастыря, существовавшего не въ далекомъ разстояніи отъ Владиміра Волинскаго»; но лѣтописецъ подъ Сватою Горою разумѣетъ Афонъ. См. Ип., 551 и 568—о Войшевѣлѣ.

³⁾ Лѣтописное мѣсто объ этомъ мы приведемъ въ слѣд. главѣ.

она была подвержена постоянному и тяжелому татарскому гнету. На югозападѣ татары являлись на время, какъ враждебная сила, и скоро исчезали. Отъ нихъ могло быть взято только что-нибудь пустое, и это мы и видимъ. »Возвѣха же король (разум.: Венгерскій)... противу же Данилу князю, говорится въ одномъ мѣстѣ лѣтописи¹⁾, Данило же приде к нему, исполни вся люди своѣ. *Нѣмци* же дивящеся оружію *татарскому*: бѣна бо копи в личинахъ и в коярѣхъ кожаныхъ, и людѣ во ярыцѣхъ... Такимъ образомъ, здѣсь открывался полный просторъ западному вліянію и помимо особенно сближавшихъ обстоятельствъ.

Но разсматриваемая нами Русь не оставалась холоднымъ сосѣдомъ Запада, и ея князья сильно лѣзли къ послѣднему. Нетерпимость Феодосія къ католикамъ здѣсь давно не имѣла мѣста. Къ нимъ относились безъ чувства вражды²⁾, нисколько не измѣняя въ тоже время православію и энергически стоя противъ всѣхъ попытокъ панства подчинить себѣ этотъ край. Не забудемъ и того, что Даниилъ, подобно отцу³⁾, былъ воспитанъ на западѣ. Если и оставалось еще какое предубѣжденіе противъ Запада, оно должно было теперь совершенно исчезнуть въ виду того, что тамъ жили *христіане*, какого бы исповѣданія они ни были, и въ трудную минуту, среди варваровъ, къ кому было протянуть руку, если не къ нимъ? Убѣждая Даниила идти къ венгерскому королю, исполнить желаніе послѣдняго и женить Льва на его дочери, Василько говоритъ: »иди къ нему, яко крестьянъ есть⁴⁾«. Въ другой разъ самъ Даниилъ, приглашая на помощь польскихъ князей, говоритъ: »время есть *христьяномъ на погань*⁵⁾«. Русскіе князья ищутъ опоры въ западныхъ христіанахъ, и является цѣлая какъ бы

¹⁾ Ип., 540.

²⁾ Обратимъ вниманіе на то, какъ называетъ лѣтописецъ папу подъ 1255 г.: Даниилъ »вѣнѣць отъ Бога прія, отъ церкви святыхъ Апостолъ и отъ стола святаго Петра и отъ отца своего папы Неклѣмїя, и отъ всѣхъ епископовъ своихъ« (Ип., 548). Объ одной католичкѣ лѣтописецъ говоритъ: »много бо послужи Богови по мужи своему и святу парѣчаютъ« (Ип., 484). Романъ дѣлалъ даже пожертвованія въ католическіе монастыри (см. выписку изъ некролога Эрфуртскаго Петрова мон. въ 113 прим. къ т. III »Исторіи« Карамзина).

³⁾ Кадлубекъ говоритъ о Романѣ: »*menimit... Romanus quanta erga se Kazimiri fuerant beneficia, apud quem pene a cunabulis educatus...*« II, 110.

⁴⁾ Ип., 537.

⁵⁾ Ibid., 541.

система взаимнаго вспоможенія, основывавшагося на родственныхъ связяхъ. Сдѣйствовавши родственнику своему Сомовиту къ занятію Мазовецкаго престола, Даниль и Василько потомъ сказали ему: «добро видѣль еси отъ наю, из(ъ)нди с нами на Ятвезѣ ¹⁾». Затѣмъ Даниль опять помогалъ Сомовиту. Предъ Ярославскою битвою Даниль и Василько «посласта Кондратови, рекуще: «яко тебе дѣля изыдоша на наю Ляхове, яко помощника ти есѣ. Пославшу же ему помощь ²⁾»... Породнившись съ Даниломъ черезъ Льва, за котораго выдалъ свою дочь Констанцію, венгерскій король нѣсколько разъ просилъ у него помощи. Одинъ разъ онъ приглашалъ его слѣдующимъ образомъ: «ужника ми и свать еси, помози ми на Чехи ³⁾». Исполняя эти просьбы, Даниль нѣсколько разъ пособлялъ Белѣ въ войнѣ за австрійское герцогство ⁴⁾.

1) Ип., 538.

2) Ibid., 532.

3) Ibid., 545.

4) Въ первый разъ это случилось предъ 1249 г. (лѣтопись упоминаетъ о первой помощи подъ 1252: Ип., 540 — 541), потому что императорскіе намѣстники *до того времени* были изгнаны изъ австрійской области (Szalay, II, 74), а лѣтопись говоритъ, что, когда Даниль пришелъ на помощь королю, «царь обдержа Ведень, землю Ракущеску и Штирьску». — Во второй разъ Даниль помогалъ Белѣ вмѣстѣ съ Болеславомъ Краковскимъ въ 1253 г. Это не могло состояться въ 1254 г., потому что въ этомъ году съ весны начались переговоры между чешскимъ и венгерскимъ королевемъ, окончившіеся миромъ, заключеннымъ 3-го апрѣля (Szalay, II, 77). Въ *Continuationes Cosmæ Caponicorum Pragenses* подъ 1253 г. говорится о вторженіи въ Моравію и опустошеніи ея не Команами только и Венграми, но и другими народами, хотя прямо Русскіе не названы (Pertz, IX, 174: «*Timor etiam magnus Chomanorum et aliorum extrancorum ingruit super Bohemos...*») Къ 1253 же году отнесено это событіе у Анонима (Sommersb., II, 82), въ *Annal. capituli Cracov.* (Pertz, XIX, 600) и въ *Annal. sanctae crucis Polonici* (ib., 681). Таже дата, равно какъ несправедливость показанія Богуфала (Sommersb. II, 67; онъ ставитъ 1254-й г.), могутъ быть выведены, если принять въ соображеніе исторію похищеній Романа въ Австріи. Длугошъ (lib. VII, col. 733—735) говоритъ объ одномъ и томъ же дважды: подъ 1253 и подъ 1254 г.г. — На основаніи словъ лѣтописи (Ип., 550): «Лва бо преже отрядилъ бѣ королеви», мы думаемъ, что Даниль помогалъ Белѣ и въ третій разъ. Въ послѣдній разъ онъ явился къ нему на помощь въ 1260 г., о чемъ говорятъ: письмо къ папѣ Оттокара (Pertz, IX, 184—185 и Н. R. M., II, Appendix, № V), *Germanicum Austriae Chronicon* (Pez, I, col. 1079), *Continuatio praedicatorum Vindobonensium* (Pertz, IX, 728) и Длугошъ (lib. VII, col. 761).

Впрочемъ, Венгры не платили Даниилу благодарностію за это, что видно изъ ихъ поступка съ Романомъ 1).—Католическое духовенство пользовалось тогда огромнымъ вліяніемъ за западѣ, и, при его нетерпимости 2), весьма важно было приобрести его голосъ. Чтобы найти болѣе живую поддержку оттуда, Даниилъ задумалъ сблизиться съ Западомъ и въ религіозномъ отношеніи. Но, не получая помощи отъ папъ, онъ оставилъ свои намѣренія. Несмотря на разрывъ съ Римомъ, возложеніе на голову Даниила, по инициативѣ послѣдняго, королевскаго вѣнца 3), не заявившее себя сильнымъ вліяніемъ на внутреннюю жизнь

Въ »Continuatio...« читаемъ слѣдующее объ участіи русскихъ: »Multi Ungari et Rutheni et Comani sunt occisi, sed multo plures in flumine Marchye, nec non in flumine Wach fugente rege Ungariae et filio suo Stephano sunt submersi«.

1) См. объ этомъ ниже.

2) Приведемъ въ примѣръ одно мѣсто изъ буллы папы Григорія IX (Н. К. М. I, XXXIV): »мы не желаемъ и не должны терять, чтобы вѣрные сочетались съ повѣрными брачнымъ союзомъ, потому что свѣтъ несовмѣстимъ съ тьмою, и неприлично членамъ Христа Спасителя соединяться съ членами попибшаго сатаны, а смолъ смѣшиваться съ балзамомъ«. Въ другой буллѣ русскіе ставятся на ряду съ сарацинами и »другими врагами католической церкви«.

3) Мы думаемъ, что оно случилось осенью 1253 г.*: лѣтопись говоритъ о немъ вслѣдъ за описаніемъ Чешскаго похода; послѣ коронованія былъ предпринятъ походъ на Ятвяговъ, а потомъ было вскорѣ роскалье, очевидно—весеннее (Ип., 549); къ этому же году отнесено Дорогичинское коронованіе Даниила и у Стрыйковскаго (I, 291), который, очень могло быть, въ этомъ случаѣ воспользовался сообщеніемъ какой-нибудь не дошедшей до насъ лѣтописи. Въ нашей лѣтописи находимъ только одно хронологическое указаніе, да и то не удовлетворительное: Даниилъ, по словамъ лѣтописи, былъ коронованъ еще при жизни Иннокентія IV, а послѣдній умеръ 7 декабря 1254 г. Разрывъ съ папою случился не позже начала 1255 г. [см. въ Hist. R. M., I, № XCIII—буллу Александра IV, помѣченную: II. Nonas Martii anno primo (1255)].—Считаемъ не лишнимъ разобрать тутъ свидѣтельства о коронованіи Даниила, паходящіеся у Длугоша и у Стрыйковскаго. Первый относитъ это событіе къ 1246 г.; по соглашенію съ Римомъ, хотя какое-нибудь, не приняло къ концу еще и въ 1247 г. (см. Н. Р. М., I, № LXXII); притомъ мы не имѣемъ основаній предпочитать Длугоша нашей лѣтописи; послѣдняя можетъ сказать въ оправданіе его только то, что папа предлагалъ корону Даниилу задолго до Дорогичинскаго

* Сохранилась папская булла, помѣченная »II. Idus Maii« 1253, упоминающая о письмахъ къ папѣ Даниила. Не было-ли коронованіе отвѣтомъ на эти письма?

югозападной Руси, много значило для вѣнчаній ея отношеній. Королевскій титулъ остался за Даниломъ ¹⁾, и католическій міръ зналъ его, какъ *короля*, возведеннаго въ это достоинство *папою*. Западъ ближе познакомился съ Даниломъ и сталъ на него смотрѣть нѣсколько иначе и по другому поводу. Кто изъ ближайшихъ сосѣдей Данила не узналъ его стройныхъ полковъ? По словамъ лѣтописца, кромѣ Данила, «иный князь» не входилъ бѣ въ землю Лядскую толь глубоко, проче Володимира великаго, иже бѣ землю крестилъ ²⁾». Также говорятъ онъ и относительно Чехинъ: «не бѣ бо в землѣ Русцѣи первее, иже бѣ воевалъ землю Чешскую, ни Святославъ Хоробры, ни Володимѣръ святый ³⁾». Во время этого похода Данилъ водрузилъ на стѣнахъ одного города свое знамя ⁴⁾, а какой-то «Гѣрьбортъ» присла Данилову мечъ и покореніе свое ⁵⁾. Другая лѣтопись говоритъ: «Данилъ Романовичъ по сей славной побѣдѣ въ Чехахъ началъ всюду славенъ быти, яко и папа Римскій величаше его и присла ему свое благословеніе и знаменія кро-

вѣнчанія 1253 г. (Данилъ отвергнулъ ее); онъ называлъ Данила королемъ (rex) сразу,—когда и помину не было о коронованіи (Н. Р. М., I, LXII—LXIV); въ 1247 г. онъ чтилъ такимъ же титуломъ и Василька (ibid., LXVII, LXIX, LXXIV, LXXVI). По словамъ Стрыйковского, Данилъ былъ коронованъ дважды: въ Кіевѣ въ 1246 г. и въ Дорогичинѣ въ 1253 г. Не вдаваясь въ указаніе пѣкаторыхъ несообразностей въ его разсказѣ, объяснимъ, какъ онъ сложился. Польскіе историки, которыми пользовался Стрыйковскій, говорили о коронаціи Данила подъ 1246 г., а русскіе ставили это событіе подъ 1253 г. Стрыйковскій и пытался примирить это противорѣчіе, принявъ два вѣнчанія и положивши первое изъ нихъ въ Кіевѣ, и не подумавъ о томъ, что, послѣ совершенія одного, въ другомъ не было надобности. Вообще польскіе историки не знали, къ какому времени отнести это коронованіе. Нѣкоторые изъ нихъ, по словамъ Сарницкаго (р. 280), клали его подъ 1260! въ числѣ послѣднихъ и Кроммеръ (lib. IX).

¹⁾ Такъ титулуется его самъ папа въ укорительной буллѣ 1257 г. (Н. Р. М., I, XCV); такъ же называетъ его король Богемскій въ письмѣ къ папѣ въ 1260 г., тогда какъ польскіе князья упомянуты имъ подъ названіемъ *duces* (Pertz, IX, 184); наконецъ *rex*омъ называютъ его и разные анналы, наприм. *Annales Poloni*. I. IV (Pertz, XIX, 636 — 637); Плато-Карпини знаетъ его еще какъ *dux*а.

²⁾ Ип., 505.

³⁾ Ibid., 545. Лѣтописецъ забылъ про Владиміра Мономаха.

⁴⁾ Ibid., 547.

⁵⁾ Ibid., 548.

левская¹⁾. Русскія войска видѣли даже отдаленную Ригу²⁾. Навонецъ, сынъ Данила сидѣлъ нѣкоторое время на австрійскомъ герцогскомъ престолѣ³⁾. И хотя папа велѣлъ епископу Ольмюцкому и Бреславль-

1) П. с. р. л., II, 341.

2) Ип., 542.

3) Въ 1251 г. Гертруда, племянница послѣдняго австрійскаго герцога изъ дома Бабенберговъ, уступила всѣ свои права на Австрію и Штирію Белѣ. Желая добыть для себя во что бы то ни стало эти земли, Бела рѣшился вступить въ войну и Данила и для того переступилъ его сыну свои права на Австрію съ тѣмъ, чтобы тотъ женился на Гертрудѣ, общая помощь ему утвердиться въ тѣхъ областяхъ (въ «Continuatio Garstensis»: Pertz, IX, 599, намѣреніе Белы объяснено такъ: «ut ex hoc ipse rex (i. e. Bela) ducatus Austrie et Styrie sibi posset iustius vindicare»). По приглашенію Белы, Данииль явился съ Романомъ въ Австрію [такъ въ нашей лѣтописи—стр. 545; въ «Continuatio Garstensis» (I. c.) о Романѣ говорится, что онъ «apud ipsum (i. e. Belam) tunc degebat»], заключилъ съ королемъ договоръ (Ип., 545), и, послѣ того, въ 1252 г. [«Contin. Garstensis», I. c.; «Contin. praedicat. Vindobon.»—у Pertz'a, IX, 727; «Chronicon Claustro—Neoburgense» у Pertz'a, I, col. 462; «Anonymi Leobensis Chron.»—ibid., col. 821; подъ 1253 г. мы нашли упоминаніе о томъ только въ «Anonymi Coenobitae Zwettl. Chron.»—у Pertz'a I, col. 982] было совершено въ Гиндбергѣ бракосочетаніе Романа (о томъ, что это случилось въ Гиндбергѣ, говорятъ: «Germ. Austriae Chron.», ut supra, col. 1074; «Anon. Leob. Chron.», ut supra, col. 822; «Thomae Ebendorferi de Haselbach Chron. Austr.»—Pertz, II, col. 729). Король обѣщаль новобрачнымъ добыть всю Австрію, но Гертруда не вѣрила и заставила его поклясться (Ип., 554). Взявъ съ собою сына Гертруды отъ перваго ея мужа будто для того, чтобы женить его на своей дочери (Ип., 555), Бела удалился, оставивъ Романа въ Нейбурѣ [Minperg'ѣ, въ которомъ происходила свадьба? У Карамзина (IV, пр. 101) и С. М. Соловьева (III, стр. 232): въ Нейбургѣ. По Szalay'ю (II, 77), Романъ оставилъ жену въ Юденбургѣ]. Тутъ Романъ долженъ былъ выдерживать постоянныя нападенія Оттокара [«Герцюкъ» говоритъ ему: «ужика ми еси и своякъ», Ип., 554, а родственница Романовой жены была именно за Оттокаромъ; о нападеніяхъ Оттокара говоритъ и «Continuatio Garstensis»; между прочимъ, тамъ сказано, что Оттокаръ «per consilium et auxilium Alberonis de Chunringe, in inferioribus et superioribus eiusdem terre (i. e. Austriae) partibus iam regnaret»] и тщетно просилъ Белу о помощи: король «не помогашеть ему, леть бо имашеть хотя городовъ его». Въ концѣ концовъ, въ 1253 г. Романъ («Chron. Claustro—Neob.», ut supra; «Anon. Leob. Chron.», ut supra, col. 822; въ нѣкоторыхъ хроникахъ вся исторія Романа рассказана подъ однимъ 1252 г.: «Contin. Garstensis» и «Contin. praedicat. Vindobonens.», ut supra) ушелъ по увѣщанію самой жены, какъ говоритъ наша лѣтопись, оставивъ ее беременною. Дочь

скому проклясть Даниїла и, потерявъ надежду на возможность обращенія Русскихъ мирнымъ путемъ¹⁾, называя ихъ схизматиками и ставя на одну доску съ татарами, проповѣдывалъ противъ нихъ ополченія для насильнаго ихъ подчиненія²⁾, это не мѣшало католическимъ государямъ и государствамъ дружитья съ ними³⁾, и югозападная Русь уже не выдѣлялась изъ ряда западныхъ державъ.

Помимо всего этого, много западнаго могла принять культура разсматриваемой Руси чрезъ иностранныхъ поселенцевъ, которые, насколько можно судить, пользовались довольно почетнымъ положеніемъ и считались какъ-бы равными кореннымъ гражданамъ. Въ 1268 г. по Ил. сп.⁴⁾ во Владимірѣ Марколтъ Нѣмѣчинъ зва къ собѣ всѣ князѣ на обѣдъ, Василка, Лва, Войшелка; и начаша обѣдати и пити и веселитися. О Мстиславѣ Даниловичѣ говорится: »и созва бояры Володимѣрьскыи брата своего, и мѣстичѣ Русци и Нѣмцѣ, и повелѣ передо

отъ этого брака Марія, по словамъ «Tabulae Clauistro - Neoburgenses» (Pez, I, col. 1042), »wardo verheirat Hertzog Steffan von Agram gelegen in Wiodischen Landen. Hertzog Steffan was Künig Steffans von Hungern des Fünfften Hauptman in der Steiermarch».

1) Послѣ Даниїла энергическая пропаганда Рима прекращается на долго. Впрочемъ, званіе легата Руси не было уничтожено. См., напр., »Searbiec» № 172.

2) »Searbiec», № 183, и »Русско-ливонскіе акты, собранные К. Е. Напьерскимъ» (Сиб. 1868), № XXII: папская булла 1260 г. Нѣмецкому ордену; И. R. M., II, App., VI: булла 1264 г. Оттокару.

3) Мы находимъ нѣсколько указаній на то, что князья предпринимали частныя, а не какія-нибудь официальныя поѣздки за границу къ иностраннымъ государямъ. Не упоминали о присутствіи въ 1235 г. Даниїла и Василька при коронованіи Белы, обратимъ вниманіе на то, что въ 1246 г. Василько гостилъ у Конрада Мазовецкаго (Плано-Карпини, стр. 8; впрочемъ, можетъ быть, они собирались тогда на Ятвиговъ; см. Ил., 541), въ 1261 г. Даниїлъ былъ на свадьбѣ младшаго сына Белы («Th. Ebeendorfferi de Haselbach Chron. Austr.», ut supra, col. 731: »Nuptiae quoque celebratae in Vienna, in quibus rex Bela cum duobus filiis Stephano et Bela, cum Regibus Rutenorum et Masoviae, genere Regis Belae, et Rege Serviae, cum multis Ducibus praesens aderat». Сл. Szalay, II, 87), а въ 1262 г. опять ѣздилъ въ Венгрію (Ил., 566 — 567).

4) Стр. 573. Объ этомъ Марколтъ Стрийковскій говоритъ (I, 305): »...Markolt Nemein pan Ruski, który był zwierzchnim sprawcą i radcą o Daniła zmarłego króla Ruskiego».

всими чести грамоту братну, о дањи землѣ и всѣхъ городовъ и стол-ного города Володимѣря 1).

Иноземное вліяніе можетъ быть вреднымъ и губить народность; это доказала бывшая прежде польскою страной Силезія. Дѣло въ томъ, въ какой оно проникаетъ мѣрѣ и какія затрогиваетъ сферы. Въ юго-западной Руси оно не переступило границъ. Главное—не былъ усвоенъ католицизмъ, который не замедлил-бы положить на народъ свою тяжелую, гнетущую руку, и эта Русь осталась православною землею. Безъ всякаго посторонняго насилія, она могла повѣрять и исправлять свое собственное и развивать здоровую, самостоятельную культуру,—при знакомствѣ съ западомъ, но безъ преобладанія его.

Югозападная Русь могла идти съ того времени параллельно съ нимъ, не гоняясь за нимъ, потому что была не ниже его. Что касается сосѣднихъ съ нею Венгріи и Польши; то, быть можетъ, она была еще выше ихъ; такъ думаетъ Д. И. Зубричій 2), и, кажется, его мнѣніе вѣрно. Укажемъ прежде всего на то, что мы не замѣчаемъ на сторонѣ Поляковъ и Венгровъ никакого превосходства въ военномъ дѣлѣ. Это видно въ лѣтописи на каждомъ шагу. Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ, показывающихъ, какъ относились эти націи къ русскимъ войскамъ. Когда однажды Венгры сошлись съ Даниломъ, «велику же полку бывшу его, устроены бо бѣ храбрыми людьми и свѣтлыми оружьемъ, онымъ же видящимъ, не хотяхуть сразитися с нимъ, но клоняхуться на Димыяна и на иные полки 3)». Подъ 1229 г. въ Ип. см. 4) читаемъ: «Кондрату же любящу Рускый бой»; подъ 1245 5): «и уведевше лихове яко крѣпче брань Руская належитъ, начаша просити милость получить». Когда Данилъ пошелъ на помощь Венгерскому королю, «бѣ полковъ его свѣтлостъ велика, отъ оружья блистающая»; король сказалъ ему тогда: «не взялъ быхъ тысяще се-

1) Ип., 596.

2) «Критико-историч. пов.», стр. 87, § 8.—Сл. слѣд. слова Д. И. Иловайскаго: «наша гражданственность въ XII вѣкѣ стояла почти на равной высотѣ съ нѣмецкою и была выше польской». («О мнимомъ призваніи варяговъ». «Русскій Вѣстникъ». 1871, № XI, стр. 50).

3) Ип., 512.

4) Ibid., 504.

5) Ibid., 529.

ребра за то, оже еси пришесть обычаемъ Рускимъ отцевъ своихъ ¹⁾; значить, въ оригинальномъ русскомъ не видѣли ничего дурнаго, напротивъ, находили много хорошаго. А вотъ что случилось во время одного изъ походовъ короля Андрея на Русскую землю. »Пришедшу же ему Володимерю, дивившуся ему, рекъшу: »яко така градъ не избрѣтохъ ни в Нѣмѣцкихъ странахъ«; тако сущу оружьникомъ стоящимъ на немъ, блистахуся щити и оружници подобии солнцю ²⁾. Если Венгры и теперь еще не вполне освободились отъ азіатской грубости, то можемъ себѣ представить, каковы они были въ XIII в.; такая ихъ грубость достаточно видна изъ мѣстъ лѣтописи о временахъ господства ихъ въ Галичѣ ³⁾. Но оставимъ въ сторонѣ этихъ непосредственныхъ сосѣдей и возьмемъ Европу вообще. Что мы видимъ тамъ? Возрожденіе еще не начиналось, господствовали *trivium* и *quadrivium*. Какого рода были наши князья? Объ одномъ изъ нихъ лѣтопись говоритъ такъ: »Бѣ бо Тимоѣѣй в Галичѣ премудръ книжникъ, отчество имѣя во градѣ Киевѣ, притчею рече слово о семъ томителіи Бенедиктѣ: яко в послѣднія времена тремя имены наречется антихристъ ⁴⁾. Такимъ образомъ, церковность преобладала и въ сатирѣ. Но по одному этому нельзя судить о тогдашней образованности. Авторъ галицко-волинской лѣтописи времени княженія Данила, кромѣ св. писанія ⁵⁾ и отечественной исторіи, которая была извѣстна ему изъ существовавшихъ тогда лѣтописей ⁶⁾, зналъ: Малагу въ древнеболгарскомъ переводѣ ⁷⁾, Евсевія

¹⁾ Ibid., 541.

²⁾ Ип., 510.

³⁾ Подъ 1189 г. кievская лѣтопись говоритъ о Венграхъ: »и почаша насилье дѣяти во всемы: и у мужикъ Галицкихъ почаша отымати жены и дщери на постелѣхъ к себѣ, и въ божницяхъ почаша кони сталяти и въ избахъ иная многа насилья дѣяти« (Ип., 447 — 448). Галицко-волинская лѣтопись подъ 1205 г. сообщаетъ объ одномъ венгерскомъ воеводѣ слѣдующее: »бѣ бо томитель боиромъ и гражаномъ, и блудъ творя, и оскверняху жены же и черницы и попады, выравду бѣ антихр(и)стъ за скверная дѣла его (Ип., 483); о другомъ она говоритъ: »загорѣбоси бѣ« (ib., 492).

⁴⁾ Ип., 483.

⁵⁾ Ibid., 494, 499, 528, 552.

⁶⁾ Ibid., 508 и др.

⁷⁾ Ibid., 507, строки 26 и 27 и прим. s. См. также »Лѣт. Переяславля-Суздальскаго«, изд. Оболенскимъ (М., 1851), стр. LVII.— По мнѣнію К. М. Оболенскаго, болгарскій переводъ хроникъ Малаги,

Кесарійскаго ¹⁾ и другихъ хронографовъ и Гомера, которому иногда даже подражалъ. Очевидно, подъ вліяніемъ послѣдняго онъ рисуетъ такую картину въ одномъ мѣстѣ: »Одинъ же воинъ управи десѣницу свою, иземъ рогатицю изъ пояса своего, далече вергъ, срази киззи Ятвяжскаго с коня, и летящу ему до землѣ изыде душа его со кровлю, во адъ ²⁾«. Прибавимъ замѣчаніе К. Н. Бестужева-Рюмина: »Чтѣая лѣтопись южной Руси, убѣждаешься въ значительномъ усиленіи въ искусствѣ писанія, котораго достигли наши книжники въ періодъ до нападенія татаръ ³⁾«.

Подобныя явленія во внутренней жизни югозападной Руси были тѣмъ отрадою, что сѣверовосточная половина нашего отечества относительно культуры находилась въ иномъ положеніи...

III.

Изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ видно, что въ княженіе Данила Галицкаго югозападная Русь вступила на новый путь и начала новую жизнь. Съ отбитіемъ Поляковъ и Венгровъ казалось, что никто уже не будетъ тревожить ее извнѣ.

Но и на новой дорогѣ она съ перваго же момента стала встрѣчать препятствія. Какъ разъ въ то время, когда начали выясняться новыя условія ея жизни, обозначилось явственно два врага ея самостоятельности ⁴⁾. Одинъ изъ нихъ былъ знакомъ Руси давно, но только до

находящійся въ одномъ сборникѣ съ тѣмъ Переславли-Судальскаго, былъ списанъ въ 1261 г. и рукопись, которою пользовался Оболенскій, — точная копія съ этого древняго списка (ibid., XXII). Вставленная русскимъ переписчикомъ замѣтка о литовской мифологіи наводитъ на мысль, не на югозападѣ-ли онъ жилъ.

¹⁾ Ии., 544.

²⁾ Ibid., 552--553.

³⁾ »Русская исторія«, I (Сиб. 1872), стр. 254.

⁴⁾ Современники точно также смотрѣли на дѣло, если считать подлинною рѣчь митрополита Кирилла, приводимую Татищевымъ подъ 1226 г. (III, 444); тамъ, между прочимъ, сказано слѣдующее: »Къ тому же время настоящее паче требуетъ отъ васъ (князей) согласія, понеже со стороны Татара, а съ другую Литва предѣлы Рускіе губятъ«.

разсматриваемой нами эпохи отличался не такими стремлениями, другой тогда только что явился. Мы говоримъ о Литвѣ и татарахъ. Въ стремленіи подчинить себѣ югозападную Русь, они смѣнили собою западныхъ ея сосѣдей, принужденныхъ прекратить свои притязанія.

1. Обращаемся къ Литвѣ.

Трудно допустить, чтобы она была мирнымъ сосѣдомъ Руси даже въ первое время, когда наши лѣтописи начинаютъ говорить о столкновенияхъ съ нею¹⁾. Правда, онѣ вовсе не упоминаютъ объ ея нападеніяхъ до половины XII в.²⁾, а извѣстія о томъ иностранныхъ лѣтописцевъ не могутъ быть приняты въ расчетъ³⁾; но это еще не гово-

¹⁾ Народы литовскаго племени уже готовы были тогда выступать за свои предѣлы съ цѣлью грабежа. Кадлубекъ говоритъ объ извѣстномъ Маславѣ: «Hic XX exercitissimorum Cuspidariorum contra Casimirum armat exercitus exceptis Sagittariis habitis bipennantibus spatariis, imo etiam Pinitimis, tam equitum copiis quam peditum, qui eo spe questus illecti confluerant: fortunam secuti non hominem! — Quibus omnibus a Casimiro confectis, non minores rursus vires instaurant; quatuor Maritimarum acies, totidem Geticas (подъ *Getae* Кадлубекъ разумѣлъ пруссовъ), nec non Dacorum ac Ruthenorum larga asciscens suffragia: quos nulla remoriatur difficultas, non ut Amico morem gerant, sed ut hosticam odii rationem, ut antiquam invadiae sitim errore Polonorum expleant». (Pars I, p. 112—113). По словамъ Длугоша (lib. III, col. 223), Маславъ возбудилъ *Pruthenos*, ad quos confugerat, *Jacuingos*, *Slonenses*, *ceterique Pruthenici tractus barbaros*. Стрыйковский говоритъ о нападеніяхъ литовцевъ на Польшу послѣ смерти Мечислава II (str. 161: «A Polskę bez zawierchnego pana, kto się nie lenił, najeżdżał i trapił, tak Czechowie, Niemcy, Węgrowie, jako i Prussowie pogoni z Litwą») и при Казимірѣ [по словамъ Стрыйковского (I, 163), Ярославъ Казимира «zawždy rycerstwem Ruskim, przeciw Niemcom, Mazurom, Prussakom, Litwie i Czechom radował»]; въ другомъ мѣстѣ (str. 85) онъ говоритъ о набѣгахъ на Польшу съ старыми пруссами одного изъ древнѣйшихъ жмудскихъ князей — Сперы.

²⁾ Сомнѣніе можетъ быть только о разбитіи въ 1106 г. Зимѣголю Всеславича и его братьевъ (П. с. р. л., I, 120), но и въ этомъ случаѣ больше основанийъ вмѣстѣ съ Карамзиннымъ (И. Р. Р., II, стр. 82) думать, что нападавшими были полоцкіе князья. Татищевъ (II, 204) такъ и говоритъ.

³⁾ Длугошъ (lib. IV, col. 394), говоря о походѣ Ярослава Святополковича [совершившемся по словамъ Ип. сп. въ 1112 г. (Ип., 196)], называетъ послѣднихъ «gentem molestam infestamque per frequentes excursiones Ruthenis»; но извѣстіе о походѣ взято Длугошемъ, какъ это видно изъ сличенія его разсказа съ кievскою лѣтописью, цѣликомъ изъ послѣдней, и если въ ней нѣтъ сказаннаго имъ въ приведенныхъ нами

рять противъ нашего предположенія: нападенія литовцевъ, по всей вѣроятности, были незначительны и, пожалуй, не часты, и потому могли быть и не упомянуты въ лѣтописяхъ мѣстностей, на которыя не были устремлены; мѣстные же лѣтописи княжествъ, страдавшихъ въ то время отъ литовцевъ¹⁾, до насъ не дошли. Русскіе были тогда сильны благодаря тому, что между князьями не было еще того разобщенія, какое мы видимъ въ послѣдствіи, и, не ограничиваясь только отраженіемъ нападений, предпринимали походы въ глубь самой Литвы съ цѣлью усмиренія ея обитателей, а иногда, быть можетъ, и съ цѣлью обложенія данью, или прямо съ цѣлью обогащенія добычею и въ особенности плѣнниками²⁾. Еслибы Русь представляла собою постоянно одно

словыхъ, то слова Длугоша нужно признать выдуманнымъ имъ самимъ объясненіемъ на основаніи того, что ему было извѣстно о Ятвѣгахъ позднѣйшаго времени. Стрыйковскій повторилъ рассказъ Длугоша (I, 183). — У Длугоша подъ 1103 г. (lib. IV, col. 352) говорится: «*terras Russiae a Ruthenis et Lithuanis vastatae sunt*»; тоже повторилъ и Мѣховитъ, поставивши только вмѣсто *Ruthenis* — *Pruthenis* (*Ruthenis* въ текстѣ Длугоша, очевидно, опечатка), а Стрыйковскій (стр. 181) къ пруссамъ и литовцамъ прибавилъ ятвяговъ. Длугошъ въ этомъ случаѣ показалъ слова нашихъ лѣтописей, подъ тѣмъ же годомъ сообщающихъ, что на русскую землю напали *прузи*, т. е. саранча. Ту же грубую ошибку допустилъ онъ и прежде подъ 1089 г. (lib. IV, col. 316, C); въ «Нов. врем. лѣтъ» говорится подъ 1095 г. слѣдующее: «придоша пружи, мѣсяца августа въ 28, и покрыша землю и бѣ видѣти страшно, идишу къ полунощнымъ странамъ, ядуша траву и проса» (II. с. р. л., I, 98); у Длугоша читаемъ: «*Succedunt Poloweys Prutheni et 28 Augusti terras Russiae in magna multitudine ingressi vastant illas*». Стрыйковскій (стр. 175) къ пруссамъ опять прибавилъ литовцевъ и ятвяговъ.

¹⁾ Княжествъ: Волынскихъ, Полоцкихъ, Турово-Пинскихъ.

²⁾ О плѣнникахъ упоминается часто. Такъ объясняемъ мы походы: Владимира Св. — на ятвяговъ (983), Ярослава — на нихъ же (1038) и на литовцевъ (1040 и 1044). Изяслава — на Голды (1059), Бориса Полоцкаго — на ятвяговъ (1102), половецкихъ князей — на Зимѣголу (1106), Ярослава Святополчича — на ятвяговъ [1112 г. (Ип., 196) и 1113 (II. с. р. л., I, 127, гдѣ сказано: «Ходи Ярославъ, сынъ Святополчъ, на Ятвигы *второе*)], Мстислава Мономаха — на Литву [1130: Таглиц. II, 231, и 1131 по Лавр. (II. с. р. л., I, 132); подъ 1132 г. говор. о послѣднемъ походѣ: Ип., 212; подъ 1131: Нив. въ II. с. р. л., IX, 157; Воскрес. *ibid.*, VII, 29]. Наши лѣтописи, по большей части, не вдаются въ подробности объ этихъ походахъ и не указываютъ оснований, по которымъ они были предприняты. Побужденія, которыми ру-

политическое цѣлое, то очень могло бы стать, что она покорила бы въ концѣ концовъ литовское племя. Но, при отсутствіи этого условія, если Русскимъ и удавалось иногда обложить данью литовцевъ, то такая зависимость послѣднихъ никогда не продолжалась долго ¹⁾. Иногда

ководились князья, можно уловить, быть можетъ, только въ разсказахъ о весьма немногихъ изъ нихъ. Такъ, напр., можно думать, что походъ на ятвяговъ Бориса былъ предпринятъ съ цѣлью добычи, потому что сообщающій о немъ Татищевъ говорить (II, 199): «Борисъ Всеславичъ Полоцкій ходилъ на Ятвягъ и, побѣдя ихъ, возвратясь, поставилъ градъ Борисовъ въ свое имя и людьми населилъ» (у Даниловича же: «*Laboris sue Litwy i kronika Ruska*». Wilno 1827, str. 122, прим. 16, говорится, что Борисовъ основанъ Борисомъ Всеволодовичемъ; показанія объ основаніи Борисова литовскихъ лѣтописей мы приведемъ ниже), равно какъ и походъ на ятвяговъ Ярославъ Свѣтополчича (Татищевъ говорить о немъ, что онъ «побѣдя ихъ многихъ побилъ, но плѣнниковъ мало досталъ, понеже никто живъ дань не хотѣлъ, а въ лѣса за ними гнаться Русскіе не смѣли»).

¹⁾ Длугошъ говорить, что до 1205 г. литовцы были постоянными данниками Русскихъ. Подъ 1205 г. у него читаемъ: «*Tunc quoque primum Lithuanicę gentis nomen, quod in eum latebat diem, auditum sermī enim Ruthenorum existentes, annis pluribus personata et suberes pendebant* (lib. VI, col. 599); къ тому же предмету онъ возвращается еще нѣсколько разъ; lib. X, col. 116: «*Principes Russiæ et Kiovienses prefectibus eorum (i. e. Lithuanorum) permoti, ipsos, quoniam silvas eorum ditionis occupassent, vile tamen et modestum in signum tantummodo ditionis et domini, illos coegerunt. Pendebantque pro tributo annis multis ex quercinis frondibus personata, cum crassius ab his, ob terrę sterilitatem, excipi non posset*»; подобное же читаемъ выше — col. 115, A; lib. X, col. 117: «*imperiū nunc Ruthenīs, sub quorum imperio annis prope mille, veluti servile vulgus, fuerat. Mxhovitę къ *personata* и *suberes* прибавилъ *pelles*. Это свидѣтельство Длугоша рѣшительно не выдерживаетъ критики: какъ увидимъ ниже, нападенія литовцевъ начались задолго до указываемаго Длугошемъ времени выступленія литовцевъ на сцену; но и до начала этихъ постоянно упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ набѣговъ частые походы князей, начиная съ Владиміра I, показываютъ, что Русскіе не могли прочно утвердить тамъ свою власть. — Стрыйковскій также считаетъ данничество со стороны Литвы преобладающимъ явленіемъ въ отношеніяхъ ея къ Руси въ первый періодъ, но считаетъ — съ значительными ограниченіями въ сравненіи съ Длугошемъ и вообще характеризуетъ отношеніе Русскихъ и литовцевъ довольно близко къ истинѣ. Вотъ его слова: «...Ruscy mocniejszcy, tak srogo byli zwycięzcy, zwycięm, zlodowali i ściszeli, że w lasach Litwy z Zanozdzim do tych czasow ani slychac było, bo się jeszcze gruntownie nie rozkrzewili byli. A Ruska mo-*

Русскіе терпѣли даже неудачи во время походовъ. Прятавшіеся въ лѣсахъ жители, предоставлявшіе нападавшимъ грабить ихъ села, удаляли печально на оставшихъ 1).

Начиная со второй половины XII столѣтія, можно положить второй періодъ въ отношеніяхъ Руси къ Литвѣ, когда послѣдняя является энергическимъ нашимъ врагомъ. О ея набѣгахъ начинаютъ говорить

narchia nie tylko Litwie... w postrachu była z dawnych lat, zwłaszcza lata od Chrystusowego zbowienego narodzenia 861, czasu Holga, Igora, Rurika, książąt, także za Swentosława, Włodzimierza i Jarosława... za których też monarchów Ruskich już Litwa była znaczna, ale Rusi, dla przyległości, poddana być musiała (сл. стр. 219: «służyła Litwa Rusi»; сл. также разсказъ о Монтивилѣ Гимбутовичѣ на стр. 234) Wszakże gdy patrzyli czas, do Ruskich xieztw najeżdżali. (I, 217).—Въ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ мы нашли одно только указаніе на платежъ Руси дани со стороны литовскихъ племенъ: «А се суть нинѣ языци иже дань даютъ Руси: Чюдь, .. Литва, Зимягола, Корсь» (П. с. р. л., I, 5). Въ *Перекл.* прибавлено о Литвѣ: «испрыва искоиниі даници и конокрѣмци». О ней говоритъ также Воскресенская лѣтопись (П. с. р. л., VII, 164 и 253) и упоминаютъ наши народныя пѣсни. Въ одной быльнѣ («Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ», ч. I. М. 1861, № 12. стр. 73) Пля Муромецъ говоритъ:

Жилъ я во хороброй Литвы

Но три-году поры времени.

Выхаживалъ выходы отъ князя Владиміра.

Сл. слова Кояловича (Historia Litvaniae, t. I, p. 36), что Литва находилась въ зависмости отъ Русскихъ, когда Владиміръ княжилъ въ Новгородѣ.—Приведемъ здѣсь еще два слѣдующія извѣстія Татищева: «983. Ходилъ Владиміръ на Ятвиговъ, и побѣди ихъ, *покоря землю себѣ*, возвратился къ Кіеву» (II, 62); «1040. Ярославъ ходилъ на Литву, которыхъ покоря, возложилъ дань и возвратился».

1) Къ извѣстію начальной лѣтописи о томъ, что Ярославъ I Владиміровичъ ходилъ на ятвиговъ, въ Ник. (П. с. р. л., IX, 81), Воскрес. (ib., VII, 331) и Соф. Врем. прибавлено, что онъ не могъ ихъ взять; въ нѣкоторыхъ спискахъ, напротивъ, прибавлено: «И побѣди»; у Татищева мы находимъ: «Ходи Ярославъ на Ятвиги и побѣдилъ ихъ, по градовъ (?) ихъ взять не могъ, ибо не хотѣлъ со стѣнами битися и людей терять, скота же и имѣнія по селамъ множество набравъ, возвратился» (II, 107); не пытался-ли этимъ Татищевъ примирить разнорѣчивыя показанія? — О второмъ походѣ Мстислава Владим. Кіевская лѣтопись говоритъ: «и пожгоша я (т. е. литовцевъ), а сами ся разхоропиша, а Кіань тогда много побиха Литва, не встѣи бо бяху съ княземъ, по послѣди идяху». Сл. Татищева II, 242. О прятаніи въ лѣсахъ ibid., 210. 241—242.

лѣтописи всѣхъ смежныхъ съ нею русскихъ земель. Нельзя сказать, чтобы литовцы оставались безъ возмездія. Нерѣдко они терпѣли жестокаго пораженія въ русской землѣ¹⁾, не говори о томъ, что отъ нихъ часто отнимали добычу²⁾, но это ихъ не останавливало, равно какъ и походы Русскихъ на Литву, которые были предпринимаемы не всѣми князьями вмѣстѣ, а порознь, при чемъ, конечно, князья не были особенно страшны литовцамъ³⁾. Сами же литовцы въ своемъ бытѣ, мало

¹⁾ Въ 1210 г. они были избиты повгородцами въ Ходынцахъ. Въ 1219 г. Мстиславъ Черниговскій избилъ всю нападавшую Литву; въ 1225 г. Ярославъ, нагнавши литовцевъ, не только отнялъ добычу, но и избилъ ихъ 2000.

²⁾ Напр., повгородцы—въ 1200 г.

³⁾ Татищевъ подъ 1173 (III, 182 — 183) говоритъ о походѣ на Литву Романа Смоленскаго, но въ лѣтописяхъ о немъ нѣтъ ни слѣда и намека. Затѣмъ извѣстны походы: псковскаго тысяцкаго Будила—1183 г. (Тат. III, 252); полоцкихъ князей на Литву, а повгородцевъ съ Ярославомъ Владиміровичемъ — на Зимеголу [по Никон. II, 257, знающей только о послѣднемъ походѣ, это случилось въ 1191 г., а по Татищеву (III, 301)—въ 1192 г.]; Ольговичей на Литву въ 1205 г. [такъ въ *Кенігсб.*, стр. 299 (сл. II. с. р. л., I, 179); по словамъ Новгородской лѣтоп. (II. с. р. л., III, 26), Никон. (II, 277), Воскрес. (II. с. р. л., VII, 108), Татищева (III, 338), это случилось въ 1203 г. Въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ это столкновеніе съ Литвою представляется различно. Наши лѣтописи просто говорятъ: «Побѣдиха Ольговичи Литву, и убиша ихъ 1700». Татищевъ утверждаетъ, что Ольговичи предпринимали походъ на Литву по приглашенію полоцкихъ князей. Другой нападавшими считаетъ литовцевъ; Стрыйковскій, на основаніи неизвѣстныхъ намъ данныхъ, говоритъ (I, 215), что литовцы были побиты, когда возвращались съ набѣга, подстерегавшими ихъ Ольговичами «w Słomińskich polach». Потомъ извѣстно нѣсколько походовъ Романа Вел. Наши лѣтописи упоминаютъ только объ одномъ изъ нихъ, предпринятомъ имъ въ 1196 г. на ятвяговъ для отомщенія имъ за набѣга (—на Подляніе, прибавляетъ Татищевъ III, 324—325; Ип. спис. подъ 1196 г., стр. 471); но онъ ходилъ и на собственную Литву и даже далѣе, какъ о томъ свидѣлствуетъ «Слово о полку Игоревѣ». Обращаясь къ Роману и его двоюродному брату Мстиславу, поэтъ говоритъ: «Тѣмъ тресну земля и многи страны Хипова, Литва, Ятвязи, Деремела...» («Слово о полку Игоревѣ» по изд. 1800, стр. 31—32); Деремела, по Карамзину (III, прим. 114), — одинъ изъ латышскихъ народовъ. На основаніи Стрыйковскаго, можно думать, что этихъ походовъ на Литву было нѣсколько; вотъ его слова: *Aż iż Litwa uzbijała mu się często z poddaństwa, jako lud pogański nieuchamowany i niespokojny, tedy ile uphów Litewskich przez niego dostał, wszystkich de*

знакомомъ съ земледѣлемъ, не находили ничего, прикрѣпляшаго къ мѣсту¹⁾. Одному только могущественному Роману удалось сколько-нибудь обуздать ихъ²⁾. Не находя дружнаго и потому сильнаго отпо-

bydłecych robót, co miały konie i woły robuc, przymuszała. Тоже самое онъ рассказываетъ выше (стр. 202) о Романѣ Ростиславичѣ, къ которому, по его словамъ (тоже повторяетъ и Татищевъ III, 188), относится извѣстная поговорка: «Романъ, Романъ! лихимъ кормишься, Литвою орешь»; но справедливѣе вмѣстѣ съ Карамзиннымъ (III, пр. 114) отнести это къ Роману Мстиславичу, который извѣстенъ своими походами на Литву и «бѣ изоострился на поганяя яко левъ» (III, 540) и «губяше яко и коркодиль, и прехожае землю ихъ яко и ореть» (ibid., 480), и къ характеру котораго это болѣе шло; не повторить-ли Татищевъ словъ Стрыйковского? впрочемъ, у него эта поговорка является въ нѣсколько иномъ видѣ. — Въ 1209 г. ходилъ на Лезьголу великолучскій воевода Недела Пехкиничъ (II. с. р. л., III, 25). Въ 1224 г. на Литву ходили жители Русы, но были разбиты (ibid. 39). — Въ концѣ XII-го стол. Рюрикъ Ростиславичъ нѣсколько разъ собирався на Литву (одинъ разъ въ 1190 г. и два раза въ 1193 г.), но всякій разъ ему что-нибудь мѣшало (III, 452, 455, 456). — Мы перечисляемъ походы, случившіеся до выступленія Данила въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля.

¹⁾ По всей вѣроятности, всѣ граничившія съ Русью литовскія племена пребывали въ томъ же бытѣ, какой мы находимъ въ XIII ст. у ятвяговъ. Образъ жизни послѣднихъ прекрасно описанъ Ярошевичемъ («Obraz Litwy», cz. I, str. 15—16). Рассказывая о походѣ 1261 г. на литовцевъ, самогитовъ, ятвяговъ и др., Длугошъ (lib. VI, col. 702) говоритъ, что они съѣли хлѣба мало: «cum residuum iter, quo in interiora *Lithuanorum* et aliarum nationum peruersum penetrandum erat viscosum, et pluribus difficultatibus refertum esset, fames quoque pabulorum, barbaris frumenta pauca serentibus, et haec ipsa in sylvis et paludibus occultentibus, crederetur exercitui tanto occurrentia...». — О ятвягахъ Длугошъ сообщаетъ (ad a. 1264, lib. VII, col. 771), что они «pecore plurimum abundabant».

²⁾ Strykowski, str. 211: «Litwę też i Jatwieżów, ludzi łesnych w sąsiedztwie przyległych, zwojował, zhołdował i do posłuszeństwa Ruskiego mocą przypędził». Если вѣрить Стрыйковскому, то они были даже принуждены идти подъ его знаменемъ въ его послѣднемъ походѣ на Польшу (стр. 212: «...zebrał wielkie wojsko jezdne i piesze, prawie ze wszystkiej Rusi, z Jatwieżów i z Litwy»). Нѣкоторые польскіе историки вмѣстѣ съ его смертію кладутъ освобожденіе литовцевъ отъ русскаго гнета. — Народъ помнитъ Романа Мстиславича именно съ этой стороны его дѣятельности. Когда въ одной былинѣ (Рыбниковъ. I. № 73) племянники литовскаго короля просятъ на Русь, онъ говорить:

ра, небольшіе отряды литовцев¹⁾, едва ли не ежегодно вырывались на быстрыхъ коняхъ²⁾ изъ лѣсовъ; трубя въ длинныя трубы, одѣтые въ шкуры, съ такими же шапками, вооруженные самымъ простымъ образомъ, они нападали на русскія земли, грабили все попадавшееся, особенно скоть, жгли, чего не могли взять, и особенно старались увести побольше плѣнныхъ, изъ которыхъ нѣсколько челоѣкъ приносили иногда въ жертву богамъ. Если же ихъ постигало русское войско, они вступали въ бой съ крикомъ и подражая разнымъ голосамъ: перѣдко не уступали до конца и ложились всѣ на мѣстѣ. Если ихъ не успѣвали поймать на чистомъ полѣ, то нужно было оставлять всякую мысль о преслѣдованіи: они разбѣгались по болотамъ, озерамъ, островамъ, прятались въ ущельяхъ³⁾. Литовцы начинаютъ разыгрывать на запад-

• Не дамъ я вамъ силы сорокъ тысячъ,
И не дамъ прощеньяца благословеньца,
Чтобы ѣхать вамъ на свитую Русь.
Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ,
Сколько я на Русь не ѣзживалъ
А счастливъ съ Руси не выѣзживалъ.
Поѣзжайте вы во землю во Левонскую... •

Доказательства того, что это относится къ Роману Мстиславичу, см. въ замѣткѣ П. Б. на концѣ сборника (стр. IV—V).

1) Самая большая цифра, упомянутая въ лѣтописяхъ, — 7000 челоѣкъ; въ 1200 г. новгородцы убили 80 челоѣкъ изъ нападавшихъ.

2) Есть, впрочемъ, примѣры, что они воезали и нѣшкомъ. Ип., 513.

3) Такое описаніе литовскихъ набѣговъ мы предложили на основаніи довольно нагляднаго изображенія ихъ у Стрийковскаго на стр. 215, 220 и 235. Наши народныя нѣсни также не забыли ихъ (см. у Рыбникова №№ 73 и 74). Литва въ этихъ нѣсняхъ называется, большею частію, «хороброу» (ibid., 72, 73, 178—186, 187, 202, 236 стр. и д.). Стрийковскій говоритъ о набѣгахъ Литвы и лтвиговъ еще во времена Романа Ростиславича (I, 202). На юго-зап. Русь лѣтописи впервые упоминаютъ о нападѣніяхъ ихъ въ княженіе Романа (Ип., 471). Псковъ, по лѣтописямъ, подвергся первому нападѣнію, кажется въ 1183 г. (П. с. р. л., III, 18); около этого же времени кажется, начали терпѣть отъ литовцевъ и новгородцы; въ лѣтописи читаемъ: на Ярославъ Владиміровича «негодовахуть Новгородци, зане много творяху пакости волости Новгородскы» (ibid.). На смоленскую область извѣстно нападеніе 1217 г. (о немъ сохранилось извѣстіе только у Длугоша, Иб. VI, col. 602, который занесъ его подъ 1207 г.; за неимѣніемъ мѣста для этого, мы отлагаемъ объясненіе того, почему мы считаемъ вѣроятнымъ это извѣстіе и почему отнесли его къ 1217 г.). На Черниговъ

ной окраинѣ ту же роль относительно насъ, каковую на востоѣ выполняли Половцы, не исключая того, что стали принимать участіе въ усобицахъ русскихъ князей ¹⁾).

Съ такимъ же характеромъ разбойническаго, расчлененнаго на множество мелкихъ волостей народа является Литва и при Данилѣ. При этомъ, изъ трехъ, примыкавшихъ болѣе или менѣе къ границамъ его владѣній, литовскихъ племенъ—Литва и Жмудь готовы были входить въ сдѣлку, какъ это мы видимъ въ договорѣ о мирѣ, заключенномъ между 1219 и 1221 гг. ²⁾. Договоръ этотъ, сколько можно замѣтить, поддерживался довольно долго ³⁾. Въ это время Литовцы были даже полезны Данилу, принудивши Лешка своими набѣгами на Польшу, по приглашенію перваго, къ заключенію мира съ Даниломъ и прекращенію непріязненнаго образа дѣйствій относительно послѣдняго ⁴⁾. По словамъ Стрыйковского ⁵⁾, они помогали и Мстиславу въ его походѣ на Галичъ. Но около времени татарскаго нашествія договоръ, вѣроятно, потерялъ силу, и мы встрѣчаемъ постоянныя вторженія литовцевъ, хотя, какъ

извѣстенъ набѣгъ литовцевъ въ 1209 г. [Ник. II, 344;—Воскр. II. с. р. л., VII, 123,—въ 1220 г. это отпосить, Стрыйковскій (I, 233)—къ 1218 г.]. Особенно должны были страдать волости полоцкія и турово-пинскія (указаніе о послѣднихъ см. въ Ип., 503, 530, 531; Strzykowski, I, 215). И. Д. Бѣляевъ представляетъ въ черзчуръ розовомъ цвѣтѣ отношенія полочанъ и литовцевъ.

¹⁾ Ип. см. подъ 1162, стр. 355: »приходи Рогволодъ (одинъ изъ полоцкихъ князей) на Володаря съ Полотичаны къ Городцю, Володаръ же не да ему полку во дне, но ночь выступи на нь изъ города с *Литвою*...—Литва участвовала въ походѣ 1169 г. на Кіевъ (II. с. р. л., IX, 237).—Ип., 1180 г., стр. 419: »И придоша Полотьскіи князи въ стретенис, помагающе Святославу: Васильевичи Брячиславъ изъ Витебска, братъ его Всеславъ съ Полочаны, съ ними же бяхуть и *Либъ и Литва*....»

²⁾ Лѣтопись говоритъ о немъ подъ 1215 г. и помѣщаетъ его между первымъ изгнаніемъ Мстислава изъ Галича и вторымъ его походомъ на послѣдній.

³⁾ Въ 1229 г. литовцы воевали съ поляками; »*мняще мирни суще*, и придоша ко Берестю...» Ип., 503.

⁴⁾ О нападеніяхъ литовцевъ на Польшу упоминаетъ Длугошъ (lib. VI, ad. a. 1211, col. 611, A) и Стрыйковскій (I, 220), при чемъ они толкуютъ о небываломъ пораженіи какихъ то небывалыхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ русскихъ князей (Ibid.; Strzyk., I, 228—229).

⁵⁾ I, 226.

увидимъ послѣ, въ нихъ припимала участіе не вся Литва. Одинъ разъ они воевали около Пересопицы ¹⁾, въ другой разъ—около Мѣльницы и Лековни ²⁾. Нападенія можно было опасаться каждую минуту. Плато-Карпини, проѣзжавшій чрезъ южную Русь въ 1246 г., говоритъ: «Дорогою мы были безпрестанно въ опасности отъ Литовцевъ, которые вообще часто дѣлали набѣги на Русскую землю, а на тѣ мѣста, которыми намъ приходилось проѣзжать,—въ особенности ³⁾».—Итвяги же, отличавшіеся неукротимымъ характеромъ ⁴⁾, были постоянными врагами югозападной Руси. Около 1228 г., по удаленіи Мстислава изъ Галича, они повоевали земли около Берестя ⁵⁾; вскорѣ затѣмъ они опустошили страну около Ожожа и Бусовна ⁶⁾. Было много и другихъ набѣговъ. Вотъ что говоритъ лѣтопись: «Василко бо бѣ въ возрастѣ середній, умомъ великъ и дерзостью, иже иногда *многажды побѣждаше поганые...* И во иная времена, Божіею милостью, избѣени быша погани, ихъ(т) же не *хотѣхомъ писати отъ множества ради* ⁷⁾».

Конечно, подобныя нападенія весьма мѣшали благосостоянію страны, но все-таки не представляли еще серьезной опасности и могли быть усмирены безъ особенныхъ трудовъ союзомъ князей югозападной Руси, что мы и видимъ въ княженіе Данила съ итвягами. Ограничиваясь первоначально только отраженіемъ набѣговъ ⁸⁾ или ихъ предупрежденіемъ ⁹⁾ и имѣя возможность посылать на Литву воеводъ съ небольшими

¹⁾ Ип., 530.

²⁾ Мѣльница—м. Вол. губ., Луцкаго у., на р. Стохадѣ. «Мат.» Барсова, 131.

³⁾ Стр. 8.

⁴⁾ Кадлубекъ (II, 86) говоритъ о нихъ: «gens atrocissima, omnium feragum immanitate truculentior. И теперь еще они рѣзко отличаются отъ бѣлоруссовъ и литовцевъ грубыми нравами и свирѣпою паружностью, такъ что у бѣлоруссовъ существуетъ поговорка: «*выгляда якъ ядвина*», т. е. смотритъ разбойникомъ» («Вѣстникъ Ю.-З. и З. Россіи», 1862, октябрь; ст. Лебединна: «О племенномъ составѣ народонаселенія зап. края Россійской имперіи», стр. 3).

⁵⁾ Ип., 502.

⁶⁾ «Преже же войны Данилови Черниговское». Ожожа и Бусовно не указываются изслѣдователями. Судя по словамъ лѣтописи: «и еще бо Холму не поставлену бывшю Даниломъ», они находились гдѣ-то въ Холмской области. Ип., 530—531.

⁷⁾ Ип., 531.

⁸⁾ Ibid., 502, 530—531.

⁹⁾ Мы уже упоминали о Владимірѣ пинскомъ, посаженномъ въ

только отрядами ¹⁾, Даниилъ, съ успокоеніемъ страны внутри, предпринимае съ братомъ, въ союзъ съ польскими князьями ²⁾, нѣсколько блестящихъ походовъ на ятвяговъ ³⁾. Всякій разъ онъ наносилъ имъ сильное опустошеніе, сожигая деревни, забирая имущество и уводя множество плѣнныхъ, а иногда избивая въ селѣ всѣхъ до сдѣнаго почти жителей ⁴⁾. Несмотря на то, что противъ него собиралась вся Ятвяжская земля, приводившая къ себѣ на помощь вармовъ ⁵⁾, пруссовъ и бортовъ ⁶⁾, сопротивляться не было возможности. «Воемъ же всимъ съѣдшимъ, и веружившимся плѣнцемъ изъ стана; щитѣ же ихъ яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ яко солнцю восходящу, копьемъ же ихъ дрыжащимъ в рукахъ яко трѣсти мнози, стрѣлцемъ же обоимъ идущимъ, и держащимъ в рукахъ рожанци своѣ, и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу рагнямъ. Данилови же на конѣ сѣдлицу и воѣ рядлицу, и рѣна Прузи Ятвяземъ: «можете ли древо поддержати сулицами, и на сию рать дерзнути?» Они же видѣвши и возвратишася восвоеи ⁷⁾. Въ другой разъ «приѣха отъ Ятвязъ Юндилъ, рекшу ему сице: «Данило! добру дружинну держиши и велици полци твои ⁸⁾. И вотъ ятеяги приѣхали «дающе таль и миръ, молящися дабы не избилъ колодниковъ... Хотящу же ему намы изыти на нѣ на брань и собирающу вой, увѣдавшие

1229 г. въ Берестѣ. Подъ 1241 г. лѣтопись говорить: «Василко же князь осталъ бѣ стеречи землѣ отъ Литвы» (Ип., 526).

¹⁾ «Иногда многожды посылающими или на поганше». Ип., 531.

²⁾ Именно въ союзъ съ тѣми князьями, области которыхъ были смежны съ землею ятвяговъ, т. е. въ союзъ съ Сомовитомъ мазовецкимъ и Болеславомъ Студивымъ краковскимъ.

³⁾ Первый походъ, по нашему мнѣнію, имѣлъ мѣсто около 1248 г.; лѣтопись ставитъ его подъ 1251 г., но, по ея словамъ, онъ послѣдовалъ скорѣ за смертію Болеслава Копрадовича, а послѣдній умеръ, по словамъ Репелли («Gesch. pol.», I, 490), скорѣ послѣ своего отца, скончавшагося въ 1247 г. Другой походъ отнесенъ въ лѣтописи въ 1255 г., но онъ былъ совершенъ послѣ коронованія Данила, которое случилось въ 1253 г. (см. выше); третій она кладетъ подъ 1256 г., а мы полагаемъ, что онъ совершился около 1254 г.

⁴⁾ Ип., 552.

⁵⁾ Вармія, по словамъ Шегрена, — старопрусская провинція. «Лѣт. по Ип. си.», 539, прим. 3.

⁶⁾ Борты, по мнѣнію Арцыбашева (III, прим. 101), — жители старей Пруссин, Растенбургскаго округа, гдѣ городъ Бартештейнъ.

⁷⁾ Ип., 540.

⁸⁾ Ib., 553.

же Ятвязи се, послапаа послы своя и дѣти своя, и давъ дана, и общезавуся работѣ быти ему и города рубити в землѣ своей ¹⁾). Вскорѣ, дѣйствительно, съ нихъ была собрана дань ²⁾). Платили ли они ее и въ дальнѣйшее время, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, Даніилъ достигъ своей цѣли въ отношеніи къ нимъ,—вполнѣ обезопасивъ отъ нихъ свои предѣлы: лѣтопись не упоминаетъ болѣе о ятвяжскихъ набѣгахъ въ княженіе Даніила ³⁾).

Тоже могло бы случиться, мало по малу, и съ другими литовскими племенами. Но въ то время, какъ ятвяги продолжали жить по исконно установившимся у нихъ порядкамъ и, хотя и соединялись для защиты, а иногда и для нападенія, не представляли однако изъ себя одного цѣлаго и не думали о государственной жизни ⁴⁾), среди двухъ остальныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ пораженія литовскихъ племенъ, среди Литвы и Жмуда начинаеть обнаруживаться поворотъ къ построению жизни на новыхъ началахъ ⁵⁾). Этотъ поворотъ грозилъ серьезною опасностію, между прочимъ, и югозападной Руси.

Прежде всего укажемъ на то, что дѣлю начинаеть идти уже не о грабешѣ, а о захватѣ литовцами тѣхъ или другихъ русскихъ земель и утвержденіи въ нихъ своего владѣчества. Подъ вліяніемъ развившагося отъ постоянного соприкосновенія и сближенія съ Русскими вкуса къ болѣе цивилизованной жизни, представители отдѣльных литовскихъ дружинъ ⁶⁾), состоявшихъ, быть можетъ, изъ лицъ одного какого-нибудь

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid., 553—554.

³⁾ Д. Н. Зубрицкій, говоря объ этихъ походахъ Даніила на ятвяговъ, не называетъ ихъ войнами съ какою нибудь политическою цѣлью, а считаетъ ихъ простыми набѣгами ради добычи или наказанія за какое-нибудь оскорбленіе русскихъ предѣловъ («Исторія др. Гал.-р. княж-., III, 160 и 176). Но условія, съ выполненіемъ которыхъ ятвягами прекратились походы на послѣднихъ, убѣждаютъ въ противномъ. Самъ Зубрицкій склоняется къ тому на стр. 182.

⁴⁾ Ил., 531: «и убито бысть князей сорокъ...» Ил., 539: «и мнози князи Литвызскіи избѣени быша».

⁵⁾ Впрочемъ, переломъ происходилъ медленно; набѣги продолжались; имъ потворствовалъ самъ Миндовъ. Извѣстно нѣсколько набѣговъ при немъ на Польшу съ цѣлью грабежа. Даже Русскіе подчинившіеся литовцамъ, должны были участвовать въ нихъ.

⁶⁾ «Въ лѣто 6774 (1264) блаженный же князь Домонтъ съ дружиною своею и со всѣмъ домомъ своимъ, оставивши отечество свое землю Литовскую, и приѣхъ въ Исковъ и крестися». Соф. Врем.

рода, устремляются на сосѣднія русскія княжества съ цѣлью водворенія тамъ своей власти вмѣсто господства Рюриковичей. Они и сопровождающіе ихъ не измѣняютъ прежнихъ порядковъ ¹⁾, забираютъ только земли друженниковъ ²⁾, не имѣютъ притязаній на какое-нибудь болѣе или иное значеніе, чѣмъ то, какое имѣли князья Рюриковичи; литовскіе вожди охотно и усердно выполняютъ роль славянскихъ князей, а дружины ихъ—роль прежнихъ дружинъ, и защищаютъ занятую землю совершенно, какъ тѣ. Они не стремятся къ исключительному преобладанію, не смотрятъ съ презрѣніемъ на побѣжденныхъ, напротивъ, относятся къ нимъ, какъ къ единокровнымъ ³⁾, и дружатся съ ними ⁴⁾; не оказываютъ давленія на побѣжденныхъ, но сами поддаются ихъ вліянію ⁵⁾. Въ силу этого русское населеніе, которое, бывали примѣры, не всегда считало за Рюриковичами исключительное право владѣнія русскою землею ⁶⁾, скоро свикалось съ господствомъ пришельцевъ и, не тиготясь имъ, поддерживало ихъ въ ихъ предпріятіяхъ.

1) У Товтивила были *бояре*, какъ и у прежнихъ князей. См. ниже.

2) О раздачѣ земель литовскимъ дружинникамъ см. у Стрыйковского (I, 236): «*Erzbiwi Montwiłowicz, książę Ruskie Nowogrodzkie, — zaraz tym panom i rycerstwu Żmudskiemu Litewskiemu...*» (дальше говорится о надѣлѣ землями).

3) Бояре Товтивила были *полочане*: «...а бояри *Полотьскыя* искована и просина у Полочанъ сына Товтивилова убити же; и онъ вѣжа въ Новгородъ, съ *мужми сооими* (опять литовцы—дружинники), тогда Литва посадила свои князи въ Полотъскъ, а *Полочанъ пустыща*, *которыхъ* изымали съ княземъ ихъ». II. с. р. л., III, 58.

4) Товтивиль называется въ повгородской лѣгонис «добрымъ»: «убиша *добра* князя Полотского Товтивила». II. с. р. л., III, 58. Стрыйковский говоритъ (I, 236) о литвинахъ, поселившихся въ русскихъ земляхъ послѣ завоеванія ихъ Эрзвиломъ, что они побратались и покупались съ русскими—христианами [*Polrzy pobratawszy się i pokupawszy z Rusią chrześciany, ony pustynie której odłogiemi leżały, po Batego carza srogim splundrowaniu osadzali, tak iż jeszcze i dziś mało nie w każdym kącie Ruskim, jest po części Litwy od tych czasów, z których drudzy rzadko po lite vsku rozumieją*].

5) Это объясняется, между прочимъ, и малочисленностію литовцевъ въ завоеванныхъ областяхъ. Въ 1262 г. съ Товтивиломъ подъ Юрьевымъ *полочанъ и Литвы* было всего 500 человекъ! II. с. р. л., III, 57.

6) См. прежде сказанное о Галичѣ и жителяхъ земель, прилегающихъ къ восточнымъ окраинамъ Давидовыхъ владѣній. Упомянемъ здѣсь еще о томъ, что исковичане добровольно признали своимъ княземъ Довмонта.

тіяхъ, не обгаруживая реакцію, тѣмъ болѣе, что побѣдители служили имъ оплотомъ противъ дальнѣйшихъ нападеній Литвы 1).

Первое по времени такое движеніе литовцевъ, сколько намъ извѣстно, было направлено въ 1239 г. противъ Смоленска, но окончилось неудачею 2). Только послѣ Батыева нашествія литовцы начинаютъ успѣшно захватывать русскія области, одну за другою, и прочно утверждаются въ нихъ, съ чѣмъ согласны всѣ древнѣйшіе ихъ лѣтописцы и писатели 3). Движеніе на русскія земли съ завоевательною цѣлью до

1) Оттого-то, вѣроятно, послѣ крещенія Довмонта, по словамъ Соф. Врем., «бысть радость велика в Псковѣ, и посадиша его Псковичи на княженіе въ Псковѣ». По словамъ литовскихъ лѣтописей, жители Понѣманскихъ областей охотно поступили подъ кровъ литовцевъ (Strujk., I, 235).

2) Изгнаніе литовцевъ изъ Смоленска случилось въ томъ же году, въ которомъ онъ былъ ими занятъ, потому что есть извѣстіе, указывающее на то, что Смоленскъ былъ во власти Русскихъ еще въ 1239 г.: въ немъ въ этомъ году скончался Владиміръ Рюриковичъ (Карамз. III, прим. 347; Монагр. М. П. Погодина, VI, 311); впрочемъ, онъ могъ умереть тамъ и послѣ отнятія Смоленска у литовцевъ. Подъ 1236 г. Никоновская лѣтопись говоритъ: «Ізяславъ Мстиславичъ Смоленскій... и князь Михайло сынъ Всеволода Черныаго... и князь Ярославъ Всеволодовичъ ходиша ратью на Кіевъ...» (II, 369). (Нѣкоторые считаютъ этого князя не смоленскимъ княземъ, но это неправильно). Вотъ какъ въ лѣтописяхъ занесено разсматриваемое нами событіе подъ 1239 г.: «Іде Ярославъ (Всеволодовичъ) Смоленску на Литву и Литву побѣди («Смольянь берони» — прибавлено въ Ник. III, 5), и Князя ихъ язъ, а Смольянь урядивъ, посади у нихъ князя Всеволода Мстиславича на столѣ, внука Романа Ростиславича (см. Пунк. и Воскр. лѣт.), шурина брата своего Константина Всеволодовича (см. Никон. лѣт.), а самъ со множествомъ полкова съ великою честию отиде во своен». Карамз. IV, прим. 2. Со времени этого освобожденія Смоленска, онъ до самаго XV в. оставался подъ властію Рюрикова дома. Ибд., пр. 107.

3) См. лѣтопись Быховца, изд. Нарбуттомъ (W. 1846), стр. 4; съ нею, по свидѣтельству Стрыйковскаго (I, 234), были согласны и *всѣ остальные* лѣт. лѣтописи. Михаловъ Литвинъ, писавшій въ XVI вѣкѣ, говоритъ о своихъ предкахъ: «отправившись далѣе (отъ хорскаго берега), покорили сосѣдніе народы, Извинговъ (Ятвяговъ), потомъ Роксолановъ или рутеновъ. *Послѣдними, какъ и Москвитянами, обладали въ то время Татары Заволжскіе.* Баскаки ихъ, управлявшіе отдѣльными крѣпостями рутеновъ, были оттуда изгнаны нашими италіанскими предками, которые послѣ назвались литалами (Litali), а потомъ Литовцами (Litani)». См. отрывки изъ Михалона Литвина въ переводѣ г. Шестакова въ «Архивѣ» Калачова, во 2-й половинѣ 2-й книги

этого времени они знают только одно ¹⁾. Ко времени, слѣдовавшему за татарскимъ нашествіемъ, относится захватъ литовцами Полоцка ²⁾ и земель по верхнему теченію Нѣмана ³⁾.

(стр. 45). — Стрыйковскій, приводя упомянутое нами выше единогласное показаніе литовскихъ лѣтописей о времени перемѣтъ завоеваній этого народа на Руси, пеняетъ на лѣтописцевъ за то, что они не указываютъ времени, когда что случилось, и беретъ на себя обязанность опредѣлить это время для разсматриваемыхъ имъ завоеваній, при чемъ отодвигаетъ ихъ къ 1217 г. (!), принимая за вѣрное, что татары опустошили западную Русь впервые послѣ Калкской битвы, которую они полагаютъ въ 1212 (sic). Стр. 234.

¹⁾ Вотъ что говоритъ о немъ лѣтописецъ Быховца (стр. 3): «А потомъ князь Велики Керуусъ и Гимбутъ хотячи отчизны свои размножити, и собравши силы свои Литовскіе и Жомондскіе и поидуть на Русь къ Браславию и ко Полоцку, и Руси много шкочы починаши, и землю ихъ сказали, и людей множество въ полонъ повели. Тѣмъ и кончилися. Сл. показаніе Стрыйковского (I, 86), относящаго это къ 1065 г.

²⁾ По словамъ литовскихъ лѣтописей (лѣт. Быховца, стр. 5; Strijk., 239—240), Полоцкъ былъ завоеванъ Мингайломъ, внукомъ Монтивила жмудскаго, при которомъ сейчасъ же послѣ татарскаго нашествія были впервые завоеваны литовцами нѣкоторые русскіе города. При этомъ въ Нарбуттовомъ изданіи Быховца, на поляхъ, годъ смерти Мингайла выставленъ 1192-й [не предупредительнымъ-ли Нарбуттомъ? по словамъ Стрыйковского, лит. лѣтописи были безъ годовъ] такъ, что завоеваніе Полоцка, по словамъ этой лѣтописи, случилось до 1192 года. Стрыйковскій же говоритъ, что Полоцкъ былъ взятъ, когда въ немъ, послѣ татарскаго нашествія, не было уже никакого князя (стр. 240); съ другой стороны, по его словамъ, здѣсь княжила послѣ того цѣлая династія, по прекращеніи которой полочане вновь стали управляться вѣчею, и тогда на Полоцкъ заявилъ притязаніе и овладѣлъ имъ племянникъ Мендого Тевтиваль (стр. 286); соображая всѣ эти обстоятельства, должно сказать, что, по Стрыйковскому, завоеваніе Полоцка случилось не позже двадцати лѣтъ послѣ XIII-го стол. — Сообразно съ этимъ, многіе стали думать, что Литва овладѣла Полоцкомъ еще въ концѣ XII стол. (Нарбуттъ, а за нимъ авторъ «Обозрѣнія исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ», относящій это къ 1190 году). Это мнѣніе нерѣдко встрѣчали мы въ статьяхъ недавняго времени, касавшихся какъ-нибудь разсматриваемой нами эпохи (въ «Вѣстн. югозападной и западной Россіи»); его придерживается даже М. О. Колятовичъ («Лекціи по исторіи Западной Россіи», 77) и внесъ въ свой трудъ преемъ. Макарій («Ист. русской церкви», т. III, Спб. 1857, стр. 27). Но мы имѣемъ данныя, положительно удостовѣряющія въ несправедливости этого предположенія и показывающія, что въ Полоцкѣ были русскіе князья до самаго татарскаго нашествія. Имена, даваемые ли-

Напоръ литовцевъ отдѣльными паргіями на рускія земли не могъ еще быть опаснымъ для сильныхъ сравнительно князей югозападной

товскими лѣтописями, сходятся иногда съ находимыми въ русскихъ лѣтописяхъ (Борисъ и Глебъ полоцкіе упоминаются въ повгородскихъ лѣтописяхъ, Василій—у Татищева), * но послѣдніе говорятъ о князьяхъ—Рюриковичахъ. Приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ свидѣтельства источниковъ, начиная съ 1180 г., когда въ послѣдній разъ въ лѣтописяхъ названъ по имени полоцкій князь Всеславъ Васильковичъ (Ип., 419), и такъ какъ вскорѣ послѣ этого, повидимому, полочане остались безъ князя: въ 1185 г., при походѣ на Полоцкъ князей смоленскаго, повгородскаго (которымъ былъ сынъ смоленскаго князя), Василька Владиміровича изъ Логожска и князя Веслава (какого? Въ 1180 г., кромѣ Всеслава Васильковича, упоминается Всеславъ Милуличъ Логожскій; Ип., 419), о князѣ не упоминается, а дѣйствующими лицами являются одни полочане, которые изъ боязни, чтобы нападавшіе не причинили сильныхъ опустоженій ихъ землѣ, рѣшили помиритися на сушежѣ (П. с. р. л., III, 19; Ник. II, 252). Чего хотѣли нападавшіе, неизвѣстно; одиъ Татищевъ (III, 277) говоритъ, что дѣло шло объ обидѣ смоленскаго князя. Подъ 1191 г. упоминаются *полоцкіе князья*, замышлявшіе *походъ на Литву* [подъ ними нужно разумѣть не князей только разныхъ городовъ Полоцкой земли помимо Полоцка; это видно изъ слѣдующихъ словъ псковгородской лѣтописи: «ходи князь Ярославъ на Луки, позванъ Полоцкаго княжесю и Полоцкимъ». П. с. р. л., III, 20]. Возражающіе могутъ указать на то, что Полоцкъ продолжалъ находится во враждѣ съ Смоленскомъ (П. с. р. л., III, 23; Тат. III, 322; о подобной враждѣ говорятъ и литовскіе лѣтописи: *Strijk.*, 241—242), и на то, что въ 1198 г. полочане приходили *вмѣстѣ съ Литвою* на Луки (П. с. р. л., III, 24), но около того времени (въ концѣ 1195 мартовскаго года) упоминаются «Полоцкскіи князи» и «полочане», помогавшіе Ольговичамъ (Ип., 465—465), а въ харатейныхъ лѣтописяхъ, по словамъ Карамзина (т. III, пр. 95), названъ здѣсь князь Полоцкій Василькъ. Пропуская указаніе Татищева подъ 1203 г. на существованіе въ Полоцкѣ русскихъ князей (III, 338) и внесенный имъ въ свой сводъ обширный поддѣльный разсказъ («Изв. втораго огдъ Имп. Академіи Наукъ», т. VII, стр. 4)—64: «Два намѣта время Анна Іоанновна», ст. г. Дыкина) о полоцкихъ князьяхъ подъ 1217 (III, 403—404), укажемъ на то, что извѣстный своею борьбою съ нѣмцами князь Владиміръ [*rex Russiae de Plesceke*, какъ назыв. его нѣмцы; впервые онъ является въ ихъ лѣтописяхъ (у Геприха Латиша) подъ 1186 г., умеръ въ 1216 г.; о томъ, кто онъ былъ, существуютъ различныя предположенія] былъ врагомъ и литовцевъ и, во всякомъ случаѣ, не былъ литовскимъ княземъ: это ясно видно изъ нѣмецкихъ разсказовъ. Въ 1218 у Татищева (III, 417) упоминается

* См. еще ниже надпись на крестѣ, посвященномъ Василию—Роговолоду, сыну Борису.

Руси. Но вотъ въ головѣ одного изъ литовскихъ владѣтелей, великаго

«Василько Полоцкій», помогавшій Мстиславу въ его походѣ на Галичъ. Подъ 1222 г. въ одномъ изъ списковъ 1-й новгородской лѣтописи читаемъ: «а Ярославъ, смоляне взяли полтескъ, генгара 17, при князѣ борисѣ и глѣбѣ» (П. с. р. л., III, 38, вар. л. л.) (У Татищева подъ 1220 г. читаемъ: «Князь Смоленскій, согласился съ Ярославомъ Переславскимъ, ходилъ на Полоцкую область при князѣхъ Полоцкихъ Борисѣ и Глѣбѣ, и взялъ ихъ два города, а много области ихъ повоевалъ»). Полоцкъ является въ теченіе нѣкотораго времени какъ бы состоящимъ подъ опекою Смоленскихъ князей. Указаніе на это находимъ не только въ одномъ изъ списковъ Мстиславова договора съ Ригю, * но и въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ упоминаніяхъ этого времени о Полоцкѣ. У Длугоша есть извѣстіе, очевидно, заимствованное изъ предшествовавшихъ до насъ лѣтописныхъ списковъ, слѣдующаго рода (оно поставлено у него подъ 1216 г., но слѣдуетъ непосредственно за разсказомъ о набѣгѣ литовцевъ 1225 г. на Новгородскія и Торонецкія области. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ напрасно приурочиваетъ послѣдній къ разсказу новгородск. лѣтописи о литовскомъ набѣгѣ подъ 6731: сл. слова Длугоша и П. с. р. л., III, 42 подъ 6733 г. «О составѣ русской лѣтописи», Приложенія, стр. 291): *sequenti quoque tempore, dum alius Lithuanicus exercitus civitatem et regionem Polocko vastaret, Dux Msislaus Davidovic cum Smolensi militia celeri cursu in Polocko adveniens, Lithuanos incautos offendens, absque numero sterit et occidit* (lib. VI, col. 619). Въ 1-й новг. подъ 1232 г. читаемъ: «Въ то же лѣто взя Святославъ Смоленскъ на щить, съ Полочанъ, на Борисъ день, и съѣхъ Смоленяны, а самъ съѣде на столѣ» (П. с. р. л., III, 48). А. А. Куникъ («Русско-лив. а. с., Anhang. № II; s. 449—450) напрасно считаетъ этого Святослава, вопреки лѣтописному свидѣтельству, литовскимъ княземъ. Въ послѣдній разъ Полоцкъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ въ качествѣ принадлежащаго Русскимъ города подъ 1239 г. (П. с. р. л., III, 52). Въ Стененой книгѣ говорится объ Ярославѣ Всеволодовичѣ по возвращеніи его въ 1243 г. отъ Батяи: «И прійде въ землю свою честно, и многи пришельци утѣши, и множество людей собра; сами приходяду къ нему въ Суждальскую землю отъ славныя рѣки Дибра и отъ всѣхъ странъ: Галичане Волынскіи... Полочане, Рязанцы и вси

* «Русско-лив. акты», 440—441, 447: «Тая правда Латвискому въ зятіи оу Роуской земли оу вѣлѣсти князя Смольнеского, й оу Пологеского князя вѣлѣсти, й оу Витьбеского князя вѣлѣсти» (въ др. списк.: «Немчию по Смоленеской волости, по Полотеской, по Витьбеской»; изъ предпоследней фразы очевидно, что въ Полоцкѣ оставался свой князь. Въ Ливонской хроникѣ подъ 1228 г. говорится, что Мстиславъ Смоленскій и подписался за князей Полоцкихъ и Витебскихъ Россіяны; по словамъ ея же (подъ 1222), *вмѣстѣ съ княземъ смоленскимъ* и др. князьями, въ Ригу отправлялъ пословъ и князь полоцкій. Впрочемъ, А. А. Куникъ приведенное нами мѣсто изъ договора понимаетъ иначе («Русско-лив. акты», s. 405).

политика, хотя и варвара, зарождается мысль объ утвержденіи въ

подражаху храбрости его. Карамзинъ (IV, примѣчан. 37) замѣчаетъ: «Пустословіе новѣйшихъ временъ». — Подъ литовскимъ владѣтельствомъ Полоцкъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ съ 1258 г. (II. с. р. л., III, 56). Такимъ образомъ, занятіе Полоцка Литвою случилось въ двадцатилѣтіе отъ 1239 г. по 1258, когда въ немъ уже сидѣлъ Товтивиль. По словамъ Стрыйковского (I, 287). Товтивиль владѣлъ имъ при началѣ войны Данила съ Миндовомъ, т. е. въ началѣ пятидесятихъ годовъ XIII стол. Невозможно допустить, чтобы въ такое короткое время успѣла править въ Полоцкѣ цѣлая линія литовскихъ князей, состоявшая, по извѣстію литовскихъ лѣтописей (Быховецъ, 5; Стрыйковский, 240 — 243), изъ пяти князей (имена ихъ: Мингайло, Гиневиль - Юрій. Борисъ - Василій, Рогвольдъ, Глѣбъ), изъ которыхъ Василій, наприм., «жилъ немало» въ Полоцкѣ («Лѣт. Быховца», ib.). Не возможно отнести эту династію и въ послѣдующему времени. 28-го декабря 1264 г. Полоцкъ находился подъ верховною властію литовскаго князя Герденя («Русско-лив. а.», XXV*, стр. 13). Около 1265 или 1266 г. въ Полоцкѣ сидѣлъ Изяславъ, признававшій верховную власть Войшелга (ib., XXV*, Стрыйковский также называетъ Войшелга Полоцкимъ княземъ. I, 301), который, быть можетъ, былъ тотъ самый князь, который, по словамъ новгор. лѣт., былъ посаженъ Литвою послѣ убіенія Товтивила и находился въ Полоцкѣ при Герденѣ [не Изяславъ ли это Свислочьскій, являющійся въ Ип. сп. подъ 1256 г., стр. 551?]. Потомъ Полоцкъ былъ завоеванъ Довмонтомъ. Стрыйковский (I, 324) относитъ это къ 1231 г. Его показаніе о завоеваніи подтверждается документомъ, напечатаннымъ въ «Русско-лив. актахъ» (№ XXVII), который, по всѣмъ соображеніямъ, должно отнести къ Полоцку: 1) онъ найденъ въ Рижскомъ архивѣ между исключительно полоцкими бумагами; 2) Рига вообще не находилась въ торговыхъ сношеніяхъ съ Псковомъ, гдѣ постоянно княжилъ Довмонтъ; 3) «Смоляннинъ», выставленный въ числѣ свидѣтелей, также едва-ли можетъ не указывать на Полоцкъ. Этотъ документъ едва-ли вѣрно отнесенъ издателемъ къ первому же году правленія Довмонта въ Псковѣ, т. е. къ 1266 г. Не знаемъ, на какомъ основаніи Полоцкъ у Татищева (IV, 34) названъ отчиною Довмонта. Подъ 1307 г. Стрыйковский сообщаетъ (I, 349), что нашелъ въ старинныхъ русскихъ лѣтописяхъ извѣстіе о взятіи въ этомъ году Полоцка, но, у кого онъ былъ отнятъ, онъ не сообщали. Что Полоцкъ около того времени опять находился въ зависимости отъ Литвы, это доказываетъ грамота тамонинга епископа Якова, неизвѣстно когда написанная (вѣроятно, послѣ 1307 г.), въ которой онъ называетъ Витеня (Витепеса, извѣстнаго литовскаго князя) своимъ сыномъ («Русско-лив. акты», № XXXVIII). Въ 1326 году въ Полоцкѣ сидѣлъ въ качествѣ удѣльнаго князя Витеновъ сынъ Воинъ. — Послѣ всего сказаннаго мы близки къ тому, чтобы назвать сообщаемое литовскими лѣтописями о литовской династіи, княжившей въ Полоцкѣ, легендою, тѣмъ болѣе, что

Литвѣ единовластія и объ увеличеніи силъ этого чисто литовскаго го-

въ этомъ ихъ сказаніи есть немало очевидныхъ анахронизмовъ. Гинвилъ Мингайловичъ, по ихъ словамъ, женился на дочери Бориса, вел. кн. Тверскаго (Stryk., I, 241; что это за Борисъ?) Сыны его Борисъ построилъ въ Полоцкѣ каменный Софійскій храмъ, но невѣроятно, чтобы онъ не былъ поставленъ раньше: онъ упоминается, какъ кафедральный, въ самыхъ древнихъ историческихъ памятникахъ, и нельзя думать, чтобы онъ не былъ каменнымъ (см. «Историч. свѣдѣнія о Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ» Говорскаго въ «Вѣстп. юго-запад. и запад. Рос.» 1864, № 2); развѣ Борисомъ былъ воздвигнутъ новый вмѣсто стараго, но литовскія лѣтописи («Лѣт. Бых.», 5; Stryk., 241) о томъ не говорятъ. По словамъ «Лѣт. Быховца», Борисомъ же построена другая церковь — «Святаго Спаса, дѣвичъ монастырь, у верхъ рѣки Полоты, отъ города въ полу милѣ» («Лѣт. Бых.», 5) (у Стрыйковскаго (I, 241) «Dziwiewy monastir» отдѣляется отъ «Kościoła ś. Spasa»); но Дѣвичій монастырь св. Спаса на р. Полотѣ основанъ около 1155 г. преподоб. Евфросиніемъ Полоцкою (названная ст. Гогорскаго, стр. 82; «Исторія русской церкви» преосв. Макарія, III, 52). Борисъ также основалъ, по словамъ литовскихъ лѣтописей, городъ Борисовъ на р. Березинѣ, но этотъ городъ упоминается въ Пинатскомъ спискѣ уже подъ 1128 г. (стр. 210).—Одно можетъ нѣсколько останавливать при отрицаніи существованія этой династіи: это — видѣнный Стрыйковскимъ (I, 241—242) на Двинѣ, въ 7 миляхъ отъ Полоцка и въ 1 милѣ отъ Дисны, камень съ русскимъ крестомъ и надписью: «Вспоможи Господи раба своего, Бориса сына Гинвилowego!» Кояловичъ перевелъ эту надпись на латинскій языкъ по Стрыйковскому: «Miserere Domine misericordie tuo Boriso Gniwillonis filio». Но не прибавилъ-ли самъ Стрыйковскій слово: «Гинвилова сына» [у Карамзина, приводящаго (IV, примѣч. 103) это мѣсто Стрыйковскаго по старинному русскому переводу сочиненія послѣднего, нѣтъ этихъ словъ]? Въ настоящемъ столѣтіи по Двинѣ между Полоцкомъ и Дисною найдено нѣсколько древнихъ камней съ высѣченными на нихъ крестами, посвященныхъ памяти кн. Бориса, при чемъ одинъ изъ нихъ открытъ въ 5 верстахъ отъ Дисны, а другой въ 7-ми; на нихъ слѣд. надписи: «Господи, помоги рабу твоему Борису!» Камни же, подобнаго видѣнному Стрыйковскимъ, нѣтъ. «Обозрѣніе исторіи Вѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ». Соч. Турчаниновича. Сиб. 1857. Стр. 270—271. О подобномъ же крестѣ, но только поставленномъ въ 1171 году въ память другаго князя, съ надписью: «Въ лѣто 6679 (1171) Мая въ 7 день досѣнь крестъ сій: Господи! помози рабу своему Василю въ крещеніи, именемъ Рогволоду, сыну Борисову» см. ibid., 266—267, прим. 92, или у Карамзина II, прим. 386. Вѣроятно, Товтвиль утвердился въ Полоцкѣ мирнымъ путемъ. Такова догадка Карамзина. Тоже можно думать и на основаніи выраженія Стрыйковскаго о Товтвильѣ (I, 285): «był rotym ziąźciem Połockim, bo był ochrzczoney w ruska wiare», хотя на слѣдующей страницѣ Стрыйковскій утверждаетъ, что Полоцкъ былъ завоеванъ Товтвилью.

сударства присоединеніемъ прилегавшихъ къ нему русскихъ земель, съ

3) Въ 1236 г. Новгородокъ, въ послѣдствіи названный Литовскимъ, находился еще во власти русскаго князя Изяслава, хотя и тогда уже состоялъ въ какой-то связи съ Литвою, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ галицко-волинской лѣтописи (Ип., 517): «Данилъ же возведе на Кондрата Литву, Миньдога, Изяслава Новгородскаго». Нѣсколько раньше (ок. 1228 г.) онъ упоминается въ числѣ совершенно независимыхъ городовъ; Ип., 503: «Володимеръ же со всеми князи, и Пиняны, и *Новгородци*, и Туровици, обьѣдоша Каменѣць». Нѣкоторые думаютъ, что подъ новгородцами должно разумѣть гражданъ Новгорода Великаго; но лучше обратить вниманіе на то, что они поставлены между Пинянами и Туровцами; замѣтимъ также, что, если-бы сѣверные Новгородцы участвовали въ походѣ Михаила, то о томъ сказали-бы новгородскія лѣтописи. Послѣ татарскаго нашествія Новгородокъ съ землею мы застаемъ во власти Литвы (Ип., 542—544); упомянутый же Изяславъ сидѣлъ, кажется, въ Свислочь (Ип., 551; ни въ этомъ, ни въ предыдущемъ случаѣ лѣтописецъ не приводитъ отчества Изяслава, по которому мы могли-бы судить о томъ, одно ли это было лицо, или нѣтъ; но нѣтъ основаній въ томъ сомнѣваться). Ей же принадлежать: Волковыискъ, Слонимъ, Здитовъ [г. Барсовъ Здитова не опредѣляетъ Н. С. Арцыбашевъ (III, № 116) спрашиваетъ: не р. ли Дзита Гродненской губ., Лидскаго повѣта а Даниловичъ («Skarbice», 76) спрашиваетъ, не «Zdibow» ли это. По словамъ И. Д. Бѣльева («Разск. изъ р. ист.», кн. 4-я, ч. I-я, М. 1872, 10), Здитовъ находился на Ясольцѣ], Городень—нынѣшнее Гродно (Ип., 544). Что земли были завоеваны въ недавнее время, свидѣтельствуешь и то, что, сказавши о воеваніи ихъ Даниломъ, лѣтописецъ затѣмъ говоритъ (Ип., 544): «потомъ же посласта мнози свои плѣмцы и коньники на градъ (въ Хлѣби. и Полг.: «грады ихъ») ихъ, и *пальниша всю оотчину ихъ* и страны ихъ»: «попѣманскія земли не названы «отчиною» Литовцевъ.—Литовскія лѣтописи говорятъ («Лѣт. Бых.», 4; Struyk., 235), что Ординъ Мотилловичъ, послѣ татарскаго нашествія овладѣлъ Новгородкомъ, Гродномъ, Берестьемъ, Мѣльникомъ, Дорогичинимъ, Суражемъ, Брянскомъ и Вѣльскомъ. О первыхъ двухъ мы уже сказали. Берестъ, Мѣльникъ (это-мѣст. Гродненской губ. на зап. Бугѣ, къ юго-востоку отъ Дрогичина, Барсовъ, 131. Его лучше отличать отъ Мѣльницы, о которой см. выше) находился всегда во власти Данила, слѣдоват., не могли быть захвачены Литвою (Ип., 524, 560 и далѣе; 560, 561; 524, 531, 538 и д.). Что касается Суража, Брянска и Вѣльска, то о нихъ мы не можемъ сказать ничего (см. неопредѣленное мѣсто о Вѣльскѣ въ Ип. подъ 1253 г., стр. 544; въ послѣдствіи мы видимъ Вѣльскъ во власти Русскихъ: Ип., 608).—Всѣ эти города были построены русскими и находились на территоріи отнятой издавна русскими племенемъ (именно Кривичами: см. ниже мѣсто изъ Дюсбурга И. Д. Бѣльева того же мнѣнія) у Литовцевъ [названіи въ тѣхъ мѣстностяхъ, уцѣлѣвшія

тѣмъ однако, чтобы не дать перевѣса русскому элементу ¹⁾. Съ великимъ умомъ и дальновидностію въ Миндове ²⁾ соединились энергія и настойчивость, и онъ началъ, мало по малу, осуществлять свою идею ³⁾. — Литовскія племена съ тѣхъ поръ, какъ знаетъ ихъ исторія, никогда не представляли собою цѣльныхъ организмовъ, но распадались на мно-

отъ Ятвиговъ, см. у Ярошевича: § 16 str. 28—29, и прим. 9, str. 203—204], какъ о томъ, по вѣрному замѣчанію Д. И. Зубрицкаго (III, стр. 163, прим. 140) свидѣлствуютъ самыя названія ихъ. Дюсбургъ отличаетъ эти мѣстности отъ собственно литовскихъ. Подъ 1314 г. онъ говоритъ (стр. 181 Іенскаго изданія): *hoc anno mense Septembri ideim frater Henricus Marschaleus cum omni virtute exercitus sui venit ad terram Crivitiac et civitatem illam, quae parva Nogardia dicitur, coepit et funditus destruxit.* Также смотритъ и Стрыковский (напр., на стр. 251 Гродно причисляетъ къ «стародавнимъ огниамъ русскихъ князей»). По литовскимъ извѣстіямъ, (Биховець, 3; Strijk., 84—86) границы земель, издавна занятыхъ собственно литовскимъ племенемъ къ сѣверу отъ Руси, были къ югу отъ р. Вилин; иѣкогда и въ этихъ земляхъ, лежащихъ къ югу отъ Вилин, находились русскіе («za Wilą zaś ku południowi i wschodowi, Ruskieh xiażat w ten czas dzierzawy były, także sa Dźwina» str. 85; сл. str. 215: «przez Wilą z wojskiem przeprowili», а также str. 219). Изъ нашей лѣтописи можно заключить, что граница собственно литовскаго племени во время Данила была къ сѣверу отъ Гродна (Ил., 544: «взята Городень, а сама воротилася отъ Бѣльска; потомъ же посласта многы своя иѣмьцѣ...» и т. д. см. выше); къ востоку границу также составили какъ-бы Нѣманъ (Ил., 568, о Войшелкѣ: «учини собѣ манастырь на рѣкѣ на Немнѣ, межѣ Литвою и Новымъ городкомъ...»). — Что касается утвержденія литовскихъ лѣтописей, что литовскіе князья владѣли черниговскою областію, а также Туровомъ и Пинскомъ, еще до Миндове, то оно не требуетъ длиннаго опроверженія. Не упоминая совсѣмъ о Черниговѣ, скажемъ, что самостоятельныя русскіе туровскіе князья упоминаются въ галицко-вол. лѣтописи еще подъ 1274 (Ил., 576), а Пинскіе еще въ 1292 (Ил., 616).

¹⁾ Последнее видно изъ любови его къ Войшелку послѣ того, какъ тотъ принялъ христіанство. «Отець же его Миндовъгъ укаривашься ему по его житію; онъ же на отца своего не любовашеть велимъ». Ил., 568.

²⁾ Онъ самъ себя такъ называетъ во всѣхъ своихъ грамотахъ; мы слѣдовали за ними.

³⁾ На эту постепенность указываетъ то, что онъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ одинъ изъ литовскихъ князей, еще въ 1236 г., а взрывъ противъ него въ Литвѣ обнаружился не скоро послѣ того.

жество независимых общинъ, которыя управлялись старостами, какъ называетъ такихъ жмудскихъ старшинъ Эразмъ Стелла¹⁾, или гетманами, какъ названы они въ одной изъ нашихъ лѣтописей²⁾. Очень можетъ быть, что въ древнѣйшую пору между ними не бывало даже старѣйшаго, потому что не настояла надобность и въ такой слабой централизаціи. Какъ бы то ни было, при Данилѣ у разныхъ литовскихъ племенъ уже упоминаются иногда старѣйшіе князья³⁾. Но власть ихъ не могла быть значительною, и ихъ преимущество состояло едва ли не въ одномъ правѣ предводительства во время оборонительной войны⁴⁾. Этимъ и ограничилось вліяніе борьбы съ крестоносцами на жизнь литовскихъ племенъ, несмотря на то, что литовцы весьма скоро поняли, какая имъ грозила опасность отъ утвержденія нѣмцевъ въ Ливоніи, и начали съ ними борьбу съ перваго же ихъ появленія⁵⁾. Даже подвергавшіеся наибольшей опасности Пруссы, болѣе другихъ племенъ испытывавшіе тягость нѣмецкаго владычества, и тѣ не могли ступить на новую дорогу и во время возстанія 1260 г. выбирали отдѣльныхъ начальниковъ⁶⁾. Масса не сознавала ясно потребности перемѣны существовавшаго порядка, и если какой-нибудь изъ вождей и задумывалъ послѣднюю, то не имѣлъ силъ для выполненія: другіе равносильные съ нимъ князьки не позволили бы ему отнять у нихъ ихъ самостоятельное зна-

¹⁾ Stryk., I, 47. Въ извлеченіи изъ Дюсбурга Стрыйковскій также упоминаетъ старостъ Скаловитскихъ и Жмудскихъ. I, 262.

²⁾ П. с. р. л., VII, 253.

³⁾ Подъ 1215 г. (Пл., 492) въ галицко-вол. лѣтоп. упоминается «старѣйшій» лит. князь Живибундъ, а Длугошъ подъ 1264 г. говоритъ (col. 770) о старѣйшемъ Ятвяжскомъ князѣ («Iaczwingi enim, apud quos tunc major inter Duces Comathi Princeps erat...»). Въ Ann. Car. Cracov. Комать названъ просто «princeps Jazwiditarum» (Pertz, XIX, 601).

⁴⁾ Тогда перѣдко соединялись военныя силы общинъ. Такое соединеніе мы видимъ, напр., въ 1237 г. На литовцевъ составилось ополченіе изъ нѣмцевъ и нековичей. «И совокупишася Литва, и поставиша бой противу ихъ...» Ник. II, 370.

⁵⁾ См. лѣтопись Генриха Латыша подъ 1187 г.

⁶⁾ «Eodem anno (1260) in vigilia beati Mathaei evangelistae, Pruteni apostaverunt a fide--et Sambitae quondam dictum Glaude, Nactangi Henricum Monte, Varniensēs Clappum, Pogesani Auctunio, Barti Divanum in capifaneos et duces sui exercitus elegerunt». Dusborg, 191.

чение. Чтожъ поэтому удивительнаго въ томъ, что и незадолго до Миндове и при немъ мы видимъ собственно Литовское племя и Жмудь, которыя насъ занимаютъ по преимуществу, въ состояніи такого же раздробленія, какое господствовало у нихъ искони¹⁾. Миндове былъ

1) Подъ 1215 г. въ Ип. сп. приведено 20 князей. Затѣмъ упомянемъ, что съ 1240 г. на Русь нападало иногда по нѣскольку литовскихъ отрядовъ, и у каждаго изъ нихъ былъ независимый предводитель. Подъ 1245 г. повгор. лѣтон. говорить объ иабіеніи болѣе 8 «княжцъ» и 2-хъ литовскихъ отрядовъ (Ип. с. р. л., III, 54) и т. п. На существованіе при Миндове независимыхъ князьковъ указываетъ также гал.-вол. лѣт. Выкупить убѣдилъ воевать съ Миндове «польъ Жемонти» (Ип., 541); въ Нальцапахъ мы видимъ особеннаго князя (Ип., 568). Нѣкоторые князья удержались при Миндове и послѣ торжества его, признавъ верховную его власть, что высказывается въ томъ, что они, какъ Довмонтъ, должны были принимать участіе въ его походахъ. Стрыйковскій говоритъ: «A gdy Mendog wysłki wojska swoje Litewskie posłał za Dniepr na Romana kniazia Nathrawskiego, a Dowmant też, jako holdownik, z nim był poszedł na tę wojnę według powinności...» (I, 298). Мы видимъ такихъ князьковъ и въ грамотахъ Миндове. Такъ въ одной изъ нихъ, помѣченной серединою іюля 1260 г., въ качествѣ свидѣтелей приводится слѣд.: *barones et consanguinei* Миндове, очевидно, владѣвшіе какими то волостями: являющійся въ нашихъ лѣтонисехъ послѣ убійства Миндове (см. одну его грамоту въ «Русско-лив. акт.», стр. 13) Герденъ подъ именемъ *Gerdinae de Nailse*—и какой-то *Parbusae de Nenae*. Въ «Annał. ear. Sycow». (Pertz, XIX, 601) Строймятъ, убившій Миндове названъ «*potens princeps Lituanorum*». Впрочемъ, сила этихъ удѣлѣвшихъ при Миндове князьковъ была ничтожна въ сравненіи съ силою послѣдняго; о Довмонтѣ лѣтонисъ говоритъ, что «бысть сила его мала, а сего велика» (Ип., 568). Галицко-волинская лѣтонисъ исключительно трудами Миндове приписываетъ объединеніе раздробленной прежде Литвы. Этимъ всемъ опровергается принимаемое нѣкоторыми историками безъ строгой критики показаніе литовскихъ лѣтонисей, что, какъ Литва такъ и Жмудь, задолго до Миндове имѣли единовластныхъ князей, и что престолъ переходилъ отъ отца къ сыну, при чемъ, если сыновей было нѣсколько, то старшій садился на отцовскомъ мѣстѣ (послѣ Мингайла, по словамъ Стрыйковского, «*Skirmunt, jako starszy, siadł na ojcowskiej stolicy, w Nowogrodku, księstwa Ruskiego i Litwy Powhjskiej*». I, 241); этимъ опровергается также и то ихъ свидѣтельство, что уже отецъ Миндове Рынгольтъ Альгимунтовичъ соединилъ Литву и Жмудь, а изъ русскихъ земель владѣлъ Новгородкомъ, Гродномъ, Подлясією, Стародубомъ, Карачовымъ и Черниговомъ и передалъ все это сыну. Представимъ таблицу литовскихъ и жмудскихъ князей по Стрыйковскому.

въ иномъ положеніи, чѣмъ всѣ другіе князьки: онъ былъ гораздо силь-

П а л е м о н ь

Боркусь,
основатель Юрборка.
Умеръ безъ потомст.

Конась
или Кунась, осно-
ватель Ковна.

Спера.
Умеръ безъ
потомства.

Dorsprungus,
основатель
Вилькомира и
Дзяволитога.
|
Живибундъ.

Кернусь Литовскій
(владѣлъ землями отъ Виліи до
Цеважи, основатель Кернова).

Гимбутъ Жмудскій

|
Поята. Ея мужъ—Живибундъ Дорсирунговичъ.

|
Монтивиль,
столицами котораго были
Юборкъ и Кунасевъ или Ковно.

Куковойтъ Жмудскій и
Литовскій.

Эрдзивиль Немень Викинтъ

|
Утенусъ.

|
Мнигайло
Новогрудскій, Подлянскій и Полоцкій.

|
Свинторогъ.

Скирмунтъ
Новгородскій, Туровскій, Пин-
скій, Мозырскій, Новилійскій.

Гинвиль
Полоцкій

Любартъ
Карачевскій и
Черниговскій.

Пуссимунтъ
Туровскій и
Стародубскій.

Стройнатъ
Новгородскій и
Подлянскій.

Борисъ.

Альгимунтъ,
владѣтель Литвы и Руси отъ Виліи
до Чернигова.

Рогволодъ-Василій.

Глѣбъ. Св. Прасковья.
Ум. безъ наслѣд.

Рингольтъ,
которому была поручена опека надъ Свинторогомъ
и который носилъ титулъ Великаго князя Литовскаго,
Жмудскаго и Русскаго.

|
Мендогъ.

Эта генеалогія составлена не Стрыйковскимъ, какъ доказываетъ «Лѣтопись Быховца», которою онъ несомѣнно пользовался (только въ исправлѣнномъ спискѣ, чѣмъ тотъ, который до насъ дошелъ), а тѣми позднѣйшими литовскими лѣтописцами («Лѣт. Бых.» составлена, быть можетъ, во время Ивана Грознаго. См. разсуд. Даниловича о литов.

нѣе ихъ потому, что ему удалось овладѣть упомянутыми нами русскими

лѣт., помѣщенное въ Варшавскомъ изданіи книги Стрыйковскаго, стр. 53), которые старались подогнать древнѣйшую исторію Литвы подъ свой вкусъ, тѣмъ самыми, для которыхъ *былъ интересъ* выводить литовцевъ отъ Римлянъ. Въ этой таблицѣ очевидно желаніе ея составителя вывести въ послѣдовательномъ порядкѣ литовскихъ князей отъ баснословнаго Палемона; въ позднѣйшее время въ составѣ собственной Литвы явственно обозначались только двѣ области: Литва и Жмудь, и составитель допустилъ постоянное существованіе только двухъ князей въ литовскихъ земляхъ; по его таблицѣ выходитъ, что между князьями никогда не было споровъ о земляхъ. Для болѣе древняго времени сочинители *выдумали* имена князей на основаніи названій тѣхъ изъ выдававшихся литовскихъ городовъ и мѣстностей, въ которыхъ находили пѣвцы, напоминавшие латинскій языкъ. Такъ, Юрборкъ подаль имъ возможность найти имя для перваго сына Палемона—Борка или Боркуса (Юр — они отнесли къ р. Юрп, на которой былъ поставленъ городъ; Ковно или Конасовъ подую мысль называть Конас'омъ; мѣстность и озеро Снера дали тоже названіе третьему сыну Палемона (Strijk., 84—85); отъ Кернова произошло имя Кернуса (см. ibid., 86). Пользовались составители представленной нами выше генеалогіи и народными пѣснями. Стрыйковскій говоритъ о Ноятѣ, женѣ Живибунда Дорспрунговича и дочери Кернуса, что, когда она умерла, ея «syn Kukowoj z Wrodzonej młodości postawił bałwan nad jeziorem Zosłą, obyczajem pogańskim ku wiecznej pamięci. Ten bałwan ludzie prosili chwalił za boginią, a gdy bałwan zgiął, na tym miejscu lipy wyrosły, które także Litwa i Żmódź aż do czasów Jagiellowych za bogi chwalił, *pieśni proste o Pojacie śpiewające*» (I, 245; см. стр. 248 о Куковойтѣ). Для позднѣйшей эпохи составители разбираемой нами генеалогіи воспользовались готовыми именами, которые нашли въ предшествовавшихъ до насъ западнорусскихъ лѣтописяхъ. Какъ они обращались съ послѣдними, видно изъ того, что, по галицко-волинской лѣтописи (Пл., 492), Живибундъ, Довспрунгъ, Ердзивиль. Выкытѣ являются современными и несколько не родственными другъ другу лицами (если была родственность, то лѣтописи ее отмѣчала; такъ, напр., она говоритъ, что такой-то братъ такого-то); по литовскимъ же лѣтописямъ. Живибундъ быть сынъ Дорспрунга; а Ердзивила и Выкытѣ они дѣлаютъ братьями, при чемъ, въ то время, какъ по нашей лѣтописи они оба сидѣли въ Жмуди, по словамъ лит. лѣт., только послѣдній княжилъ въ Жмуди, а первый господствовалъ въ завоеванной Руси.* При господствѣ произвола въ литовскихъ лѣ-

* Въ некоторыхъ лѣтописяхъ Живибундъ и Дорспрунгъ не были, вѣроятно, вставлены въ генеалогію, и на основаніи этихъ — то лѣтописей Стрыйковскій сказалъ въ одномъ мѣстѣ: «Żiwibunda z Montwilem (Литва и Жмудь) hetmanu *wybrał*», противурѣча своему утвержденію въ другомъ мѣстѣ о томъ, что это были послѣдственные князья.—Какъ скудны были свѣдѣнія лит. лѣт. о древнѣйшей исторіи Литвы, видно изъ того, что о Миндове они говорятъ только словами галицко-волинской лѣтописи. Оттуда же отсутствіе хронологіи, на которое жалуется Стрыйковскій (I, 243).

землями по верхнему течению Нѣмана и въ его окрестностяхъ. Опи-

тописяхъ, касавшихся начальной исторіи Литвы, неудивительно, что между ними перѣдко не было согласія относительно преемственности князей. Такъ, одинъ лѣтописецъ, вопреки всѣмъ другимъ, считалъ По-яту не матерью Куковойта, а дочерью (Stryk., 245): мужа ея онъ называлъ Гедрусомъ Дзяволтовскимъ, но др. знали Гедруса Ромунтовича (ibid., 246). Разногласіе мы замѣчаемъ и въ другихъ случаяхъ (см., напр., на стр. 252, объ участіи русскихъ князей послѣ битвы подъ Могильною). Для насъ весьма важно то различіе, какое мы замѣчаемъ между литовскими лѣтописцами по вопросу объ отцѣ Миндове. Онъ былъ названъ Рынгольтомъ только въ немногихъ изъ нихъ (между прочимъ, онъ такъ названъ и въ «Лѣтописи Быховца», стр. 7: Рынгольтъ «*żył mnoho let na Nowohorodey u nmre. a po sobi zostawił syna swojego na kniażenij Nowhorodskom Mindowha*»; мы уже видѣли, что еще въ 1236 г. въ Новгородѣ сидѣлъ русскій князь). Это ясно видно изъ словъ Стрыйковского, которыми онъ заключаетъ свою повѣсть о Рынгольтѣ: «*Ringolt — — umarł, zostawiwszy po sobie na ty państwa syna Mindauga, Mindiowa, albo Mendolpha, bo go różno różne kroniki nazywają, który potym był królem Litewskim, z ramienia papieskiego koronowanym, roku 1251 jako o tym z pewnych dowodów niżej napiszemy. Alez *in*szę *Latopiszcz*e tego *Mendoga* ani *wspominają*, tak zamykając koniec panowania Ryngoltowego, według swojego zwyczaju w dowodzie i w docytaniu chronmego: knużił dzie Ringolt na Nowohorodku mnoho let, i potym dzie śmierł, i każeć nikotoryje żeby trech synów po Ruskije biezwie urobił (tak sprostą pisze) da niet wiadoma, kakoweje dzieło sz jeteli jeho synów było. Przeto ja widząc prostotę i leniwy docheip onych starych pisarzów albo diaków, to znaczne acz pogańskie xiążę własnego syna Ringoltowego, z dowodu *Miechowity, Długosza, Wapowskiego, Cromera* (тамъ объ этомъ ни слова), z *Pruskich i z Liſlandskich Kronik, tudzież ze dwu dowodnych Latopiszczów*, który każdy naleść może w Grodku, w skarbie sławnej pamięci pana Chodkiewicza Alexandra, starosty gzdzieńskiego» (Stryk., I, 252 — 253). И такъ, въ двухъ только лит. лѣтописяхъ (Даниловичъ — въ разсужденіи о лит. лѣтоп., стр. 54 — склоняется къ тому, что это были волинскіе лѣтописцы, но едва-ли это справедливо) Стрыйковскій намекъ, что отецъ Миндове назывался Рынгольтомъ.*

Вотъ почему изслѣдователю литовской исторіи въ настоящее время, пока не откроются еще какія-нибудь литовскія лѣтописи, приходится совершенно оставить мысль сдѣлать какое-нибудь приложение изъ генеалогіи, находящейся въ «Лѣт. Бых.» и у Стрыйковского: всякая попытка была бы бесполезна. Уже Колловичъ (Т. I, 47) сказалъ: «*Quare ipse quoque veri incertus, totam annorum supputationem ad Mandogi usque principatum suspectam ut reperi relinquo*». Мы можемъ быть увѣрены вполне въ истинѣ только слѣдующей таблицы, которую можемъ извлечь изъ нашей лѣтописи и отчасти изъ др. источниковъ:

раясь на это, онъ и началъ борьбу изъ-за чисто литовскихъ земель, сначала—съ неродственными князьками ¹⁾, а потомъ и съ своими братьями и племянниками ²⁾.

Стремясь притянуть побольше русскихъ земель, Миндове однакоже не объявлялъ еще притязаній на югозападную Русь, откуда можно было получить въ то время сильный отпоръ, а направилъ удары на русскія области, примыкавшія къ восточной окраинѣ его владѣній ³⁾. Напротивъ, онъ былъ въ постоянной дружбѣ съ Данииломъ и дважды помогалъ ему въ борьбѣ его съ врагами ⁴⁾.

Но Даниилъ, какъ дальновидный политикъ, хорошо понималъ, что рано или поздно Литва, еслибы въ ней утвердилось дѣло Миндове, должна была напасть и на югозападную Русь, въ чемъ онъ и не ошибся ⁵⁾.

Неизвѣстный.

Миндове Выкытъ
его жена взята послѣ Вишмута
(ея сестра за Довмонтомъ).

неизвѣстная по
имени сестра
Миндове

Неизвѣстно,
ея ли сынъ

Братья
Миндове.
Отъ одного
изъ нихъ

Войшелкъ Рукль Ренскій. Неиз-
вѣстная по имени
жена Шварна.

Тренята Тов-
тивилъ (у Дюсб.
Cripola, у Длуг.
Стройнать).

|
Sororius
Lygeike
(грам. 1260 г.)
(въ Ял. Литинъ).

|
Эдивидъ

¹⁾ Ин. подъ 1215, 492: «а се Булевичи: Вишмутъ, его же уби Миндовгъ и жену его похлъ и братю его побилъ, Едивила, Спрудѣйка».

²⁾ Ин., 567 и 541

³⁾ И послѣ втораго своего разрыва съ Данииломъ онъ не предпринималъ завоевательныхъ походовъ на югозападную Русь, а устремлялъ свои взоры за Дибирь (Ин., 568: «Послалъ бѣнеть Миндовгъ всю свою силу за Дибирь на Романа на Бряньского князя»).

⁴⁾ Въ 1236 г. онъ сдѣлалъ, по желанію Даниила, набѣгъ на земли Конрада [который отнесенъ къ этому году въ хроникѣ Альберта Стрелы, говорящей: «Ео autem tempore Comes *Huyd* cum non contemnendo exercitū venit ad ducem Leonem. Masoviam omnem duce orbam cum Russis et Lithuanis populabundi peragraverunt etc.» «Skarbiec, № 78); во второй разъ онъ посылалъ Даниилу вспомогательное войско въ 1245 г., впрочемъ, когда оно пришло, все уже было кончено Ин., 517, 532 и 535.

⁵⁾ Уже Миндове, разсорившись съ Данииломъ, испросилъ у папы позволеніе воевать Россію и присоединять ея области къ своимъ владѣніямъ. Рядомъ съ этою буллою была выдана другая, позволявшая королю Войшелку литовскимъ королемъ (Theiner, «Vetera Monum. Pol. et Lith.», I, № CXXIII).

Бъ тому онъ былъ не прочь присоединить къ своимъ владѣніямъ находившійся подъ властію Литвы Новгородокъ и сосѣднія русскія земли ¹⁾. Поэтому, какъ только онъ раздѣлялся съ другими болѣе опасными врагами, и какъ скоро представлялся удобный случай вслѣдствіе того, что Миндове вооружились противъ себя даже своихъ родственниковъ ²⁾, Данилъ рѣшился начать борьбу.

Врагъ могъ быть уничтоженъ въ самомъ началѣ, еслибы, по составленному Даниломъ обширному политическому плану, ему помогли всѣ южные и западные сосѣди Литвы, т. е. поляки и рыцари ³⁾. Данилъ считалъ это дѣло общехристіанскимъ. Посылая къ лихамъ за помощію, онъ говорилъ: «яко время есть христіаномъ на поганѣхъ, яко сами имѣють рать межн собою» ⁴⁾. Но горячо брался за дѣло одинъ только Данилъ. Какъ сильно онъ желалъ сокрушить могущество Миндове, видно изъ того, что онъ былъ крѣпко разсерженъ, когда получилъ извѣстіе объ отпаденіи послѣднихъ союзниковъ, на которыхъ надеялся ⁵⁾; онъ посылалъ большіе подарки въ Ригу, лишь бы склонить къ войнѣ нѣмцевъ ⁶⁾ и не желалъ сначала мириться съ Миндове, когда

1) Strykowski, I, 286. Южнорусскіе князья не оставляли своихъ притязаній и потомъ. Бурдигидъ и Будивидъ дали Мстиславу Дан. Волковыскъ, чтобы только жить съ нимъ въ мирѣ (Ип., 614).

2) Подробнѣе о томъ см. въ Ип. см. подъ 1252, стр. 541. Обращаемъ вниманіе на то, что до сихъ поръ оставляють безъ объясненія одну фразу гал-вол. лѣтописи въ разсказѣ о геганствѣ Миндове. Посылая своихъ племянниковъ на Русь, Миндове говоритъ: «што хто приємлетъ, собѣ держитъ *вражбою*» (X. П. «върожбою»); далѣе читаемъ въ лѣтописи о Миндове: «бо за *ворожьство* сними *Литву заня*». Сл. «Лѣтоп. Бых.», гдѣ иначе.

3) Возможность этого признается въ одной грамотѣ самого Миндове. Вотъ ея слова: «...nos quoniam totum regnum nostrum Lettaviae per aliquos christianae fidei inimicos et *aliquorum Apostasum* (намекъ на Данила) sic turbati fuerimus et commossi, quod nisi dictorum magistri ac fratrum (dieterum—разум. упомянутые передъ тѣмъ magister ac fratres domus Theutonice) magnam consilium et auxilium nobis affuisset totum regnum nostrum fuisse cum subversione fidei annihilatum». Naruszewicz, V, str. 365. (по изд. 1803).

4) Ип., 541.

5) Ип., 544: «Тевтвилъ приѣже к Данилу и(зъ) Жемонъ и Ятвязь, река, яко Миндовъ уби я серебромъ многымъ; *Данилу же нмѣзъ имѣющую на нь*».

6) Stryk., I, 287. Ип., 541. О сношеніяхъ Данила съ Ригой, кажегся, довольно подробно сообщается въ соч. Goetze: «Albert Suerbeer (S.-Pl. 1854)», по мы не видали этой книги.

тотъ предлагаль это ¹⁾). Поляки отказались воевать съ Миндове, а крестоносцы, хотя открыли-быю испрізненныя дѣйствія, скоро отстали и подружились съ Миндове, которому даже стали помогать ²⁾). Данииль остался противъ Миндове только съ племянниками послѣдняго, да съ нанятыми ими отрядами ятвяговъ и жмуди ³⁾). Силы обоихъ противниковъ оказались равными, и Данииль долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что его сыну Роману были уступлены завоеванные литовцами по-пѣманскіе города: Новгородокъ, Волковийскъ, Слонимъ и др., съ тѣмъ условіемъ, чтобы Романъ признавалъ верховную власть Миндове ⁴⁾). Вѣроятно, тогдаже Данииль выговорилъ Товтивилу спокойное владѣніе Полоцкомъ, въ которомъ потомъ мы видимъ Товтивила.

Заклученный боровшимися сторонами миръ не рѣшилъ дѣла: ни одна изъ нихъ окончательно не возобладала. Нѣсколько лѣтъ спустя между ними наступило новое размирье. Кажется, что литовцы были недовольны тѣмъ, что Василько участвовалъ въ татарскомъ походѣ на Литву ⁵⁾). Какъ бы то ни было, они захватили Романа Даниловича и отецъ его и дядя стали отыскивать его въ литовской землѣ, при чемъ опустошали ее ⁶⁾). Съ этого времени югозападная Русь находилась не

¹⁾ Stryk., I, *ibid.*

²⁾ Ип., 543: «Наутрѣ же выѣхана Пѣмцѣ со самострѣны, и ѣхаша на пѣ Русь с Половци и стрѣлами...»

³⁾ Сами литовцы, такъ обр., вредили себѣ, не понимая полезности дѣла Миндове. Въ то время литовскія племена готовы были за деньги служить всѣмъ—даже пѣмцамъ и обратились чуть не въ германскіе релігій. О помощи ихъ пѣмцамъ см., напр., II. с. р. л., III, 37 подъ 1219; о помощи Конраду Мазовецкому см. у Богуфала (ed. Sommersb., p. 58); о помощи со стороны литовцевъ и ятвяговъ Святополку Поморскому см. у Длугоса (lib. VII, col. 701) и т. п.

⁴⁾ Особенно ясно высказывается эта зависимость Романа отъ Миндове въ гал.-вол. лѣт. подъ 1257 (Ип., 555): «Пришла же Миндовгъ к Данилу: *пришло к тобѣ Романа и Новгородитъ...* О мирѣ съ Миндове лѣтописецъ говоритъ послѣ разсказа о коронованіи Данила; слѣдуетъ, это случилось около 1254 г.

⁵⁾ Объ этомъ походѣ см. предъд. гл., прим. 32.

⁶⁾ Существуетъ мнѣніе, что Романъ Даниловичъ былъ убитъ тогда литовцами (Шараневичъ, «Ист. Гал. Вол. Руси», стр. 100), и такъ покажется всякому, который будетъ имѣть въ виду только нашу лѣтопись. Романъ Даниловичъ упоминается въ ней послѣ описанія воесковъ Данила и Василька только одинъ разъ, но какъ мертвый: Левъ Даниловичъ, желая выманить у Владиміра Васильковича Берестье, между прочимъ, говоритъ, что въ Холмѣ «Романъ и Шварно и всихъ кости туто

въ ладахъ съ Литвою до самой смерти Миндове¹⁾. Но это не привело ни къ чему серьезному. Миндове былъ занятъ другими, болѣе важными, отношеніями и иногда только посылалъ отряды для опустошенія русскихъ земель. Русскіе изливали свое мщеніе на тѣже отряды—не болѣе —и даже не пытались отнять неманскіе города, оставшіеся, по всей вѣроятности, за Литвою. Время не было уже такъ благопріятно, какъ прежде, хотя орденъ опять считалъ Миндове своимъ врагомъ. Польша вновь была опустошена татарами и литовцами, и, по прежнему, между ея князьями не было единодушія. Немцы имѣли у себя домашнихъ враговъ въ лицѣ пруссовъ. Такимъ образомъ, югозападная Русь болѣе, чѣмъ прежде, должна была рассчитывать на свои только собственные силы, а тутъ, какъ нарочно, она также пострадала отъ татаръ и имѣла въ лицѣ ихъ грозныхъ враговъ.

Такое же пассивное отношеніе со стороны югозападной Руси къ литовскимъ дѣламъ мы замѣчаемъ и въ остальное время княженіе Данила.

лежать. (Ил., 600). Затѣмъ: послѣ описанія поевковъ идетъ описаніе свадьбы у Василька; «Бышесть же тогда брать Васильковъ Данило король, со обѣима сынома своима со Лвомъ и со Шварномъ». (Ил., 562). Но прежде всего скажемъ, что передъ разсказомъ о свадьбѣ въ лѣтописи есть пропускъ. Во 2-хъ, Романъ еще въ 1259 г., по свидѣтельству польскихъ источниковъ, которое отвергнуть нѣтъ основаній (оно находится и въ современномъ актѣ: «Scrib.», стр. 109, № 250, актъ 1263, и у современнаго протекста лѣтописца), помогать Сомовиту Мазовецкому, о чемъ въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ ни слова. Вѣроятно, въ томъ же году онъ и умеръ.

1) Миндове былъ убитъ осенью 1263 г. Въ «Лѣтописцѣ Рускомъ» (ч. II, Сиб. 1792) сказано, что это случилось зимою того года (стр. 35). Конечно, мы должны вѣрить болѣе галицко-вол. лѣтоп., нежели польскимъ историкамъ и лѣтописцамъ, которые говорятъ, что въ 1262 г. выѣстъ съ литовцами на Мазовію напали и находившіеся въ союзѣ съ ними русскіе и что Сомовитъ былъ убитъ Шварномъ (Bogurh., 74; Mług., col. 766—767: Другонъ ярко расписываетъ жестокость Шварна; Krommer, lib. IX). Не любящая лжи и болѣе компетентная гал.-вол. лѣтоп. принимаетъ все это одной Литвѣ; изъ русскихъ книгъ съ литовцами, по ея словамъ былъ только бѣжавшій изъ Рязани Евстафій Константиновичъ, котораго она называетъ «окаяннымъ и незаконнымъ» (Ил., 565; не онъ ли убитъ Сомовита?); однимъ же литовцамъ приписыв. убійство и убіеніе Шварна и въ хроникѣ анонима (Sommerb., II, 83), въ Annales Silesiae superioris (Pertz, XIX, 553), въ Annales capituli Cracov. (ibid., 601) и въ Annal. Polon. I. III. IV (ib., 636—637).

Итакъ, хотя Давиілово вмѣшательство въ литовскія дѣла немало содѣйствовало остановкѣ развитія литовскаго могущества, но его попытка совершенно подавить въ зародышѣ Литву, какъ будущаго врага югозападной Руси, окончилась неудачею. Быть можетъ, было бы нѣсколько иначе, еслибы онъ былъ принужденъ заботиться объ одной Литвѣ. Но онъ желалъ раздѣляться и съ другимъ врагомъ, привлекая его вниманіе и былъ потому, что называется, между двухъ огней.

2. Сѣверо-западные сосѣди Давиіловой Руси могли обратиться въ ея завоевателей въ недалекомъ будущемъ. Съ востока ей грозили враги въ настоящемъ; желанія ихъ были иного рода.

Первоначально татары не думали ограничиться покореніемъ одной Руси ¹⁾. Когда же потомъ они должны были оставить свои обширные

¹⁾ Вотъ что говоритъ о нихъ подъ 1244 г. Матсей Парижскій со словъ какого-то *русскаго* (такъ стоитъ въ подлинникѣ) архіепа. Петра: «Они намѣрены покорить себѣ весь свѣтъ, и думаютъ, что, по опредѣленію божественному, должны они въ теченіе тридцати девяти лѣтъ опустошить вселенную. Думаютъ и увѣряютъ, что произойдетъ страшная борьба между ими и Римлянами...» (Филаретъ, «Обзоръ р. дух. литературы», Харьковъ, 1859. стр. 90) Пр. Филаретъ считаетъ этого Петра галицкимъ епископомъ (такого же мнѣнія держались и нѣкоторые галицкіе писатели см. гал. ист. сборн., II, стр. 3); но въ Галичѣ передъ татарскимъ нашествіемъ и послѣ него упоминается еп. Артемій (Ист., 518 и 527); не находимъ Петра и въ спискѣ галицкихъ епископовъ, напечатанномъ въ I-мъ вып. «Гал. ист. сборн.» (стр. 145). А. С. Петрушевичъ («Гал. ист. сб.» II, стр. 6—8 и 96—97) считаетъ Петра титулярнымъ латинскимъ архіепископомъ de Russia. Такіе номинальные католическіе епископы русскихъ земель появились, дѣйствительно, около этого времени (свидѣтельства нѣкоторыхъ писателей о существованіи ихъ раньше не заслуживаютъ опроверженія). При Генрихѣ Борода-томъ († 1238) упоминается Опатовскаго «monasterii Abbas et Ruthenorum episcopus, который pro Catholicis ibi (т. е. въ югозап. Руси) degentibus de novo fuerat creatus» (Sommerb. II, 58). Но вышеупомянутый Петръ не могъ быть этимъ епископомъ: подъ 1253 г. этотъ *primus episcopus Russiae* названъ Gothardus (ibid., 66). Едвали въ то время (ок. 1241 г.) были еще другіе какіе-нибудь епископы Ruthenorum. По словамъ папской буллы 1257 г., укрѣпившей за Любуцкимъ епископатомъ право завѣдывать латинцами, жившими въ Россіи,—право, перенесенное къ этому епископату отъ Опатовскаго, предшественники Любуцкаго епископа «Inere pro tempore in possessione spiritualis jurisdictionis super omnes Latinos, existentes in Russia...» (H. R. M., I, XCIV). Папская грамота 1320 г. говоритъ: «celesia Kyoviensis in confinibus Ruthenorum et Tartarorum, qui antiquitus Galathe vocabatur, elapsis centum annis et amplius....»

замысли, то, поселившись на всемъ почти протяженіи восточной границы Руси, рѣшилися хотя ее не выпускать изъ своихъ рукъ и стали зорко слѣдить за князьями всѣхъ русскихъ земель, потому что *считали себя владыками всей Руси*. При этомъ они были *врагами* только *полной ея независимости* и предоставляли князьямъ въ извѣстныхъ предѣлахъ свободу.

Югозападная Русь должна была подчиниться имъ наравнѣ съ остальными землями. Ея князь не явился въ орду по первому зову, который былъ обращенъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ ¹⁾, и отъ него потребовали Галича. Сопротивляться не было возможности. Въ концѣ 1245 г. онъ отправился въ орду, сталъ на колѣни передъ ханомъ и назвался холопомъ ²⁾.

infeleiter carni pastore proprio, clero et populo christianis» (Thiener, Monum. Pol. I, p. 162, № 252; сл. *ibid.*, p. 295, № 376). Если здѣсь дѣло идетъ о Галичѣ, то мы не споримъ противъ хронологической даты буллы; еслиже — о Киевѣ, то множество фактовъ можно привести въ доказательство того, что тамъ вовсе не было католическихъ епископовъ до 1244 г. И такъ, трудно приурочить занимающаго насъ Петра къ разряду титул. р. кат. еп. Руси, хотя разсказъ о немъ даетъ болѣе всего правъ именно на то. Можетъ быть, онъ занимать епископскую кафедру въ другомъ какомъ-нибудь городѣ южн. Руси, кромѣ Галича.

¹⁾ Ник. III, 20: «также (Батый) повелѣ всѣмъ князьямъ рускимъ оставившимъ и Руси прийти къ себѣ».

²⁾ Ник., 536. — Гал.-бол. лѣт. относитъ это къ 1250 г., и все безъ исключенія историки принимаютъ ея показаніе. Но о побѣдѣ Даниила въ орду въ ней говорится непосредственно вслѣдъ за описаніемъ Ярославской битвы, которая, какъ мы видѣли, случилась въ 1245 г. Поэтому и подчиненіе Даниила Татарамъ нужно отодвинуть назадъ. На необходимость этого указываетъ также то, что, по возвращеніи Даниила, Конрадъ Мазовецкій († 1247) былъ еще живъ (Ник., 537). Точно опредѣлить время Данииловой побѣды даетъ возможность Пяно-Каринни. Въ то время, когда послѣдній проѣзжалъ чрезъ югозап. Русь, Даниилъ былъ въ ордѣ. Пяно-Каринни, по всей вѣроятности, видѣлъ его гдѣ-то за Дибиромъ. Пяно-Каринни прямо этого не говоритъ, но такъ можно думать. Онъ не упоминаетъ о встрѣчѣ съ Данииломъ передъ Дибиромъ (см. стр. 10), не причисляетъ его также къ лицамъ, которыхъ встрѣтилъ у Батыя. [Въ Беркерепоповомъ переводѣ послѣдней главы Пяно-Каринни читаемъ: «Il (Joan Carpin) fait mention des noms de tous ceux qu'il a trouvez ou rencontrez à, ou par les chemins. Comme le Roi Daniel de Russie, avec toute sa suite, étant près de Bathy, et de Carbon qui avoit épousé une soeur de Bathy» (стр. 212); потомъ Пяно-Каринни ссылается на провожавшаго его на нѣкоторомъ разстояніи къ Батю Могроша; послѣ этого онъ уже говоритъ о тѣхъ, кого засталъ

Неизвестно, обязался ли онъ платить дань или нѣтъ, но несомнѣнно, что татары требовали ее ¹⁾).

Врагъ былъ обще-русскій. Но въ то время, какъ остальные русскія земли, молча, подчинились татарскому игу, Данилова область рѣшила сдѣлать попытку къ освобожденію себя отъ стѣснявшаго ее гнета.

Для князю болѣе, чѣмъ остальнымъ русскимъ князьямъ, казалось неспособнымъ и было тяжело признавать надъ собою татарскую власть. Обратимъ вниманіе на то, что чувствовалъ этотъ прекрасно образованный европеецъ при встрѣчѣ съ татарами. «И прииде Переяславу, и

у Батия и у великаго хана (стр. 314)]. Плато-Карнини проѣзжалъ черезъ Волынь въ 1 й разъ въ январѣ 1246 г.: 2-го февраля онъ былъ уже въ Кіевѣ [стр. 19]. Въ древнихъ рукописяхъ Плато-Карнини его путешествіе обозначается совершенно вѣрно то 1245, то 1246 г. См. «Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи» Ф. Аделунга. Ч. I. М. 1864, стр. 58—59. Что мы правильно выставили 1246 г., видно изъ разныхъ упоминаемыхъ Плато-Карнини происшествій, имѣвшихся мѣсто въ томъ году. При немъ скончался въ Азін Ярославъ Всеволодовичъ, а онъ, по нашимъ лѣтонисамъ, умеръ 30-го сентября 1246 г.: П. с. р. л., I, 201; вѣ VII, 156; Ник. III, 26. Незадолго до Плато-Карнини (стр. 84) былъ убитъ въ ордѣ Михаилъ, а это случилось 20-го сентября того-же 1246 г.: П. с. р. л., I, 201; Ник. III, 23; въ Воскрес.—П. с. р. л., VII, 156 —неправильно показано 23-е сентября]; у Батия же онъ былъ отъ великаго четверга до дня Пасхи 1246 г. (Плато-Карн., стр. 16 и 22). Паниканъ була къ татарамъ помѣщена у Языкова и помѣчена: «поназъ Матіи або П.» По словамъ нашей лѣтописи, Данилъ отправился къ Батію «на прадники святаго Дмитрія»; въ то время Дибиръ еще не покрывался льдомъ: «иде изъ монастыря въ лоды» (Ил., 535). Изъ сравненія этихъ данныхъ мы выводимъ, что Данилъ выѣхалъ въ орду въ октябрѣ 1245 г. и не переправился на правую сторону Дибира, на обратномъ пути, до начала февраля 1246 г. Обращаясь затѣмъ къ подробностямъ, находящимся въ галицко-вол. лѣтописи, нельзя не придти къ тому же результату: во время поѣздки Данила, въ Кіевѣ сидѣлъ еще панѣтникъ Ярославъ (Ил., 535); у Батия его также встрѣчалъ Ярославъ человекъ (вѣ., 536). — Послѣ свиданія съ Даниломъ, Батій считалъ его земли вноиѣ покорными себѣ и къ подданнымъ Данила, а не къ кому-нибудь иному, при возвращеніи панѣскихъ пословъ, онъ «послать грамоту за своею печатью, чтобы дали имъ лошадей и все нужное, а въ противномъ случаѣ угрожалъ имъ всѣмъ смертною казнью». («Собр. пут. къ тат., стр. 217).

¹⁾ Ил., 536: «ныиѣ сѣдитъ на колыну и холономъ называется, и дани хотять, живота не чаеть и грозы приходятъ».

стрѣтоша Татаровѣ. Оттуда же ѣха къ Куремѣѣ, и видѣ яко нѣсть в нихъ добра. Оттуда же нача болми скорбѣти душою, видѣ бо обладаемы дьяволомъ: сквѣрная ихъ кулѣбнѣская бѣззаконна и Чигизаконова мечтанья, сквѣрная его кровопития, многия его волишбѣ; приходящія цари и князи и вельможѣ, соищю и луиѣ и землю, дьяволу, и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ, воднише около куста поклонятися имъ. *О сквѣрная прелесть изъ! Се же слыши велии нача скорбѣти* ¹⁾. Нужно вспомнить также гордую натуру Даниила (какъ горько должно было быть для нея униженіе! ²⁾) и его горячую любовь ко благу и независимости родины. Не слѣдуетъ забывать и того, что это были могуществѣннѣйшіи изъ тогдашнихъ князей ³⁾.

Даниилъ задѣвалъ всю Батыеву орду. На усаѣхъ въ борьбѣ съ нею можно было разсчитывать только въ томъ случаѣ, еслибы удалось выставить противъ нея огромную массу. Путешествовавшій къ татарамъ Плато-Карниинъ говоритъ: «Нѣтъ такой области, которая сама собою могла бы имъ сопротивиться; ибо собираютъ они на войну изъ всѣхъ земель, которыми владѣютъ. Поэтому если христіане хотятъ сохранить себя и свои земли и все христіанство, то необходимо, чтобы короли, князья и бароны и правители земель, соединясь, послали на нихъ по общему соглашенію, войско, прежде нежели начнутъ они разсѣваться по землямъ ⁴⁾». Сами татары вѣнчались своимъ многоподствомъ и потому именно и думали, что противъ нихъ не можетъ устоять никакой

¹⁾ Ibid. 535—536.

²⁾ Не даромъ другихъ лѣтописцевъ «татарская честь» не оскорбляла такъ; а тутъ читаемъ: «О злѣ зла честь Татарская!... О злая честь Татарская!» (Ил., 537).

³⁾ Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Даниилъ съ самаго начала не хотѣлъ покоряться татарамъ. До зова со стороны Батия онъ не ѣхалъ въ орду, а собиралъ въ то время свѣдѣнія о татарахъ [Плато-Карниинъ говоритъ о Василькѣ: «venerat Dominus Wasilico, Dux Russiae, a quo eodem tempore de facto antiquitus Tartarorum; qui nuncios illos miserat, qui jam redierant ad ipsum.» Стр. 8]. Къ хану онъ отправился только потому, что еще не достаточно приготовился къ защитѣ: «Бысть в печали велицѣ, зане не утвердилъ бѣ землѣ своей города; и думавъ съ братомъ своимъ, и поѣха к Батиеви.» (Ил., 535) По возвращеніи изъ орды, онъ съ новымъ жаромъ принялся за планы касательно сверженія татарскаго ига.

⁴⁾ Собр. путеш. къ тат., 203.

народъ 1). Они двигались всегда въ полномъ составѣ орды, тогда какъ осѣдлые жители областей, на которыя они нападали, не всѣ противъ нихъ выходили; земское ополченіе являлось безсильнымъ. Этимъ объясняется легкое завоеваніе Руси татарами.

Вотъ почему Даниилъ почти съ той самой поры, какъ задумалъ борьбу съ ними, начать хлопотать о составленіи противъ нихъ большаго ополченія изъ западно-европейцевъ 2); о соединеніи съ сѣверовосточ-

1) Ibid., 108.

2) По словамъ Стрыйковского (I, 291), Даниилъ отправлялъ къ папѣ пословъ уже въ 1245 г. (на Ліонскій соборъ), но это не вѣрно: изъ Пано-Каринии видно, что до проѣзда послѣдняго чрезъ юго-западную Русь Даниилъ не заводилъ сношеній съ Римомъ. Папа первый вызвалъ его на это: онъ далъ посламъ, отправившимся къ татарамъ, грамоту, для врученія князьямъ юго-западной Руси, въ которой увѣщевалъ ихъ «возвратиться къ единенію со святою матерью церковію». Иннокентій IV интересовался привлеченіемъ Даниила въ лоно католицизма потому, что, съ обращеніемъ его, 1) увеличилась-бы папская паства, а во 2-хъ, католическій міръ въ лицѣ его приобрѣлъ-бы на границѣ съ нехристіанскимъ государемъ; а папа такъ заботился объ охраненіи католическихъ земель отъ татаръ! Папскіе послы, при первомъ своемъ проѣздѣ чрезъ юго-западную Русь, не могли получить рѣшительнаго отвѣта, потому что не было дома Даниила (Пано-Кариния, 8). Безъ сомнѣнія Василько ра сказалъ брату (возвратившемуся, вѣроятно, въ февралѣ) объ ихъ словахъ. Они порѣшили вступить въ переговоры въ Римъ и въ первые мѣсяцы 1246 г. (въ февралѣ, или въ мартѣ, или въ апрѣлѣ) отправили къ папѣ пословъ. Указаніе на это посольство мы находимъ въ папскихъ грамотахъ, датованныхъ •V. Nonas Marc. 1246. Въ одной изъ нихъ папа говоритъ: «*volis tuis libenter annuimus, et petitiones tuas quantum cum Deo possumus favorabiliter exaudiamus. Tuis itaque supplicationibus inclinatus...*» (H. R. M., I, LXII). Въ др. грамотѣ отъ того же числа, обращенной къ королю русскому Іоанну и ко всѣмъ вѣрнымъ, папа выражается уже не такъ опредѣленно: «*sic accepimus...*». Очевидно, объ этомъ же посольствѣ упоминаетъ Пано-Кариния подъ 1247 г.: «*responderunt nobis comitantibus dicentes — comitantes etiam omnia, quae prius de hac materi per Abbatem suum transmissant*» (стр. 62). Райнальдъ не вдается въ подробности о томъ, по какому случаю папскими названными нами грамота. Онъ говоритъ («*Annales Eccles. hist.*, XIII, ad a. 1246, № 28, p. 558): «*factissimo primo tanto excitatus Innocentius, Prussiae archiepiscopi, quem ex Arnauclava ad Elbingen in eodem anno transfulerat, Apostoliceque sedis legati dignitate orantibus ad Russos misit*». — Второе посольство въ папѣ было отправлено Данииломъ въ 1247 г. — вѣроятно съ возвращавшимся въ Римъ Пано-Кариния («*Собр. пугчи. къ тат.*», 62), и о немъ на него являютея буллы, помѣченные: «*Langdum VI. kalendas*

ною Русью онъ не помышлялъ. Западъ не подалъ ему помощи, несмотря на то, что посланные папою къ татарамъ привезли грозную вѣсть о походѣ на Западъ, который послѣдніе намѣревались предпринять ¹⁾; не вліяли на католиковъ и постоянныя воззванія къ крестовому походу съ церковныхъ кафедръ ²⁾. Даніилъ рѣшился выступить противъ татаръ съ одними собственными силами ³⁾. Послѣ первыхъ усѣб-

Septembris. Anno V^a (1247) («Н. Р. М.», I, №№ LXXVII—LXXI). Въ одной изъ папскихъ буллъ этого года (*ibid.* LXXII) упоминаются «*illae speciales*» и «*nuntii, quos—transmisit nuper ad nostram presentiam*»; въ др. грамотѣ (LXXV) такими нунціями названы «*fratres H. et A. de ordine fratrum Predicatorum*», очевидно, тѣ самые, которыхъ папа послалъ въ предыдущемъ году для пребыванія при Даніилѣ (LXIII).

¹⁾ «Собр. путеш. къ Тат.», 200, 196; грамота Байотоя у Асценлина, гл. 12, стр. 258 и 260.

²⁾ Едва-ли не первою буллою, вызывавшею Западъ къ крестовому походу противъ Татаръ, была напечатанная у Райналда подъ 1243 г. (№№ 36—37; р. 523). Пропуская слѣдовавшій затѣмъ рядъ папскихъ мѣръ для защиты католичества отъ Татаръ, укажемъ на то, что папа приглашалъ вѣрныхъ къ ополченію противъ нихъ въ 1253 (по сообщенію со стороны Даніила объ угрожавшемъ набѣгѣ. Н. Р. М., I, LXXXVIII) и въ 1254 (*ibid.*, № XC; булла помѣчена: «XII. Kal. Junii») гг. Подобныя увѣщательныя грамоты папы издавали и послѣ разрыва съ Даніиломъ [въ 1258: *Vogt, Gesch. Preussens* 4 т. 150, и *Cod. diplom.*, р. 121; въ 1260: *Cod. dipl.*, р. 131; въ 1261: *Raynaldi Ann.*, XIV, ad a. 1261, № 6; въ 1262: *ibid.*, ad a. 1262, №№ 29—32], но онѣ не имѣли никакого значенія, равно какъ и буллы, побуждавшія къ крестовому походу противъ Литовцевъ (см. напр. «*Ann. Eccl.*» XIV, ad a. 1255, № 59, ad a. 1257, № 25); ополченія не могли организоваться; дѣло ограничивалось тѣмъ, что крестъ принимали одиночныя лица и послѣ того сидѣли дома; нѣкоторые даже старались потомъ снять съ себя обѣтъ (*Rayn.*, *ibid.*).

³⁾ Онъ предпринялъ противъ нихъ даже наступательное движеніе (см. въ I-й гл.).—Однѣмъ разъ, повидимому, Даніилъ могъ дѣйствовать, опираясь на литовскія силы (Ип., 555—556), но онѣ не оказали ему никакого пособія.—Первые начали борьбу (въ концѣ 1253 или въ началѣ 1254 г.) Татары, должно быть, узнавше о сношеніяхъ Даніила съ Западомъ. Вскорѣ послѣ коронаванія его они двинулись къ Бакотѣ (Ип., 549). Во время проѣзда Плато-Карпини, они кочевали еще у правой стороны Днѣпра. Щербатовъ догадывался, что въ 1252 г. Татары пришли на Даніилова зятя, Андрея Ярославича, потому, что опасались этой родственной его связи съ Даніиломъ («Ист. Росс.», т. III, Сиб. 1774, стр. 65). Г. Трубецкой также думаетъ («*La Russie russe*», 146), что Андрей началъ замышлять открыто неповиновеніе Татарамъ подъ вліяніемъ Даніила. Но это не выдерживаетъ критики.

ховъ¹⁾, онъ долженъ былъ поникнуть головою, когда на мѣсто баскака Куремсы былъ двинуть съ болѣе численными полчищами Бурандай. Силы послѣдняго были страшны Данилу. «Данило же держаше рать с Куремсою, и николи же не бояся Куремсы: не бѣ бо могль зла ему створити никогда же Куремсы, дондеже приде Буранда со силою великою²⁾». Этотъ «безбожный, злый, окантый, проклятый» воевода, какъ называется его лѣтопись, заставилъ Данила въ концѣ концовъ отречься отъ мысли о борьбѣ съ татарами, приказавши скрыть почти всѣ воздвигнутыя въ югозападной Руси укрѣпленія. Что должны были чувствовать южно-русскіе князья при сценахъ слѣдующаго рода! «Пойде Бурандай ко Володимерю, а Василко князь с нимъ, и не дошедшу ему города, и ста на Житани на ночь. Бурандай же нача молвити про Володимерь: «Василко! розмечи городъ»; князь же Василко нача думать в собѣ про городъ, зане немощно бысть розметати вбортъ его величествомъ, повелѣ зажечи и; и тако чересъ ночь изгорѣ весь. Завтра же приѣха Буранда в Володимерь, и видѣ своимъ очима городъ изгорѣвши весь; и нача обѣдати у Васи́лка на дворѣ и пити; обѣдавъ же и пивъ и леже на ночь у Питидна. Завтра же присла татарина, именемъ Баймура, Баймуръ же приехавъ ко князю и рече: «Василко! присла(тъ) мя Бурандай, велѣ(тъ) ми городъ роскопати». Рече же ему Василко: «твори повелѣное тобою». И нача роскопывати городъ, назнаменуя образъ побѣды³⁾. Князья собственными руками должны были разрушать то, въ чемъ видѣли послѣдній оплотъ противъ варваровъ, и послѣ того ихъ заставляли принимать участіе въ татарскихъ пиршествахъ!

Борьба съ восточными врагами, какъ и съ сѣверозападными, окончилась для югозападной Руси неудачею, въ силу малыхъ ея средствъ. Не ей было суждено низринуть татарское владычество. Несчастная Россія принуждена была долго еще ожидать того момента, въ кото-

1) Мы говоримъ о борьбѣ Данила съ Куремсою, наблюдавшимъ за югозападомъ. Плато-Карпини передаетъ извѣстіе, что у Куремсы (онъ называетъ его Коррензою) было 60000 человекъ (стр. 14; въ иѣкоторыхъ енискахъ неправильно: 600000; см. 46-ю стр. По изслѣдованіямъ повѣстующихъ историковъ (см. Hammer-Purgstall's «Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak». Цитата И. П. Шараневича), у него было всего 10000 человекъ.

2) Ил., 561.

3) Ibid., 562—563.

рый должно было наступить это освобождение для каждой из двух огромных половин (московской и литовской), на которые она разбилась.

Попытка Даниила была однако не бесполезна для югозападной Руси. Татары стали побаиваться Даниила. Когда один из претендентов на Галич просил у них помощи, они ему отвечали: «какое идещи в Галич, а Данилю князь лють есть; оже отыметь ти животь, то кто тя избавить¹⁾»?—Побавлялись они и того, чтобы онъ не двинулся на них Западъ, претъ-вѣлами котораго они чувствовали нѣкотораго рода страхъ²⁾. Потому-то даже Бурандй называетъ галицко-волынскихъ князей не иначе, какъ «мирниками», т. е. находящимися въ союзѣ³⁾, и власть татаръ не была такъ прочно утверждена, какъ въ сѣверо-восточной Россіи.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ въ защиту политики Даниила относительно татаръ противъ С. М. Соловьева. Этотъ ученый какъ-бы не одобряетъ ее, отдавая предпочтеніе, по своему обыкновенію, политикѣ сѣверныхъ князей. «Неудача предпріятій Даниловыхъ», говоритъ онъ⁴⁾, служить самымъ лучшимъ объясненіемъ постоянной прикормности Александровой и выставить съ выгодной стороны проницаемость и осторожность внука Всеволода III. Соловьевъ думаетъ какъ-бы, что Даниилъ не вполне благоразумно и расчетливо затѣять борьбу съ татарами. Но Александръ Невскій былъ далеко слабѣе Даниила по своимъ силамъ и не находилъ ни малѣйшей опоры на Западѣ. Даниилъ былъ въ многомъ потуженіи. А что онъ не кидался въ борьбу, очертя голову, просто по чувству удалства, какъ это сдѣлалъ одинъ изъ сѣверныхъ князей⁵⁾, это видно изъ того, что онъ не сразу началъ наступательное движеніе противъ татаръ.

¹⁾ Ип., 550.

²⁾ «Собр. путеш. къ Татарамъ», 44 и 228.

³⁾ Ип. 560 — 562. «Мирникомъ» называетъ и Все-славъ Краковскій Шварна. Ип., 571.

⁴⁾ Ип., 232 — 233.

⁵⁾ Андрей Ярославичъ. Когда пришли на него Татары, онъ «смущися азъ себѣ глаголю: Господи! что се есть докоѣ намъ межъ собою бранилися и наводити другъ на друга татары; лутче мнѣ събѣжати въ чужую землю, неже дружитися и служити татаромъ. И собравъ воинство свое иде противу ихъ, и сѣбѣнися начавъ битися, и

IV.

Мы указали на все, заслуживающее по нашему мнѣнію, вниманія въ княженіе Даниѣла Галицкаго. Намъ предстоитъ теперь, на основаніи вышесказаннаго сдѣлать общую оцѣнку всего совершившагося въ теченіе этого княженія.

При Данилѣ значительная по объему часть Руси, именно юго-западная, отдѣлилась отъ прочихъ русскихъ земель и начала жить особенною жизнью. Это обособленіе было вредно въ томъ отношеніи, что постепенно все больше и больше могло развивать чувство отдаленности, и, при случаѣ, одна часть могла уже и не подумать о подавіи помощи другой, которая казалась ей чуждою; съ сѣвера уже не могъ придти на выручку Галича Мстиславъ; это мы и видимъ въ половинѣ XIV столѣтія, при покореніи Червонной Руси Польшею. Но не одни дурныя послѣдствія могло имѣть это отдѣленіе. Чѣмъ оно сопровождается? Югозападная Русь не желала терятьъ участи, какую спосили остальные русскія земли, рвалась къ свободѣ, стремилась къ развитію вполнѣ цивилизованной для своего времени жизни. Имѣя она успѣхъ на этомъ поприщѣ, она принесла бы великую пользу не только западной Руси, которую могла-бы притянуть къ себѣ, но и восточной, избавивъ ее собственными силами отъ враговъ, которые, борясь съ югозападною Русью, боролись потомъ съ Москвою, она могла-бы сообщить оставшимъ въ неволѣ отъ цивилизованной жизни братьямъ выработанную ею здоровую, самобытную и въ тоже время стоящую на уровнѣ времени гражданственность. Она могла-бы вторично сыграть роль, какая однажды была уже выполнена ею,—роль, навсегда освященную Кіевъ для всей Руси.

И изучающій время Даниѣла, еслибы не познакомился съ тѣмъ, что было потомъ, былъ-бы почти увѣренъ, что такъ и случилось. При Данилѣ югозападная Русь претерпѣла много ударовъ и несчастій, но они не убили въ ней жизни, которая обѣщала въ будущемъ прекрасный разцвѣтъ. Въ моментъ Даниловой смерти съ горизонта не сошли грозныя тучи, но при его жизни югозападная Русь боролась стойко и сравнительно удачно. «Крѣпости срыты по приказанію татарскаго

бысть битва велика и одолѣша татарове, и побежа кн. в. Андрей Суздальскій ..» Ник. III, 33—34.

баскака, говорятъ С. М. Соловьевъ, но Холмъ сбережень, и вообще отношенія монгольскія не такъ тяжки на югѣ, гроза Бурундаева прошла какъ-то мимо ¹⁾. Впредь не нужно было ломать голову надъ средствами для борьбы съ непріятелемъ: они были указаны Даниломъ; эти средства были: единодушіе внутри и, при этомъ единогласіи, союзъ съ Нѣмцами—противъ Литвы ²⁾ и союзъ съ западомъ вообще—противъ татаръ. Притомъ эти враги принуждены были значительно поостыть въ своихъ порывахъ. Еслибы послѣ Данила все шло, какъ при немъ, то югозападная Русь устояла-бы противъ всякой непогоды, дождалась-бы свѣтлаго неба и зажила-бы отрадною жизнью въ освѣщенной атмосферѣ.

Но въ томъ-то и бѣда, что она не видѣла другаго Данила. Ни одинъ изъ оставленныхъ имъ и бывшихъ послѣ него князей не походилъ на него соединеніемъ въ себѣ огромнаго количества качествъ, которыя были необходимы для государя въ то, тяжкое время, не исключая и высокоправдиваго и симпатичнаго Владиміра Васильковича ³⁾. Не было личности, которая умѣла-бы направлять постоянно къ одной цѣли политику всѣхъ князей югозападной Руси. Послѣ Данила между ея князьями уже нѣтъ прежняго единодушія, столь важнаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и это обнаруживается сразу: когда пришлось воевать съ Поляками вскорѣ послѣ смерти Данила, Левъ не соединился съ братомъ и дядею ⁴⁾; а при Данилѣ всѣ полки шли на враговъ, и это могло сдерживать посядшихъ ⁵⁾. Левъ, заратившись съ Литвою, не получалъ помощи отъ Василька, а просилъ ее у татаръ ⁶⁾. Раздѣленіе югозападной Руси между нѣсколькими перѣдко разобщенными въ политикѣ и вообще не возвышавшимися постоянно надъ мыслию о личномъ благѣ князьями не дало возможности дѣйствовать наступательно противъ враговъ. И вотъ татарское вліяніе усиливается ⁷⁾. Русь

¹⁾ «Исторія Россіи», III, 233.

²⁾ Въ этомъ отношеніи преемники Данила исполнили его заветъ.

³⁾ Посвященную его дѣятельности статью см. въ IV-й кн. «Вѣст. зап. Россіи» 1871.

⁴⁾ Ип., 571—572.

⁵⁾ Особенно замѣтно въ лѣтонисіи постоянное несогласіе и нерасположеніе между Львомъ и Владиміромъ Васильковичемъ.

⁶⁾ Ип., 575.

⁷⁾ Лѣтописецъ начинаетъ говорить: «тогда же блху вси князи въ неволѣ татарской». Ип., 575, 588, 591.

не крѣпла, а между тѣмъ Литва и Польша усиливались отъ сплоченія, противъ котораго югозападная Русь не принимала мѣръ. и въ концѣ концовъ подѣлилась ею. И она томилась подъ чужеземнымъ гнетомъ четыре съ половиною вѣка; значительная часть ея неосвободилась отъ него и до сихъ поръ.—Время Даниїла было самое блестящее время югозападной Руси, начиная съ основанія русскаго государства; съ его смертію она видѣла мало такихъ свѣтлыхъ сравнительно моментовъ.

С. М. Соловьевъ ¹⁾ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ ²⁾ объясняютъ ея паденіе иначе. Они утверждаютъ, что въ ней не было задатковъ и возможности крѣпкой жизни. Если согласиться съ ними, то выйдетъ, что Даниїлъ строилъ свое зданіе на песокъ (что и утверждаетъ Бестужевъ-Рюминъ), и что его труды тратились по напрасну и принесли мало пользы. Но въ сѣверовосточной Руси не было элементовъ, особенно благоприятствовавшихъ развитію крѣпкаго государства, и оно образовалось такъ нескоро не по одной причинѣ татарскаго владычества. Кто знаетъ, не случилось-ли бы этого еще позже, еслибы не подвернулось татарское нашествіе? Съ другой стороны, въ югозападной Руси не было элементовъ разложенія. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ видитъ все зло въ Галичѣ, въ его аристократіи. Но Галицкая область послѣ Даниїла не была первенствовавшая въ югозападной Руси, и Галичъ, и Львовъ не были исключительными столицами послѣдней. Напротивъ, мы имѣемъ основанія думать, что Владиміръ Волынской имѣлъ болѣе значенія, нежели Львовъ. Это видно изъ дошедшихъ до насъ грамотъ послѣдняго времени самостоятельнаго существованія югозападной Руси ³⁾. Что же касается галицкаго боярства, то, какъ мы видѣли, оно было подавлено при Даниїлѣ и не воскресло съ прежнею силою, сколько намъ извѣстно, до конца XIII столѣтія, когда наши свѣдѣнія о Галицко-Волынскихъ княжествахъ дѣлаются крайне скудными, по случаю прекращенія мѣстной лѣтописи.

Не исполнилась мечта Даниїла о самостоятельной жизни югоза-

¹⁾ См. I-ю гл. XII-го тома.

²⁾ «Русская исторія», I, 293—299.

³⁾ Въ грамотѣ Юрія II отъ 1327 г. Владиміръ названъ *civitas capiteus*. Во Владиміръ же писаны грамоты: 1316, 1320, 1335; изъ Львова выдана грамота 1334; объ одной (1325) неизвѣстно, гдѣ писана.—Въ то время нерѣдко даже вся югозападная Русь объединялась подъ названіемъ Волыни. См. «Гал. истор. сборн.», вып. 3.

падной Руси, съ блестящимъ положеніемъ ея среди сосѣдей и съ цвѣтущимъ видомъ внутри: она не сыграла роли, какую ей можно было сулить. Несмотря на то, княженіе Даниїла не было безплоднымъ. Оно отсрочило на цѣлое столѣтіе паденіе югозападной Руси, на цѣлое столѣтіе отдалило отъ нея тягостя чужеземнаго ига. Западные ея враги, чуть чуть было не овладѣвшіе ею, были отбиты. и она значительно окрѣпла при Даниїлѣ благодаря тому, что на время представляла какъ бы одно цѣлое. Единеніе это долго не продолжалось, но все-таки весьма важно было то, что она сосредоточилась въ рукахъ меньшаго числа лицъ, притомъ—лицъ, принадлежавшихъ къ одному роду. Благоутворно также должно было дѣйствовать и то, что князья осѣлись на своихъ мѣстахъ. Существова же въ теченіе цѣлаго столѣтія послѣ татарскаго нашествія, югозападная Русь отвлекала вниманіе Литвы отъ востока, принимала на себя ея удары и давала Москвѣ возможность крѣпнуть, въ то время какъ Псковъ и Новгородъ не допускали къ Москвѣ ливонцевъ.

V.

Указавъ важнѣйшія событія этого замѣчательнаго княженія, опредѣливъ историческое его значеніе, мы не въ правѣ еще окончить свой трудъ. Онъ былъ бы неполонъ, еслибы мы не упомянули о томъ громадномъ благотѣльномъ вліяніи, какое имѣла на судьбы юго-западной Руси того времени сообщившая ему свое имя личность Даниїла Романовича.

Слишкомъ тяжело и трудно было для югозападной Руси то время, въ которое онъ жилъ. Она со всѣхъ почти сторонъ могла опасаться за свою независимость.

Если, несмотря на то, она удержала свою самостоятельность въ отношеніи къ западнымъ и сѣвернымъ сосѣдямъ и даже, напротивъ, сдѣлалась для нихъ болѣе или менѣе грозною, если сразу же не вполнѣ подпала татарскому игу и сколько-нибудь пришла въ цвѣтущее состояніе послѣ всѣхъ бѣдствій, то этимъ она обязана въ громадной степени именно Даниїлу; мы говоримъ: въ громадной степени, а не вполнѣ, потому что ни одному человѣку нельзя приписать что-нибудь вполнѣ. Исполнился когда-нибудь замыселъ враговъ Даниїла на его жизнь, стань въ

качества вождя во главѣ юго-западной Руси кто-нибудь другой, ходъ ея исторіи былъ бы совершенно иной. Она не сплотилась бы, что случилось при Данилѣ, и не имѣла бы оттого силы, которая весьма много помогала Данилу; никто другой, кромѣ его, не сумѣлъ бы и такъ прекрасно устроить политическія отношенія ея. Мы просимъ при этомъ читателя вспомнить, что ей помогъ весьма мало даже Мстиславъ Удалой. И это не наше только мнѣніе. М. О Кояловичъ говоритъ: «Галицко-Волынское княжество просуществовало послѣ татарскаго нашествія (мы скажемъ: послѣ смерти Романа, потому что серьезной опасности оно подверглось именно съ этого времени) еще цѣлое столѣтіе, — еще цѣлое столѣтіе группировало около себя западно-русскія силы. Этимъ столѣтнимъ существованіемъ оно особенно было обязано необыкновенному западно-русскому человеку—Данилу Романовичу, Галицко-Волынскому князю»¹⁾. Одинъ довольно почтенный польскій историкъ также называетъ «королевство Руси» «twórgomъ dzielności jego»²⁾.

Такое крайне благотѣльное и чрезвычайно сильное вліяніе Данила Галицкаго на судьбы югозападной Руси проистекаютъ изъ того, что это была личность не изъ обыкновенныхъ,—личность, совмѣщавшая въ себѣ почти всѣ тѣ качества, которые нужны были для спасенія Руси; онъ былъ по плечу тому трудному времени, когда «въ Русской землѣ возсталъ великій мятежъ» и наступили «безчисленныя рати,... частыя войны, и многія крамолы, и частая востанія, и многія мятежи».

Не станемъ указывать на отличавшую Данила отъ его соперниковъ безкорыстную горячую любовь къ русской землѣ, которую онъ желалъ видѣть вполне счастливою страной, прекрасно устроенною внутри, какъ то доказываетъ его внутренняя дѣятельность, и занимающею почетное положеніе и славную среди окружающихъ государствъ; онъ усердно старался о возможно большемъ распространеніи у нихъ этой доброй о ней славы³⁾. Одной горячей любви къ отечеству, составляю-

1) «Лекціи по ист. Зап. Россіи», 84.

2) Каз. Слѣдствикій въ соч. «Synowie Gedymina» (т. II, стр. 1).

3) Вотъ что говоритъ онъ своими понятиемъ, когда они однажды хотѣли возвратиться съ похода на Литву: «сринутому изъземъ отъ Литвы и отъ осихъ земель, аще не поидемъ и вратимся» (Ист., 543). Для славы Руси, съ которою возрастала и его слава, а не для чего иного, онъ такъ охотно принималъ участіе въ войнахъ сосѣдей, помо-

щей достояніе всякаго честнаго дѣателя, было еще мало. Не будемъ говорить и о томъ, что онъ ставилъ для себя высшую цѣлью благо находившихся подъ его властію и властію его брата русскихъ земель, не давалъ себѣ ни минуты отдыха и всю жизнь ревностно и неуклонно къ нему стремился, такъ что лѣтописецъ говоритъ о немъ и объ его братѣ, что «измлада не бы има покоя»¹⁾, а С. М. Соловьевъ²⁾ справедливо ставитъ его на ряду, съ страдальцемъ за русскую землю. Владиміромъ Мономахомъ. Весьма важно было то, что Даниилъ обладалъ при этомъ и качествами, весьма много могшими помогать ему при выполнении этой высокой задачи.

Прежде всего скажемъ, что это былъ весьма ловкій и проницательный политикъ, отлично умѣвшій найтись во всякомъ положеніи, всегда отыскать средства для борьбы. Далѣе, это былъ человѣкъ горячо относившійся ко всякому дѣлу. Пылкость его характера обнаружилась уже въ дѣтствѣ. Когда однажды выгоняли его мать изъ Галича, Даниилъ не хотѣлъ ее оставить и плакался по ней, младъ сый. И приѣхавъ

гая своимъ друзьямъ. Вотъ что читаемъ въ лѣтописи при описаніи его похода на Чеховъ: «Данилови же князю хотящу, ово корою ради, ово стави хотя, не бѣ бо въ землѣ Рускѣй перше иже бѣ воевалъ землю Чешьску, ни Святославъ хоробры, ни Володимѣръ святый (лѣтописецъ забылъ Владиміра Мономаха). Богъ хотѣние его исполни, снѣшаше бо и тоспишеся на войну.» (Ил., 545). Въ случаѣ побѣды, Даниилъ водружалъ свое знамя на стѣнахъ побѣжденнаго города (Ил., 547).—Когда была взята дань съ ятвяговъ, часть ея Даниилъ удѣлилъ польскому воеводѣ Сигиѣву, «послушества ради, да увѣсть вси земля Лядская, яко дань платили суть Ятвязи королевѣ Данилу, сынови великого князя Романа» (Ил., 554). Даниилъ побилъ показаться иностранцамъ въ возможно лучшемъ видѣ. Вотъ какъ явился онъ однажды въ венгерскую землю, будучи приглашенъ на помощь ея королемъ: «бѣ покровъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася... бѣ конь полъ нимъ дивлепню подобецъ, и сѣдо отъ злата жъжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшены, ными хитростыми, якоже дивитися, колюхъ же оловира Грѣцкого и кружны златыи плоскыми ошпѣ, и саопзи зеленого хѣза нити золотомъ. Немцемъ(ъ) же зрящимъ, много дивящимся.» (Ил., 540 — 541). Соблюди честь своей земли, Даниилъ не желалъ разговаривать въ Краковѣ съ чешскими послами, явившимися съ короною, и сказалъ пѣтъ: «не подобаетъ ми видитися с вами въ чужей земли, нъ на ны» (Ил., 548).

¹⁾ Ил., 501.

²⁾ Въ ст. подъ заглавіемъ: «Даниилъ, король Галицкій», помѣщенной въ 1-мъ № «Современника» 1847.

Олександръ, тивувъ Шюмавиньскій, и я и за поводъ; онъ же измокъ мечъ, ты его, и потя конь его подь нимъ... 1). Горячность Данила не принадлежала къ числу скоро остывавшихъ. Во всякомъ дѣлѣ онъ до конца сохранялъ энергію, былъ неутомимъ, не медлялъ, работалъ даже въ Пасху. Данилъ получаетъ отвѣтъ отъ Мстислава Удалаго, признающій за нимъ права на Черторыйскъ. •Дѣмьяну же приехавшу в великую субботу, наутрѣя же на великъ день приехаста Данилъ и Василько къ Черторыйску, въ понедѣльникъ на ночь обѣдоста градъ... 2). Когда Данилъ узналъ о бѣгствѣ Александра Белзскаго по направленію къ Кіеву, онъ •изыде на нѣ из Галича, угони и въ Полономъ, и яша и в лузѣ Хоморьскомъ, Данилови же не спавши три дни и 3 ноши, такоже и во емъ его... 3). Бѣдствіе не приводило Данила въ уныніе, которое онъ считалъ качествомъ невѣрныхъ. •Людемъ же видяцимъ, яко отъ татаръ зажжеши бѣ градъ, и вбѣжаша в мѣста лѣсна и тѣмъ не могоша сбиратися; Данило же снися с братомъ и тѣши и, якоже отъ Бога бывшии бѣдѣ не имѣти жель (Х. П. •жалѣ) поганьскы, но на Бога надѣятися и на нь возложити печаль... 4); что Данилъ самъ слѣдовалъ этому, видно изъ всей его біографіи. Онъ отличался удивительною любовью къ дѣятельности, что особенно бросается въ глаза при чтеніи галицко-волинской лѣтописи подь 1235 г.: походы предпринимаются имъ одинъ за другимъ; помѣшало половецкѣ войнѣ съ Ятвягами — Данилъ воспоминаеть, что у него есть другой еще врагъ, и онъ идетъ на него 5). При этомъ онъ любилъ собственнымъ глазомъ все осмотрѣть, ко всему приложить и свою руку: осаждалъ ли онъ городъ, или вообще вель войну, самъ осматривалъ мѣстности, укрѣпленія, препятствія 6), и раздѣлялъ перѣдко труды съ воинами 7). Не послѣднюю роль играю и его блестящее мужество, обнаруженное имъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ 8), но особенно ярко выказавшееся въ несчастный для Руси 1223 г. Данилъ первый, изъ любопытства, что за люди были

1) Ип., 486.

2) Ibid., 502.

3) Ibid., 514.

4) Ibid., 557.

5) Ibid., 517.

6) Ibid., 504 и 506.

7) Ibid., 553.

8) Ibid., 491.

пришельцы, бросаясь за ними вслѣдъ, первый перешелъ, по желанію Мстислава, Балку и сталъ впереди своихъ полковъ. Приведемъ это довольно характерное мѣсто изъ лѣтописи. «Съравнявшимся полкомъ на мѣсто, Давидъ же выѣха на передъ, и Семьюнъ Олюевичъ и Василко Гавриловичъ, поткоша в полкъ Татарскыя; Василковъ же сбодену бывшу в перся, младаства ради и буети не чюше ранъ бывшихъ на телеси его: бѣ бо возрастомъ 18 лѣтъ, бѣ бо силенъ. Давидовъ же крѣпко борющися, избивающи Татары, видивъ то Мстиславъ Нѣмий, мнѣвъ яко Давидъ сбоденъ бысть, потче и самъ въ нѣ, бѣ бо мужъ и отъ крѣпкоу: понеже ужика сынъ Роману отъ племени Володимеря, прирокомъ Мономаха, бѣ бо велику любовь имѣя ко отцю его, ему же поручивше по смерти свою волость, далъ князю Данилови. Татаромъ(ъ) же бѣгающимъ, Данилови же избивающимъ ихъ своимъ полкомъ, и Олгови Курьскому, крѣпко бившимся, инѣмъ полкамъ сразившимся с ними, грѣхъ ради нашихъ Рускимъ полкомъ побѣжденнымъ бывшимъ: Давидъ видивъ, яко крѣпцѣйши брань належитъ в ратныхъ, стрѣльцѣмъ ихъ стрѣляющимъ крѣпцѣ, обрати конь свой на бѣгъ, устрѣмления ради противныхъ. Бѣжающю же ему, и вклада воды, пивъ почти рану на телеси своемъ, во брани не позна ея крѣпости ради мужества возраста своего: бѣ бо дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немъ порока¹⁾. Давидъ считалъ постыднымъ удаленіе отъ непріятеля безъ битвы. Онъ не совѣтовалъ однажды Владиміру Рюриковичу идти на Половцевъ, когда же его упросили на то, а потомъ, встрѣтившись съ ними, уговаривали къ отступленію, Давидъ отвѣчалъ: «подобаетъ воину устремившуся на брань или побѣду прияти, или пастися отъ ратныхъ; азъ бо возбраняхъ вамъ, нынѣ же вижю яко страшливу душу имате; азъ вамъ не рѣхъ ли, яко неподобаетъ изыти труднымъ воємъ противу цѣлымъ? нынѣ же потто смущаетесь? изыдете противу имъ²⁾. Его удалъ простиралась до того, что онъ готовъ былъ вмѣшиваться въ борьбу и помогать слабѣйшимъ, когда его и не звали; такъ, онъ хотѣлъ однажды пособлять австрійскому герцогу противъ императора, но былъ отговоренъ королемъ³⁾.—Будучи храбрымъ воиномъ, онъ былъ искуснымъ полководцемъ. Во время одного похода на

1) Ип., 496—497.

2) Ibid., 515.

3) Ibid., 517.

Ятвяговъ Даниилу говоритъ: «вѣсь ты воиничьскій чинъ, на ратяжъ обычай ти есть»¹⁾... Впрочемъ, Даниилъ былъ способенъ не къ одной политической дѣятельности, онъ не увлекался одними военными предпріятіями, не былъ только рыцаремъ. Не одни военныя предпріятія считалъ онъ дѣломъ государя. Онъ обнаруживалъ особенную способность и къ устроению государства. Вѣроятно, за это лѣтописъ называетъ его «княземъ мудрымъ», «вторымъ по Соломонѣ»²⁾. Нельзя при этомъ не указать на его свѣтлыя понятія. Мы приписываемъ инициативѣ Даниила слѣдующее: «Руси бо бѣаху пополниѣ многу челядь и боярыниѣ; створиша же межн собою клятву Русь и Ляхове: аще по семь коли будетъ межн ими усобица, не воевати Ляхомъ Руское челяди, на Руси Лядьской»³⁾. Къ сожалѣнію, это условіе не выполнялось; первые нарушили его поляки⁴⁾ Даниилъ долженъ былъ отступить отъ этого правила и въ борьбѣ съ поляками⁵⁾, и въ борьбѣ съ другими врагами⁶⁾, потому что таковъ былъ духъ времени и такъ поступали съ нимъ его враги. Даниилъ, къ сожалѣнію, не понималъ только зла удѣловъ и не могъ разстаться съ старыми понятіями о столонаслѣдствѣ, а вѣдь могъ бы безъ особеннаго труда водворить единовластіе въ югозападной Руси. Вообще, по своимъ воззрѣніямъ, онъ оставался княземъ дотатарской Руси и не внесъ въ ея государственную жизнь новой идеи, хотя и носилъ на головѣ королевскій вѣнецъ; онъ не былъ сознательно стремившимся къ какимъ-нибудь реформамъ. Но при немъ, къ величайшему счастью юго-западной Руси, удѣльныя понятія нисколько не отразились дурно на ея судьбѣ. Это потому, что Даниилъ отличался удивительнымъ безкорыстіемъ по отношенію къ меньшему брату и удивительною братскою любовью, дѣлился съ нимъ землями, по мѣрѣ прио-

1) Ип., 551.

2) Ibid., 570.

3) Ibid., 503.

4) Ibid., 516: «Кондратови же ставшу кде нинѣ градъ Холмъ стоитъ, пославшу ему ко Червону воевати...»

5) Напр., Ип., 529.

6) Напр., Ип., 526, 546—547; сильныя опустошенія, произведенныя русскими въ чешской землѣ, подтверждаются и письмомъ Богемскаго короля Премыслава (1255), помѣщеннымъ у Догбеля: «Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Litvaniae». T. I. Vilnae MDCCCLVIII, № 1.

брътвенія ихъ¹⁾; младшій братъ платилъ ему тою же преданностію, и они оставались друзьями во всю свою жизнь; между ними никогда не пробѣжало ни одно облачко. Ни одинъ не предпринималъ чего нибудь безъ совѣта другаго²⁾, во всѣхъ походахъ братья дѣйствовали дружно, во время битвъ каждый изъ нихъ боялся за другаго и постоянно наблюдалъ, не грѣшила ли ему опасность³⁾; одерживалъ который нибудь изъ нихъ побѣду — непременно посылалъ брату сайгати⁴⁾.

Обратимъ еще вниманіе на являющіяся меньше значенія, но тѣмъ не менѣе прекрасныя качества Даниіла.

Онъ отличался любовью къ правдѣ. Когда Мстиславъ Удаюй просилъ Даниіла, чтобы тотъ не оставлялъ его, Даниілъ отвѣчалъ: «имамъ правду въ сердци своемъ⁵⁾». Какъ онъ былъ разборчивъ въ этомъ отношеніи, показываетъ слѣдующій случай. Даниілъ отправился на богомолье въ Жидичинъ, находящійся вблизи Луцка. «И зва и Ярославъ къ Лучьску; и рѣша ему болре его: прими Луческъ, zde ими князи ихъ»; оному же отвѣщавшу, «яко приходишь zde молитву створити святому Николѣ, и не могу того створити», иде въ Володимерь. Оттуда же, собравша рать, посласта нань...»⁶⁾. Нѣкоторые изъ его сыновей пошли въ этомъ отношеніи по его дорогѣ. Когда австрійскій герцогъ убѣждалъ Романа Даниловича отстать отъ венгерскаго короля, который его обманывалъ, Романъ сказалъ: «правдою обѣщахся отцю си королєви Угорьскому, не могу послушати тебе, яко срамъ имамъ и грѣхъ не исполнити обѣта⁷⁾». Даниілъ никогда не оставлялъ своихъ союзниковъ и всегда усердно помогать имъ. — Съ другой стороны, относился строго къ себѣ, не позволяя себѣ уклоненія отъ правды, Даниілъ мягко отяосился къ другимъ и легко прощалъ оскорбленія. Съ галицкими боярами онъ поступалъ совершенно не такъ, какъ его отецъ⁸⁾; одинъ разъ только онъ позволялъ себѣ совершить убійство; это случилось при послѣдней попыткѣ боярства и Венгровъ отнять у него Галичъ, когда

1) Ип., напр., 501.

2) Ibid., 535, 537, 566.

3) Ibid., 502, 512, 534.

4) Ibid., 530, 531, 566—567.

5) Ib., 500.

6) Ib., 501.

7) Ibid., 554—555.

8) Ibid., 509, 518.

его гнѣвъ достигъ, вѣроятно, высшей мѣры, и когда онъ убилъ, знаменитаго по своимъ частымъ походамъ на Русь венгерскаго киеводу Фильня и многихъ другихъ венгровъ и боярина Владислава ¹⁾). Ревностно борясь противъ враговъ, не уступая имъ ни въ чемъ, онъ забывалъ зло, какое причинялъ ему Александръ Белзскій, когда тотъ самъ просилъ его о мирѣ, простилъ даже Михаила Черниговскаго и готовъ былъ возвратить ему Кіевъ, а его сыну дать Луцкъ: Если отъ врага имѣлъ какия-нибудь благодѣянія, то не забывать ихъ и послѣ того, какъ тотъ причинялъ ему вредъ. Взявши однажды Галичъ, Даниилъ, «помянувши любовь короля Андрѣя», «пусти сына его и проводи и до рѣкы Днѣстра» ²⁾). Вообще онъ не забывалъ благодѣяній. Получивши въ кіевской области Торцкій горъ, «да и дѣтемъ Мстиславимъ, инюратомъ своимъ, рекъ имъ: «за отца вашего добродѣанье примете и и держите Торцкый городъ» ³⁾).—Заслуживаетъ также вниманія отсутствіе тщеславія, любовь прежде всего къ сущности дѣла. Это особенно выказалось въ сношеніяхъ Даниила съ Римомъ. Усердно награждавшій королевскими вѣнцами Римъ ⁴⁾ предложилъ подобную, довольно обольстительную, приманку и Даниилу, думалъ, можетъ быть, замѣнить этимъ отчасти помощь, которой домогался отъ него Даниилъ, или, по крайней мѣрѣ, смягчить требованія послѣдняго о ней. Когда послы явились въ первый разъ къ Даниилу съ вѣнцомъ, Даниилъ его не принималъ, говоря: «ратъ татарская не престаеть злѣ живущи с нами: то како могу прияти вѣнѣць, бес помощи твоей»? Потомъ онъ коробоулся, но при какихъ условіяхъ? «Ониза же приде вѣнѣць нося, обѣщеваяся, яко «помощь имѣти ти отъ папы»; оному же одыпако не хотящу и убѣди его мати его, и Болеславъ и Семовять, и бояре Лядскыя рекуще: дабы приялъ бы вѣнѣць, «а мы есмь на помощь противу поганамъ» ⁵⁾).

¹⁾ Ип., 534.

²⁾ Ib., 506.

³⁾ Ibid., 511.

⁴⁾ На разстояніи 55 лѣтъ (1198—1253) онъ награждалъ королевскимъ титуломъ 7 владѣтельныхъ особъ.

⁵⁾ Ип., 548. — Длугошъ, напротивъ, въ подробномъ разсказѣ утверждаетъ, что самъ Даниилъ добивался короны и отправилъ знатныхъ пословъ къ папскому легату въ Польшѣ Кардиналу Онизю съ просьбою о ней, обѣщая отречься отъ греческаго обряда и защищать католиче-

Такимъ образомъ, Даниилъ представляеть весьма отрадное явленіе, если разсматривать его и какъ человѣка вообще, а не только — какъ государя.

скія земли отъ Татаръ, и тотъ будто короноваль его въ 1246 г., не имѣя на то полномочія отъ папы (lib. VII, col. 705—706). За Другошмъ слѣдуютъ многіе повѣйшіе историки. Даже Д. И. Зубрицкій (III, 174) говоритъ, что Даниилъ въ Доросичѣхъ «покорился преемнику св. Петра, принявъ отъ него діадиму, не изъ государственныхъ, пользу отечеству его приносящихъ, видовъ, какъ только въ угожденіе чуждымъ убѣжденіямъ и поддаваясь свойственной человѣку слабости честолюбія, ради поставленія себя на ряду съ первыми европейскими государями». Другошъ въ этомъ случаѣ совершенно извращаетъ дѣло; можетъ быть, ему непріятно было это событіе, возведеніе русскаго князя въ король, тогда какъ послѣдніе князья оставались князьями: въ его вѣдь время Полныя владычества папы надъ Русью. Не вдаваясь въ подробное опроверженіе его разсказа, заключающаго въ себѣ немало негостиностей, — разсказа, которому онъ самъ противорѣчитъ ниже [см. lib. VII, col. 779, гдѣ онъ выражается такъ о Даниилѣ: *adeptus coronam, qua fuit ob eam fidem et devotionem mundato Apostolico insignitus*], мы ограничимся только слѣдующимъ. Самъ папа въ буллѣ, изливающей гнѣвъ на Даниила за прерваніе нѣк. сношеній съ Римомъ, выражается такъ: *Ecclesia eadem (i. e. Romana) volens te in sui devotione congruis firmare favoribus, et condignis gratiis confovere, personam tuam ad Regalis dignitatis apicem sublimavit, faciendo te mungi sacri crismatis oleo, tuoque imponi capiti regium diadema. Sed tu, sicut ad audientiam nostram non sine cordis turbatione pervenit, tam spiritualium quam temporalium beneficiorum ipsius Ecclesiae immemor...*; въ др. мѣстѣ читаемъ: *Magnitudinem tuam monendam duximus atentius et hortandam, quatenus ad tuam memoriam revocans: quanto studio quantaque solitudine circa exaltationem tuam Sedes Apostolica laboravit?* (Н. Р. М., I, XCV). Тутъ коронованіе Даниила представлено какъ-бы наградою со стороны великой церкви за обѣщаніе подчиниться ей, а не условіемъ со стороны Даниила, которое она поспѣшила исполнить. Точно также самъ папа догадался наградить королевскимъ титуломъ и Миндове. По поводу взятія прусскимъ архіепископомъ съ новопосвященнаго литовскаго епископа присяги себѣ, папа, между прочимъ, говоритъ, что онъ не разрѣшаетъ этого *pro ejusdem Regis honore, quem a sue conversionis initio assumpsimus in fidei Ecclesiae specialem et regie dignitatis titulo fecimus insigniri* (Тейнеръ, I, № CXXI; Н. Р. М., I, CXI). — Считаемъ не лишнимъ сказать тутъ нѣсколько словъ о томъ, въ какой мѣрѣ Даниилъ готовъ былъ подчиниться Риму въ церковномъ отношеніи. Несомнѣнно, что онъ никогда не соглашался на полное отреченіе отъ православія. Чувствуя необходимость, какою сознавали и греческіе императоры, въ пособіи запада, Даниилъ готовъ былъ согласиться на *унію*, подобно имъ, но не на от-

Какъ не пожалѣть послѣ всего этого о томъ, что онъ былъ поставленъ въ такія неблагопріятныя условія, что, будучи безстрашнымъ во всю свою жизнь, на старости лѣтъ, за свои благородныя усилія къ спасенію отечества, долженъ былъ бѣгать отъ татаръ¹⁾, чтобы не потерпѣть отъ нихъ за это²⁾?

реченіе отъ православія; онъ не хотѣлъ жертвовать религіею политикѣ; можетъ быть, по его мнѣнію, эта почетная унія должна была только состоять въ признаніи верховной власти папы: онъ дѣйствовалъ, по словамъ Илано-Каринни, съ согласія вельможъ и духовенства, а они не согласились-бы на отреченіе отъ чего-нибудь православнаго. Папа долженъ былъ сразу сдѣлать Даниилу уступку въ религіозномъ отношеніи, разрѣшивъ епископамъ и пресвитерамъ совершать службу на заквашенныхъ просфорахъ и удерживать другіе обряды, не противорѣчившіе католической вѣрѣ (Н. С. М., I, LXVIII). Вѣроятно, изъ-за стремленія папскаго легата привести Даниила и его земли къ полному подчиненію римской церкви, не поддавъ съ нимъ въ 1249 г. Даниилъ [Hug. ad a. 1249, lib. VII, col. 713. Въ буллѣ къ архіепископу прусскому, папскому легату, помѣщенной сентябремъ 1247 (LXXII), папа, поручая ему лично отправиться къ Даниилу, говоритъ: «*si prelatus Rex in tam sancto proposito (разум. намѣреніе Даниила приступить къ союзу съ Римскою церквью) perseverans, tam ipse, quam Archiepiscopo, et Episcopi, et alii Magnates Regni sui, scismate quolibet penitus abjurato, promiserint et juraverint se de cetero in unitate fidei quam Ecclesia Romana predicat, et observat, ejusque Romane Ecclesie devotione permansuros, eos auctoritate nostra et recordibus, et tanquam speciales et devotos filios incorporos predicte Romane Ecclesie, que mater est omnium, unitati*»]. Этотъ разрывъ продолжился еще въ 1250 г. См. Карашевича «Ист. прав. у. на Волыни, стр. 15, прим. 42. Примиреніе произошло въ 1252 г. Кар. IV, прим. 56. Около 1246 г. Даниилъ посылалъ митрополита Кирилла въ Грецію для поставленія (Ип. 537). Вопросъ о мѣрѣ подчиненія Риму Данииловой Руси, во всякомъ случаѣ, не былъ еще окончательно рѣшенъ и при коронованіи Даниила. Это доказываютъ слѣдующія слова лѣтописи: «Некентий бо кляняще тѣхъ хулящимъ вѣру Грѣцкую православѣрную, и хощящу ему сборъ творити о правой вѣрѣ, воединеніи церкви» (Ип., 549), и вообще при Даниилѣ мы не взяли отъ Римской церкви ничего до самаго прекращенія сношеній съ нею; только только переговоры. — О глубокой религіозности Даниила мы не упоминаемъ. Она постоянно видна въ лѣтописи; см. Ип., 501, 507, 509, 511, 516, 524, 525, 532, 535, 548, 558—560. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ не возвышался особенно надъ современниками. Проводивъ брата къ явившемуся въ первый разъ Бурандаю, Даниилъ ѣдетъ въ Мѣлнпекъ, молится предъ иконою Спаса Избавника, при чемъ «объща ему Давидо король украшеніемъ украсити и» (Ип., 560; сл. 558).

¹⁾ Ип., 562.

²⁾ Ип., 560: «вѣдахуть бо, аще Даниилъ поедеть (къ Бурандаю), и не будетъ с добромъ».

Личныя качества Даниіла и его заслуги списали ему любовь весьма многихъ, напр. Мстислава Ярославича ¹⁾, Мстислава Удалаго ²⁾, Галичанъ, и были оцѣнены его соотечественниками, которые воспѣвали его подвиги. Вотъ какъ заключаетъ лѣтописецъ рассказъ объ одномъ походѣ Даниіла на ятвяговъ: »Оттуда же князь Даниилъ приде ко Визьнѣ и пройде рѣку Наровъ, и многи крестьяны отъ пленения избавиша, и *пѣхъ славу поху има*, Богу помогну има, и придоша со славою на землю свою, наследавши путь отца своего великаго князя Романа, иже бѣ изострился на поганяя, яко левъ, им(ѣ) же Половци дѣти страхаху» ³⁾. Самая лѣтопись показываетъ, какъ относились къ Даниілу современники.

Слава Даниіла разнеслась и по окрестнымъ землямъ. Батый зналъ о немъ еще до вступленія въ Волынскую землю: »Батыю же вземлю градъ Кыевъ и слышавъшу ему о Данилѣ, яко въ Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимерю...» ⁴⁾. Возвращаясь изъ-за Карпатъ, Батый хотѣлъ поймать Даниіла ⁵⁾; наконецъ, когда послѣдній явился въ орду, онъ принялъ его съ почетомъ, хотя и горькимъ для гордаго князя ⁶⁾. Отпосились съ уваженіемъ къ Даниілу и нѣмцы. Они говорили ему: »*тебе отъ миръ створимъ со Выкынтомъ, зане братью нашу многу погуби*» ⁷⁾.

И мы думаемъ, что, если правъ хронографъ, сказавшій, по словамъ лѣтописца: »якоже добродѣяны въ вѣкы святятся» ⁸⁾, то съ чувствомъ благодарности отнесутся къ этому дѣятелю и потомки, которые будутъ помнить его, какъ самую замѣчательную русскую личность XIII вѣка, затмѣвающую собою даже знаменитаго Александра Невского, и вообще какъ одного изъ самыхъ видныхъ русскихъ политическихъ дѣятелей, бойцовъ за народъ и вождей его въ трудныя минуты.

¹⁾ Ип., 491, 501.

²⁾ Иб., 501, 517.

³⁾ Иб., 539. Слѣды такого народнаго поэтическаго творчества нѣкоторые открываютъ въ самой лѣтописи.

⁴⁾ Иб., 523; Ник. III, 8.

⁵⁾ Иб., 528.

⁶⁾ Ibid., 536.

⁷⁾ Ibid., 542.

⁸⁾ Ibid., 554.

ОПЕЧАТКИ *).

На стр. Строка сверху.		Напечатано.	Должно было быть.
3	20	XVIII	XIX
4	16	Угрево	Угре во
5	24	голицко-волинской	галицко-волинской
—	45	то па	топа
8	22	прим. 11-е.	прим. 3-е на пред. стр.
9	17	прим. 14-е.	прим. 6-е на стр. 7.
10	20	Ник. (III, 317); о томъ же	Ник. (III, 317) о томъ же
15	4	Баяку	Балку
16	34	(III, 247S)	(III, 247—248)
20	19	Кепятина	Кепятипа
—	—	Ип., 385.	Ип., 335.
21	35	срѣтеть	срѣпать
22	36	Елуичъ	Еуичъ
—	37	Кепятиицъ	Кепятиицъ.
23	10	будешъ	будеть.
24	18	ее	ся.
25	16	Ярославскіе	Ярославовскіе.
26	26	невелико	не велико.
27	27	Владиміръ	Владиславъ.
28	30	MDCCLIV	MDCCLIV.
29	36	сгіреге	егіреге.
32	29	помоташа	пометаша.
47	44	Апп.	Апп.
58	38	мон. изслѣд.	мон. и изслѣд.
59	13	вышелъ вѣроятіо	вышелъ, вѣроятно.
—	19	главнымъ обра- зомъ вѣроятно	главнымъ образомъ, вѣроятно.
64	29	in Alterthum	in Alterthum.
—	34	Печюнь	Печючъ.
66	20	(i. e. Bieszczad,	(i. e. Bieszczad),
67	36	Вослокою, Slupice	Вислокою, Slupiec.
—	37	Nista	Niska.

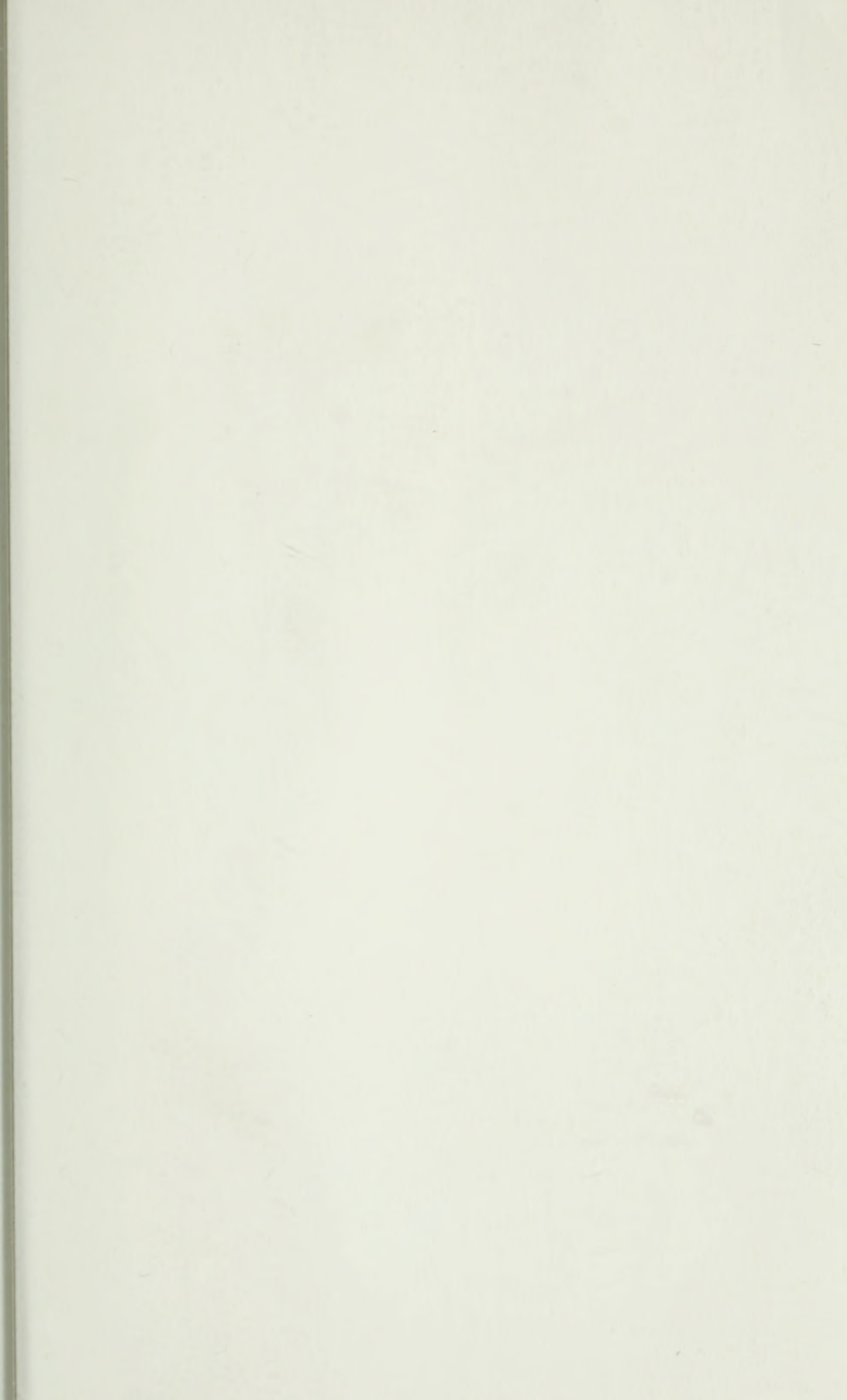
*) Здесь перечисляются только *важнѣйшія* изъ нихъ. Авторъ не въ состояніи былъ предотвратить ихъ, потому что не имѣлъ возможности все время слѣдить за печатаніемъ своего труда.

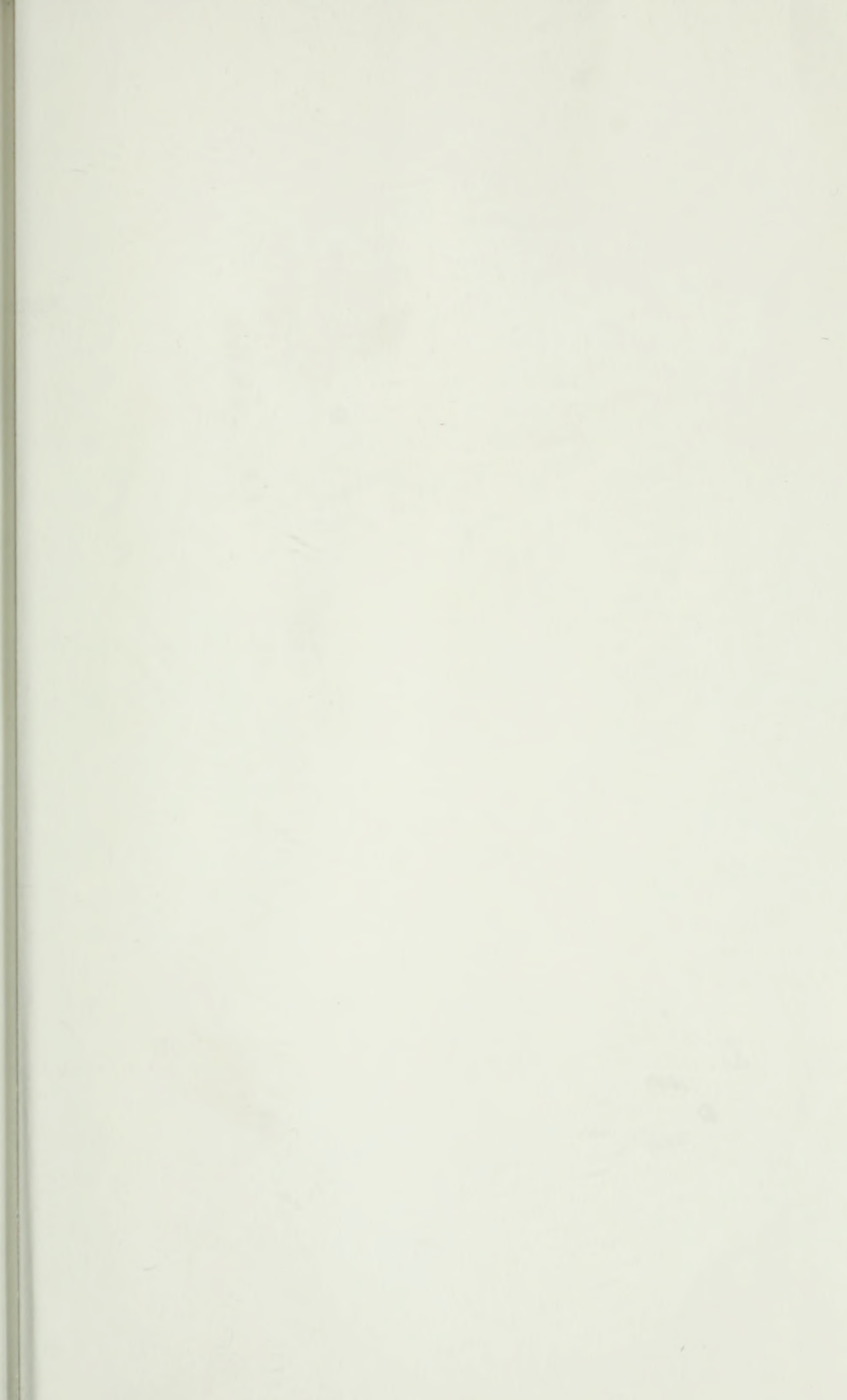
Изъ стран.	Строка сверху	Напечатано.	Должно было быть.
72	36	1229	1289.
73	24	i stoków	и stoków.
74	45	команин	Команин.
77	19	Пересопницю	Пересопницю.
81	7	Mon. g.	Mon. G.
—	8	XX	XIV.
86	6	sout	sont.
—	27	повторилъ	повторилъ.
92	18	бумага	булла.
94	5	украшены	украшены.
100	4	познакомимся	познакомился.
114	2	Пересопницы	Пересопницы.
115	22	има	има.
—	29	pol.»	Pol.»
116	12	порабощенія	порабощенія.
120	23	Полотьского	Полотскою.
121	19	русской	русскихъ.
—	20	лѣтописи»	лѣтописей.
—	21	Msislaus	Mscislaus.
—	45	s. 405	S. 405.
122	13	Рогволодь	Рогволодь.
—	25	1231	1281.
124	29	пѣныцъ	пѣныцъ.
—	30	»попѣманскія	по-Пѣманскія.
—	32	Монгивилоничъ	Монгивилоничъ.
—	34	сказали, Брестъ	сказали; Брестъ
125	11	exercitus	exercitus
—	20	sa Dźwina	za Dźwina.
126	26	»Jaczwingi	»Jaczwingi
—	35	quidam	quidam.
—	37	capitaneos	capitaneos.
128	11	Юборкъ и Купасевъ	Юрборкъ и Купасовъ.
—	13	Эрдзивицль, Немекъ	Эрдзивицль, Немекъ.
—	22	Викинтъ	Викинтъ.
—	22	Пусенмунтъ	Пусенмунтъ.
129	4	тъмн	тъмн.
—	27	см. стр. 248	см. стр. 248.
130	18	Mindowa	Mindowa.
—	27	własnego	własnego.
—	31	grodzieńskiego	grodzieńskiego
131	14	Миндове Выкыпть	Миндове. Выкыпть.
—	17	Трепяга Товтивиль	Трепяга. Товтивиль.
—	19	Войшмелкъ Рукль Репскій	Войшмелкъ. Рукль. Репскій.
—	32	Стрепы	Стрепы.
133	34	предыд. гл., прим. 32-е.	предыд. гл., стр. 85—86.
134	15	княженіе	княженія.
136	40	socur	soeur.
—	42	Монгрома	Монгрома.
140	23	Preussens 4 s.	Preussens 4 S.
151	12	ия Руся	ии Руся.

На страл.	Строка сверху	Напечатано.
153	36	Опизо
154	7	Дорогичиъ
—	31	великой церкви
155	27	прав. у.
156	8	наследавши
—	33	Іѡ., 523: Ник

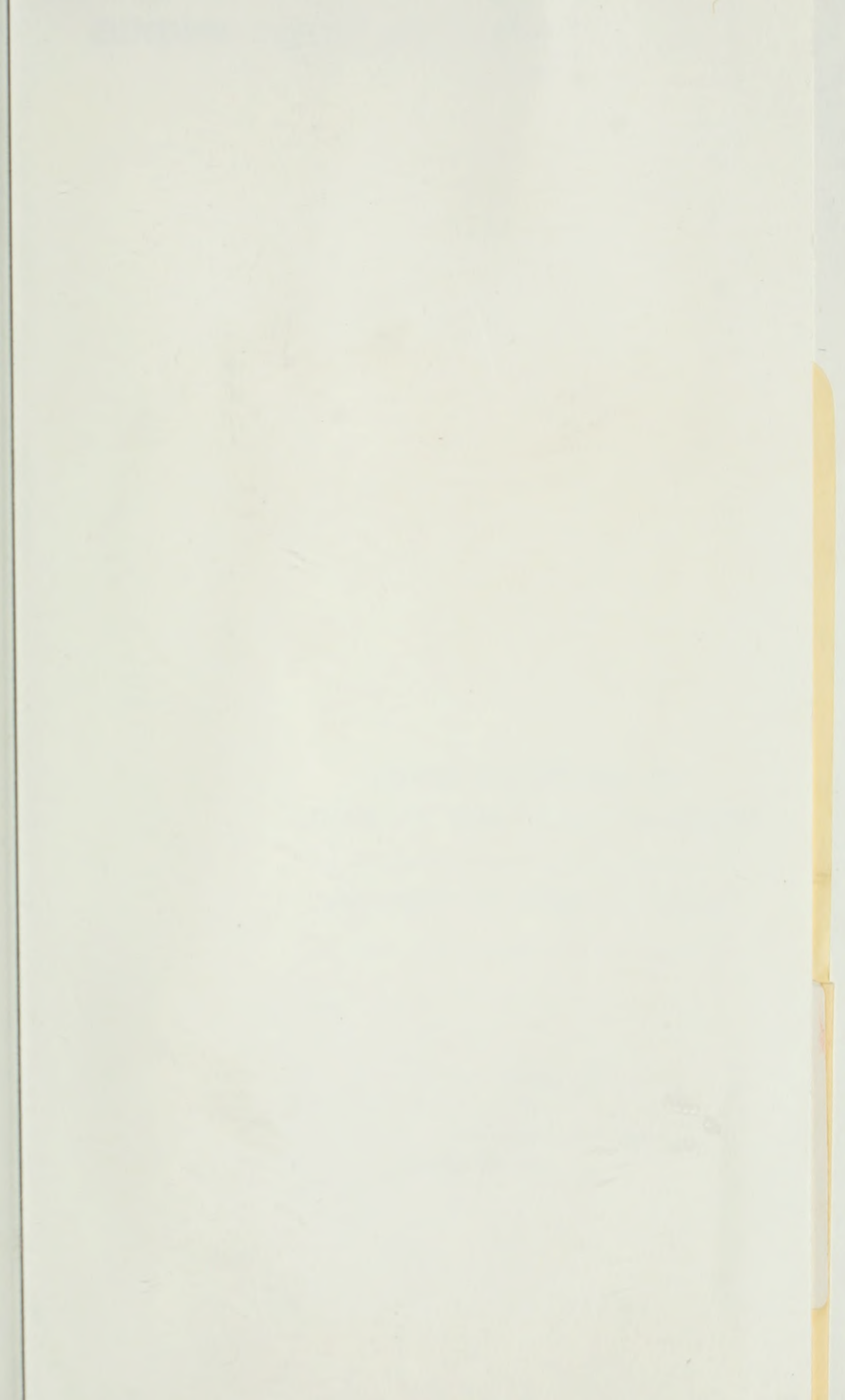
Должно было быть.
Опизо.
Дорогичивъ.
римской церкви.
прав. ц.
наследивши.
Іѡ., 523; Ник.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

BINDING SECT. SEP 14 1972

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK	Dashkevich, Nikolai
508	Pavlovich
.6	Kniazhenie Daniila
D303	Galitskago
1873a	

